

Фатима Баїрамукова

**Когда сердце
горит от печали...**

Москва – 2008

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б18

*Издание осуществлено при поддержке
Комитета межрегиональных связей и национальной политики
города Москвы*

Байрамукова, Фатима.

Когда сердце горит от печали... / Фатима

Байрамукова. - М.: Моск. дом национальностей, 2008. -
360 с. : фот. - ISBN 978-5-9247-0066-3. Агентство СІР РГБ

Эта книга была написана на карачаевском языке и выходила в двух частях (1991, 1997 годах). В данное издание материалы вошли частично. «Когда сердце горит от печали...» впервые издается на русском языке.

В книге использованы материалы архивов КГБ, МВД, Государственного архива Киргизии, Государственного архива КЧР и личного архива автора, фотографии, письма и документы из семейных архивов депортированных сограждан.

ISBN 978-5-9247-0066-3

© Байрамукова Ф.И.
© ГУ МДН, 2008.

*Незабвенной моей матери, Софье Османовне,
и всем женщинам, испытавшим все ужасы и муки
депортации, посвящаю.*

Ф. Байрамукова

*Эта книга была создана при участии многих людей.
Автор выражает всем свою благодарность.*

«Мой народ! Ты невелик, как многие на этой земле, и велик, как все на ней. Ты горд и гостеприимен, ты добр и чист, ничьи земли ты не делил, ничьих детей ты не сиротил. Ты святой, мой народ! А если есть в тебе такие, то не для них красота общения, убоги они и невежественны, не умеет их лицо сиять радостью блаженства. Они заметны сразу. Я пою тем, которые полны любви к миру, справедливости».

Ислам Крымшамхалов (1864–1910),
карачаевский просветитель, поэт и художник.

ВОЗЬМУ ТВОЮ БОЛЬ

*«...Через много лет по рассказам стариков
молодые напишут книги...»*

(Из народной песни)

Трагический путь длиною в 14 лет... Он начался в то осеннее утро, когда, превратив рельсы в бесконечные носилки, а грузовые вагоны – в большие деревянные гробы для целого народа, карачаевских стариков, женщин и детей отправляли на Восток.

Чем измерить боль тех 69267 человек, которые не знали, за что были обречены называться бандитами? Может, километрами того адава круга, что пришлось пройти; пятью тысячами дней, проведенными в изгнании; пролитыми там слезами или душевными ранами, которые и времени не подвластны?..

Не знаю.

С людьми, пережившими депортацию, я «побывала» в Кургате, Арысе, Мерке, Чубаровке, Михайловском, Таласе, Баяуте, Сарыагаче, Келесе, Пахта-Арале, Покровском, Джамбуле, Чалдоваре, Абай-Базаре, Казалинске, Манкенте, Фрунзе, Чимкенте, Чактуле, Сайраме...

Став пленниками горя, люди вмиг потеряли не только родные очаги, но и доброе имя, и мечту, и свое завтра. Депортированные в то трагическое утро 2 ноября 1943 года в Среднюю Азию, называют его «кыяма кюн» (день светопрествления). Чтобы понять, какой смысл в эти слова вкладывают очевидцы, мне, родившейся спустя 10 лет после этого адава дня и этих страшных событий, пришлось переступать пороги домов и слушать горькие рассказы многих людей.

В то раннее утро, в одно мгновение, в один голос, как вопль, как стон, над всем Карачаем прозвучал вопрос: «За что?!» Ответа не последовало. Карачаевцы задавались этим вопросом все 14 лет депортации. Но и сегодня нет вразумительного ответа на него.

Кто в эти трагические дни проживал в карачаевских селениях? Старики, женщины, дети... и вернувшиеся с фронта солдаты-

инвалиды. Не было среди них Героев Советского Союза Османа Касаева, Харуна Богатырева, Аскера Бархозова, Ажью Канаматова, Дутербия Узденова, Солтан-Хамита Биджиева, Магомета Гербекова, Кичибатыра и Юсуфа Хаиркизовых, Юнуса Каракетова, Харуна Чочуева, Хамзата Бадахова, Джанибека Голаева, Османа Гочияева, Абдуллы Ижаева, Магомета Декушева, Шукура Крымшамхалова, Исмаила Салпагарова, Абдуллы Хапаева, Солтана Магомедова... Не было в тот суровый день в своих селах и других славных сынов Карачая из ущелий Кубани, Теберды, Джегуты, Мары и Гума... Все они на полях сражений вели героические бои с фашистами... 15 тысяч человек, то есть каждый пятый карачаевец, были на фронтах Великой Отечественной войны... А в это время их отцов, матерей, младших братьев, сестер, жен, детей под дулами автоматов и винтовок выгоняли из собственных домов и в товарняках насильно увозили на восток, на верную смерть. По официальным данным, в годы депортации погибло 42 тысячи карачаевцев, из них 22 тысячи были дети. Народ был депортирован без обвинения, следствия и суда.

А за год до этого, перед казнью, партизанка Залихат Эрикенова из застенков гестапо написала матери: «За меня не плачь. За меня отомстит Красная Армия, а Зарему (малолетняя дочь Залихат – *прим. Ф.Б.*) воспитает Советская власть».

«...Именно 2 ноября 1943 года, в день выселения карачаевцев, мужественная горянка Халимат Эбзеева, командуя кавалерийским взводом, с боями форсировала Днепр. В этот же день ее семья на станции Баталпашинская отправлялась в Среднюю Азию под усиленным конвоем.

3 ноября 1943 года командир пулеметного отделения 125-го полка морской пехоты пулеметчик сержант Хызыр Хачиров совершил героический подвиг. Его семья, обвиняемая в предательстве, на станции Невинномысской под дулами автоматов переселялась неведомо куда.

5 ноября 1943 года в Белоруссии командир партизанского отряда сержант Юнус Каракетов, за голову которого немецкое

командование назначило 50 000 марок, разрушил три моста на оккупированной территории. Его семья на станции Астрахань в вагоне для скота увозилась в чужедальные края.

6 ноября 1943 года командир танковой бригады гвардии полковник Харун Умарович Богатырев – Герой Советского Союза – освобождал Киев. Его семья на станции Гурьев под конвоем держала путь на высылку.

7 ноября 1943 года бывший политрук 229-го стрелкового полка Борис Казиев в шестой раз приговаривался немцами к смертной казни за побег из лагеря смертников и организацию антифашистской деятельности. Его беззащитная семья находилась на станции Аральская по пути на высылку.

9 ноября 1943 года за разгром 27 немецких гарнизонов легендарный командир 121-го партизанского полка капитан Осман Касаев представлялся к присвоению звания Героя Советского Союза. Его семья на станции Кызыл-Орда конвоировалась к местам выселения...» (*Борлакова З.М. Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. М. 2005*).

Данная книга является сборником «исповедей», жизнеописанием незаслуженно оклеветанных людей. В долгое лихолетье они не могли даже поделиться друг с другом своим горем. Горечь пережитого навсегда осталась в сердцах этих людей.

Моя главная цель – постараться довести их голос до тебя, дорогой читатель, забрать у них эту боль, сохранить эти рассказы для будущих поколений, чтобы такая трагедия больше не повторилась ни с одним народом.

Колесо истории ни на минуту не может остановиться. Каждый новый день не только приходит с чем-то своим, но и уносит с собою многое – израненные судьбы, еще не спетые песни, неостывшую боль...

Начиная повествование о беде, постигшей карачаевский народ, с глубоким сожалением осознаю, что упущено время и многих очевидцев я не успела застать в живых. Ушли они в мир иной, и пусть земля им будет пухом.

Время безжалостно, нет уже многих и из тех, с кем я успела встретиться и записать их горестные рассказы.

Главные герои этой книги – сами рассказчики. В большинстве своем это те, чье детство или молодость омрачены годами депортации. Среди них старики и люди среднего возраста. Они не знакомы друг с другом, но их объединяет страшное слово «депортация».

«Не слишком ли жестоко беречь их старые раны?» – задавала я себе каждый раз один и тот же вопрос, видя полные слез глаза уже пожилых людей.

О своих переживаниях я рассказала известной не только у нас в Карачае, но и за ее пределами писательнице, автору книги «Четырнадцать лет» **Халимат Байрамуковой**. Она, испившая полную чашу той трагедии, ответила, что «это – не жестокость, это – боль наших сердец, вечная спутница наша». «Нужное дело ты начала, доведи до конца», – напутствовала она. Вскоре, встретившись в Карачаевске с бывшей учительницей Балдан Урусовой, я поняла мудрость совета Халимат Башчыевны. В конце нашей беседы, обессилев от воспоминаний, Балдан свою благодарность в мой адрес закончила словами: «Если бы я умерла, не поведав кому-нибудь о том, что я испытала в те годы, могила моя треснула бы пополам...»

Встречалась я и с такими, которые говорили: «Зачем, дочка, нашей болью ранишь сердце свое?» Не все, с кем я общалась, смогли рассказать о тех далеких, страшных днях – когда сердце горит от печали, трудно говорить о ней. И в этом я убеждалась не раз.

Тяжким грузом на сердце ложились воспоминания о голодной смерти детей в Средней Азии. Многие беззвучно плакали. Их глаза сквозь слезы смотрели на меня, но в эти минуты они видели не меня, а свое трагическое прошлое. То же самое происходило и со столетней Байдымат, которая до конца своих дней (умерла она в 1989 году) пронесла тяжелую ношу воспоминаний.

Слушая бабушку **Байдымат Гербекову**, я твердо решила рассказать людям о трагедии моего народа, поведать о временах

беззакония устами тех, кто испытал это на себе, осмыслить беспрецедентный подвиг моих соплеменников на чужбине, показать величие их духа... Я шла к людям, пережившим великую скорбь потери родины, к людям, чье человеческое достоинство помогло сохранить добро в израненном сердце.

Да, «ничто не забыто, ничто не прошло». Да можно ли такое забыть! Вот один из многочисленных примеров.

Молодая женщина была депортирована с малыми детьми. Рядом – никого из родственников. Муж – на фронте. Без еды и крова. Детей было семеро! В течение короткого времени, словно больные цыплята, шестеро умерли, и осталась она с самым маленьким. Но и он прожил недолго. Мать от горя потеряла рассудок: она не отдавала ребенка похоронить. Пошла с ним на кладбище и здесь, посреди могил, безымянных бугорков своих шестерых детей, скончалась, так и не выпустив из своих оцепеневших рук бездыханное тело малыша...

А как сможет забыть те годы мать, о которой рассказал врач **Маджир Канаматов**, ныне живущий в Черкесске!

«В селении, где мы жили, одна женщина (я тогда был малолетним и ее имени и фамилии не помню), видя, что дети могут умереть с голоду, начала ночами ходить на колхозные поля и собирать там колосья. Каждую ночь приносила несколько горсточек пшеницы. И в одну из таких ночей двое объездчиков-сторожей, заметив, погнались за ней. Она знала, если поймут – или избьют до смерти или отправят в тюрьму. Когда поняла, что от преследователей ей не уйти, женщина, добежав до речки, остановилась и у моста сорвала с головы платок, взъерошила волосы и села. Всадники, увидев ее, оцепенели от страха и с криком «Ведьма!» побежали назад. А «ведьма» эта еще не один раз, пугаясь даже собственной тени, но прижав к груди горсть зерна, возвращалась в полуночной мгле к своим детям...»

Другая мать, по воспоминаниям очевидцев, в первое время, когда депортированные в изгнании гибли семьями от голода и холода, желая любым путем сохранить жизнь четверых своих де-

тей, отдала их в казахские семьи. Через несколько лет, когда миновала голодная смерть, она пошла просить своих детей обратно. Но из них двоих не нашла. И на всю жизнь на лице этой женщины осталась печать боли отчаяния и ожидания.

Возможно ли спокойно слушать эти короткие, но полные трагизма и ужаса рассказы моих земляков?!

«Я помню, как пришли к нам солдаты. Они сначала застрелили нашу собаку...» (Хачиров И.).

«Дети подземелья – все, кто родился и вырос в землянках Средней Азии. Мы видели, как старики хоронили своих внуков» (Б. Каппушев).

«В ауле Эльтаркач, когда вывозили людей, из рук матери, которая сидела в кузове грузовика, выпала девочка... Рыдающей матери не остановили машину» (И. Гербеков).

«...Так как железнодорожное полотно было однопутным, в ожидании прохода встречных составов поезд простаивал долго. И, тем не менее, не на каждой остановке открывали двери. Иногда людей выпускали из набитого битком вагона, чтобы дать возможность подышать свежим воздухом. Иногда же стоящие у двери и окон автоматчики не позволяли даже выглянуть наружу.

Житель Каменноста Хасан Башчиевич Айдинов, участник войны, вернувшийся с фронта тяжелораненым, с больным сердцем, ехал в соседнем вагоне. На одной из остановок Хасан попросился выйти: ему не хватало воздуха. Но солдат не согласился его выпустить. И тогда Хасан, в отчаянии, сам себе перерезал горло» (О. Хубиев).

«В первые месяцы выселения тело умершего вне дома не разрешали родственникам приносить домой и хоронить по адату. Даже тяжелобольные были вынуждены выходить на работу. Были случаи, когда людей, скончавшихся на поле, заставляли тут же где-нибудь закопать, как труп животного» (П. Абазалиева).

«Отцу было 96 лет. Четверо его сыновей сражались на фронте. Когда он умер, это было в 1944 году, мы с братиком с раннего утра до позднего вечера рыли ему могилу. И какая это была моги-

ла... Едва управились. До того были слабы...» (М. Лайпанов).

Когда мною был собран огромный материал, знакомясь с очередным очевидцем депортации, думала: неужели расскажет что-то не похожее на ранее услышанное об этих трагических годах? Но каждая судьба неповторима...

Судьба **Балли Байкуловой** из села Важное (умерла в 1989 году) – еще одна печальная и страшная страница той большой трагедии, которая не закончилась четырнадцатью годами депортации моего народа.

Беседуя с ней, я узнала о том, что муж ее погиб на фронте, трое детей похоронены в Баяуте. Депортация сделала ее похожей на высохшее дерево. В ее небольшой комнате, с фотографий, висящих на стене, смотрели на нас три пары детских глаз и глаза молодого мужчины, мужа Балли. Эта пожилая, больная женщина среди них казалась пришедшей из прошлого века. И кто знает, кому из них больше повезло: им, обреченным остаться навсегда юными и молодыми, или ей, которая прожила долгую мучительную жизнь во «вчерашнем дне»: после 1946 года у нее не было ни настоящего, ни будущего. В тот год, положив свою душу в могилу вместе с детьми, она до 1989 года просуществовала, желая лишь одного: скорее покинуть этот мир. «Беды окружили мое прошлое, но я не отрекаюсь от него – там остались и дети мои, и счастье мое», – сказала мне Балля.

В дороге скончалась мать одной женщины. Ее не дали ни похоронить, ни везти в вагоне дальше. Бросили тело на обочине дороги. Дочь ее (мать троих детей, муж ее был на фронте), желая облегчить и унять жгучую боль сердца, во время остановок поезда садилась прямо на снег. Когда ее тело остывало, ей казалось, что боль утихает и в сердце. Так сильно жгло ее горе... А позже у нее перестали ходить ноги.

Невозможно описать все ужасы случившейся трагедии. Эта книга всего лишь капля из моря скорби. Моря из слез депортированных женщин, детей; из крови, пролитой их отцами, братьями, сыновьями на фронтах Отечественной войны.

Как описать до конца страдания народа, бесправность, беззащитность его?

О ком рассказать?! О тех, кто умер от тоски и печали, или о тех, кто в дни возвращения на родину не смог спокойно уехать из-за родных, оставшихся лежать в чужой земле? И по сей день многие так и живут, мечтая о возвращении?!

Появление солдат в горных аулах Карачая жителями было воспринято без каких-либо подозрений. Наоборот, матери-горянки принимали их как своих сыновей, которые сражались на фронтах Отечественной войны. Во многих аулах солдаты были расселены по домам. Солдатские матери отдавали им лучшие комнаты, угощая всем, что есть. И это длилось целый месяц.

Прибывшие солдаты расчищали дороги, строили новые там, где их не было (как потом оказалось, чтобы беспрепятственно могли пройти автомашины с депортированными), помогали тем, кто еще не успел собрать урожай... Они не говорили, зачем строят дороги, не предупреждали жителей, что им не стоит от зари до зари работать в поле, так тщательно готовиться к зиме, потому что...

Легко ли было солдатам после всего этого насильно выдвирать из родных очагов гостеприимных хозяев?! Этот бесчеловечный акт был насилием не только по отношению к депортируемым, но и к тем, чьими руками это делалось. Что должно было произойти в душах этих солдат за одну эту ночь – с первого на второе ноября 1943 года – чтобы «забыть», что еще вчера вечером они пили из рук радушных хозяек парное молоко? Еще вчера они слушали их рассказы о сыновьях или мужьях-фронтовиках. А утром... обернувшись неумолимыми исполнителями чужой воли, стали выгонять беззащитных женщин, детей и немощных стариков из их собственных домов.

О том ноябрьском рассвете многое сохранилось в памяти людей: грубый стук в дверь, направленные дула автоматов, брань, плач детей и женщин, вой собак... Да, в этот день многие из солдат и офицеров превратились в карателей: не разрешали хоронить

умерших ночью родных, не давали матерям брать с собой детские люльки. Были и такие, которые отбирали у пожилых людей последние копейки. Было много такого, о чем даже подумать страшно.

И солдаты, выгонявшие мой народ из родных домов, и коменданты специальных комендатур в Казахстане и Средней Азии, которых как огня боялись спецпереселенцы, и бригадиры, избивавшие голодающих детей из-за горсти утаенного зерна, мне кажутся сегодня злыми демонами.

Но не все были перевертышами... Народ хранит добрую память о других офицерах и солдатах. О тех, кто не только в душе сочувствовал депортированным. Были и такие, которые помогали женщинам собраться за те 15 минут, что было им отпущено, советовали, что взять в дорогу. Мне поведали и о таком случае: офицер, который пришел в дом старой женщины, чтобы вывести ее, увидел на стене фотографии четырех солдат. На его немой вопрос она ответила тоже без слов – показала четыре «похоронки». И офицер, не проронив ни одного слова, вышел в коридор и застрелился. Думаю, что смерть молодого офицера эта женщина восприняла как пятую «похоронку».

Часто думаю о депортации народов и о Ленинградской блокаде. «Блокадную книгу» Алеся Адамовича и Даниила Гранина невозможно читать равнодушно, каждая строчка отзывается болью в самой глубине сердца. Депортированные были в более худших условиях. При всей тяжести блокады, у людей не было попрано человеческое достоинство. Они знали, за что борются, знали, кто их враг, знали, что от них требуется. К тому же блокадники знали: за них болеет вся страна, их жалеют, любят, помогают изо всех сил, на них смотрят как на героев... В дни тяжелых испытаний мысль обо всем этом для них была великой опорой. А для репрессированных страшной бедой были не только голод и болезни, которые унесли тысячи жизней детей и взрослых, но и их унижительное и бесправное положение. «Если бы меня выслали, обвинив в чем-то, я с меньшей болью перенесла бы это унижение», – говорила Патия Боташева из города Карачаевска.

Эти слова повторяли большинство очевидцев выселения, с которыми мне пришлось встретиться.

Могилы спецпереселенцев затерялись в песках и зарослях тех далеких мест, куда они были высланы. Когда услышала, что немцы по всей России ездят и приводят могилы своих соплеменников в порядок, когда узнала, что литовцы переносят прах своих людей в родные места, я подумала о бабушке Айшаджан и старшей сестре Любочке и младшем братике Магомеде, и о тысячах соплеменниках, чьи могилы разбросаны по всей Средней Азии и Казахстану, в 480 селениях. Как быть с этими могилами? Кто позаботится о них? Эти безымянные холмики давно сровнялись с землей. Может, души оставшихся там горцев вернулись в горы, в «...солнцем коронованный край, мой Карачай»? Ведь они на чужбине так хотели глотка кубанской воды, глотка родного воздуха...Тоска по родине была для многих страшнее самой смерти. Как быть с таким завещанием, которое осталось в народной песне-плаче:

*...Строго не судите меня, друзья,
за песню-плач, сочиненную в страданиях.
Как бы мне хотелось, чтобы мои кости
обрели вечный покой на земле отцов*.*

Для тех, кому посчастливилось вернуться на Кавказ, в другой песне звучит такое завещание:

*...Мы вернулись в наше Отечество!
Напейтесь волю кубанской воды.
Нас, карачаевцев, мало осталось,
Будьте добры друг к другу.*

В жестоких условиях насилия и унижения наши люди на чужбине больше всего, как мне кажется, боялись ожесточиться. Знали они, если на зло ответить злом, цепь зла никогда не разо-

* Здесь и далее подстрочные переводы автора.

рвется. Так в сердца детей можно заронить зерна зла. И тогда они, матери, с таким трудом сохранившие жизнь детям, не смогут дать им самого главного – ощущения добра. Депортированные видели, что те, кто их жизнь превращал в ад, не менее несчастны. Не зло, а свои духовные силы, любовь к жизни, свою мечту противопоставляли они тем, кто был обречен стать их карателями. И потому народ мой выжил, и потому вернулся в свой отчий дом, сохранил свои мечты и песни, любовь к жизни... Как пишет поэт Кайсын Кулиев, «...люди не только продолжали жить наперекор всем испытаниям, выпавшим на их долю, но и высекали огонь поэзии даже из своих несчастий, продолжали творить и создавать, выдвигая героев и мастеров, светом своих сердец и мощью своего гения освещающих тяжелый мрак жизни», продолжали рожать детей, строить дома, сажать деревья.

В мою память врезалось красное маковое поле, которое как зарево пронеслось мимо окон поезда, увозившего нас с чужбины на родину. Это произошло весной 1957 года, мне было четыре года. Но в доме, где я выросла, как и в других карачаевских семьях, о депортации напоминало многое: это невозможность небрежного отношения к родной земле, к крошке хлеба, горсти муки, соли, недопустимость обмолвиться словом, выражающим высокомерие...

Эта книга о тех, кто, умирая, вспоминал о небе Кавказа, о двуглавом Эльбрусе, о глотке кубанской воды, о земле отцов. Это – Книга скорби. Она памятник тем, кто остался лежать на чужой стороне без надгробного камня.

Это книга-исповедь доживших до счастливых дней 1957 года. Она написана и для тех, кто будет жить завтра, дабы не повторилась подобная трагедия нигде, ни для кого.

Как бы мне хотелось хоть чем-то облегчить твою душу, мой мудрый и терпеливый Народ!

Фатима Байрамукова.
1984–1991 гг.

Глава первая
ТРЕТЬЕ НОЯБРЯ

ДЕРЕВО – ПАМЯТНИК НАД МОГИЛОЙ

Юсуф Хубиев, его жена Софья, мой родственник Рамазан Лайпанов, любезно предложивший нам свои «Жигули», и я приехали в урочище Джеганас. Узкая тропа над затейливо очерченным обрывом вывела нас на зеленую лужайку. Речка Джеганас так обрамляет ее, что здесь под скалой образовано нечто вроде полуостровка. Пряный запах молодой травы, цветущих плодовых деревьев, пение птиц, трепет едва распустившихся листьев зовут к жизни... Трудно поверить, что полвека назад по этой поляне текла кровь. А Юсуф с волнением смотрит на скалу высотой в 40–45 метров.

– Третьего ноября 1943 года машина, в кузове которой находилось двадцать восемь «пассажиров», сорвалась вот с этой скалы, – так начал он свой рассказ.

Скала не отвесная. На ней есть выступы, где умудрились вырасти кустарнички, полевые цветы, есть расщелины, впадины.

– В то раннее утро, – продолжает Юсуф, – автомашина разбилась не на поляне. Ударившись о скалу, она еще в воздухе разлетелась на три части. Одежда и все матерчатое, что успели взять с собой эти несчастные люди, повисли на ветках кустарников, что росли на скале и на камнях. – Повернувшись назад, он стал что-

то искать. Потом подошел к большой черной осине и продолжил свой рассказ.

– Она выросла такой из маленькой веточки. Под ней тела семнадцати человек. Тех, кто погиб в то утро. Тогда в спешке тут же выкопали яму, побросали туда тела тех, кто показался им мертвыми, закопали. Кто-то отломил веточку с дерева, воткнул ее на свежую могилу. И ушли...

Эта веточка спустя годы превратилась не только в большое дерево, но и стала надгробным памятником. Природа сама позаботилась о нем, коль люди не смогли сделать этого. Осенью 1959 года (кажется, был октябрь), когда мы возвратились на родину, я первым делом пришел сюда. Тогда могила была над землей сантиметров на восемьдесят, теперь она осела и почти сровнялась с землей.

Приблизившись к дереву, Юсуф погладил его грубый растрескавшийся ствол, словно детскую головку, и продолжал:

– В тот год осина была большим ветвистым деревом. Потом что-то с ней случилось, и ее большая ветвь обломилась...

Эта ветка – будто простреленное крыло большого орла. А если смотреть на осину со стороны, она окутана зеленой дымкой распускающихся листьев. Стоит, словно смотрит себе под ноги, отдавая дань уважения могиле, нашедшей приют в тиши ее раскидистых ветвей. Да, это живое дерево, это не холодный камень, который не ломался бы, не старел бы. Это дерево – олицетворение человеческой боли. Оно, как и все живое, имеет свою судьбу. У него она печальна – памятник семнадцати погибшим...

Голос Юсуфа прервал мои мысли. Показывая на куст, что рос в нескольких шагах от осины на бугре, он продолжил свое повествование:

– Наш Дахир упал на эту калину. Когда машина сорвалась со скалы, мать бросила завернутого в пеленки младенца в сторону куста. К счастью, попав на этот густой куст, он остался лежать на ветках, не разбился.

– Юсуф, если сможете, расскажите все по порядку и подробнее, – попросила я.

– По порядку... – повторил он и, сделав длинную паузу, думая о чем-то, повернулся лицом к скале, будто собирался рассказывать ей, и начал. – И сейчас я слышу крик матери: «О, Боже мой, машина падает со скалы!» Восьмимесячного Дахира, который был у нее на руках, она не просто упустила из рук, а бросила в сторону деревьев. Желание ее сбылось, он остался жив. Все, кто оторвался от машины еще в воздухе, не погибли. Они остались живы, видимо, им еще было отпущено страдать. А те, кто упали на землю вместе с частями автомашины лежат под этой осиной. Семнадцать человек.

Всего на той машине было двадцать восемь человек, четверо из них, сопровождавшие военные – офицер, водитель машины и два солдата. Несчастные, они тоже погибли. Выжили шестеро: я, мой отец Зулкърнай, зависший на ветке рябины маленький Дахирчик, Танечка Джашеева пяти-шести лет от роду, ее мать Лейла и Нафисат Лепшокова.

Эти двое ребятешек – Дахир на дереве и Таня – остались там никем не замеченными. Некому было их искать, а четверых – Юсуфа, Зулкарная, Лейлу и Нафисат – вывезли с поляны на арбе, потом – в кузове грузовика везли навстречу боли и испытаниям, которые еще надо было пережить этим несчастным...

– В этой могиле, – говорит Юсуф, – покоятся тела семьи Каракетовых. Их было десять человек – мать, отец и восемь детей. Они все погибли. Пятеро детей Нафисат и моя мать с бабушкой. До сих пор думаю: если бы вскрыть могилу, нашел бы останки матери. У нее косы доходили до пят. Ведь волосы долго сохраняются, но никак не решусь. Отец очень торопился вернуться из Средней Азии. И из-за погибших здесь, из-за Дахира тоже. Наверное, надеялся обрести душевный покой на родной земле. Он не собирался эту безымянную могилу здесь так оставлять.

А я все думаю, что надо поставить здесь памятник, да что-то меня сдерживает. Родственники других покойных боятся этого места. Да и кто из них остался?!

Да, Юсуф прав. Надо бы поставить памятник. Памятник семье Гилястана Каракетова. Памятник отнятому материнству Нафисат, заблудившемуся счастьем Лейлы, искалеченному детству Юсуфа, и памятник той трагедии, постигшей весь Карачай. А дерево это долго ли еще простоит? Как и все живое, оно не вечно. Да и бремя, возложенное на него, слишком тяжелое, чтобы жить долго.

А калина... Ее ветки, «принявшие» сорок семь лет назад из рук матери маленького Дахирчика, сегодня мне видятся как корни жизни. Маленькая калина... Она не уронила Дахира на холодную осеннюю землю, а, превратив свои ветки в колыбель, качала ребенка, пока кто-то не нашел его случайно. Кто это был – никто не знает...

После рассказа Юсуфа ветки этой калины мне кажутся материнскими руками, десятками рук, протянутых к детям, чтобы помочь им, чтобы спасти, чтобы укрыть от несправедливости и боли.

Старая калина... Почувствовала ли она, что жизненная тропа Дахирчика с ее ветвей, из-под этой скалы, от безымянной могилы его матери, с этой поляны круто повернется вкось? Почувствовала ли, что малыш никогда не узнает, что такое материнское тепло, тепло родного очага, отцовского плеча?

Трагедию, боль чувствует все живое. Тот черный день оставил след не только в сердце Юсуфа, который рассказывает все это. Страшный крик его матери лег страшным шрамом в самые корни этой калины, всей этой полянки у реки Джеганас.

После того, как сфотографировали Юсуфа на фоне этих деревьев и скалу, с которой сорвалась машина, мы собрались уходить. Юсуф, сделав несколько шагов, повернулся к супруге, которая все это время со слезами на глазах слушала мужа, и промолвил:

– Собрала бы букетик, ты же знаешь, как она любит цветы.

Он говорил о внучке. Не дожидаясь ответа, стал сам собирать. Собрал небольшой букетик первоцветов, отдал Софье и как-то торопливо пошел вперед. Казалось, он убегает от воспоминаний,

которые все разом нахлынули. А жена его, глядя с нежностью ему вслед, заговорила:

– На первый взгляд он кажется таким живым, энергичным. Это не так. Столько душевных ран у него. Иногда посидит молча, потом скажет: «Как вспомню пережитое, кажется, живу я на этой земле все 150 лет!»

Следуя за Юсуфом, мы поднялись наверх, на вершину той самой скалы, откуда сорвалась машина. Здесь проходит узкая горная дорога. Проезжать по ней на автомашине, конечно, было очень рискованно. Вот она и сорвалась вниз, разваливаясь на три части. А ведь судьбы тех, кто в тот день падал вместе с машиной в пропасть, сложились тоже тройственно. Многие погибли и там же остались, а четверо, с переломанными костями, попав в больницу, едва вернулись к жизни и были отправлены в места ссылки, чтобы испытать и горькую чашу изгнанника. А двое... – шестилетняя Таня Джашеева и восьмимесячный Дахир Хубиев (впоследствии Таисия Шмойлова и Владимир Кубиев), они...

О них, и о Юсуфе, с которым мы еще раз приходили к этой скале, хочу рассказать отдельно.

«...КАЖЕТСЯ, ЧТО ЖИВУ УЖЕ 150 ЛЕТ...»

«О, Аллах, всемогущий, смягчи сердца тех, кто жесток и беспощаден. Сделай так, чтобы рука насильника не лишила жизни праведного. Ты велик и всемогущ, дай сил, чтобы люди могли очиститься от всего, что заставляет их сеять зло, помоги им выйти на путь добра, истины, милосердия. Не дай испытать ни одному народу, никому ту трагедию, что пришлось пережить моему маленькому народу», – взмолилась я молча, стоя над пропастью рядом с Юсуфом. Он тоже стоял как немой. Казалось, что он слышит не пение птиц, которым была наполнена вся округа, а голос матери. Лицо его было очень напряженным. Глядя на него, я подумала, что эта скала была одной из ступенек к той пропасти, которая называлась жутким словом – депортация.

– Хотя мы родом из Къарт Джурта, – рассказывал Юсуф мне еще в 1989 году, когда я была у него в гостях в селе Николаевском, где он живет со своей большой дружной семьей, – нас выселяли из Джеганаса. Отец был конюхом совхоза имени 17-го Партсъезда. Это было большое хозяйство. Теперь нет ни колхоза, ни села нашего. В большой семье отца я был вторым ребенком. Кроме меня, еще были три сестры и три брата. В тот год мне исполнилось десять лет. В день изгнания отец и старший брат были на ферме. А дома, кроме нас самих, были и гости из Большого Карачая – бабушка и ее младшая дочь, сестра моей матери, с ребенком.

С рассветом пришли солдаты, всех подняли на ноги: «Быстрее, быстрее! Собирайтесь!». Если мне, ребенку, не показалось: разрешили взять с собой не много имущества, и нас ведь было не мало. Каждой семье позволили зарезать по одной овце и взять мясо с собой. Все село согнали на так называемый хозяйственный двор. Жители села, в окружении солдат, под открытым небом провели ночь. А утром были поданы автомашины (о, этот жуткий гул моторов!), и начали все население сажать в них. Когда дошла очередь до нас, самого младшего, Дахира, дали мне на руки и начали грузиться. Бабушка и я с ребенком на руках сидели в стороне и наблюдали за остальными. Всех детей, кроме меня с Дахиром, посадили в машину. Отец и мать подавали снизу, старший братишка и тетя принимали груз в машину. Когда собрались посадить нас с бабушкой, подошел офицер и решил, что остальные должны сесть в другую машину. На нашу просьбу не разлучать семью, он ответил, что в Джегуте найдем друг друга. Там мы должны были пересесть в вагоны.

Так нас посадили в другую машину – отца, меня, мать, бабушку и Дахира. А в первую сели два моих брата, три сестры, тетя с ребенком.

В сопровождении солдат и офицеров колонна автомашин направилась вниз...

– А кто был в машине еще с вами, можете сказать, Юсуф? – спросила я.

– Скажу. Семья Гилястана Каракетова (семеро дочерей, один сын и жена, все взрослые, кроме сына). Всего десять человек. Лейла, дочь Дугу Хубиева с двумя детьми. Семья Манафа Джашеева, сам он был на фронте. Нафисат Лепшокова с пятью детьми, муж ее тоже был на войне, и нас пятеро. Всего... высланных – 24 и сопровождающих нас – четверо вместе с водителем.

Дорога в Джеганас и сегодня узкая, а тогда была еще уже. От поднимающейся пыли не была видна следом идущая машина.

– Только в тот день я столкнулся с тем, что мольба к Богу сразу исполнилась, – говорит Юсуф. – Гилястан Каракетов, как только выехали из села, с горечью произнес: «Не в добрый час они нас вывозят, или утопят в море, или уморят голодом. О, Аллах, если нам не жить на своей земле, сделай так, чтобы хоть прах наш здесь остался! Пусть лучше машина перевернется и мы погибнем!» И эту горькую мольбу он повторил дважды и оба раза жена его вторила ему «аминь». А отец мой с содроганием возразил: «Как можете просить о таком?! Мы не туда едем, где нет Бога. Бог, он везде!» (После, до самой смерти, отец не мог слышать какое бы ни было проклятье. Запрещал произносить недоброе слово.)

Когда машина была в двух километрах от нынешнего известного завода, эта мольба (скорее это проклятье) исполнилась – она сорвалась со скалы.

Помню, как летел, оторвавшись от машины, вниз. Как приземлился, не помню. Видимо, к этому времени уже потерял сознание. Пришел в себя уже в другой машине, смотрю – отец рядом лежит. Весь в крови. Рядом еще какие-то окровавленные люди. В то время, как нас перевозили, я, видимо, опять потерял сознание...

Когда очнулся, солнце приближалось к закату. Не мог образить, где я, что я. Не понимаю, почему лежу в каком-то незнакомом месте? Мухи лезут в нос, в рот, просто одолевают. Делаю попытку встать. Чувствую, ниже пояса все онемело.

Не могу повернуться на бок. Хочу коснуться ног, левая на месте, правой – нет...

И вдруг «услышал» крик матери, и все вспомнилось.

Делая жалкие попытки защититься от мух, пролежал до ночи. С опухшим лицом, с рваными ранами (безболезненно отрывались куски мяса от тела) метался по земле долгую осеннюю ночь. Утром опять начали досаждают мухи, лезли в нос, в рот, довели до изнеможения. С другой стороны – голод. Уже два дня во рту ничего не было. Не было сил отгонять мух. Уже смирившись, отдав себя им на съедение, лежу и вдруг слышу шелест травы и шаги, направляющиеся в мою сторону. Думаю, все: я стал добычей какого-то голодного зверя. Очень испугался. Как ни странно, и в таком состоянии жизнь была дорога. Стал прислушиваться и вижу: подошла женщина и сразу же, испугавшись, отбежала. Тут же вернулась, глядя с ужасом, покрутилась вокруг меня, присела у изголовья, погладила по голове и ушла. Я остался лежать. Что-то сильно давило на затылок.

Перед закатом солнца услышал гул приближающейся машины. Остановилась около меня, из машины вышли та женщина, которая накануне гладила мою окровавленную голову, и с ней еще кто-то. Положили меня на носилки и повезли. Я опять потерял сознание, пришел в себя, когда с меня, с помощью ножниц, снимали и так уже рваную одежду. Была уже ночь.

В нынешней городской больнице города Черкесска Юсуфу хотели ампутировать поломанную ногу, но врачи пожалели паренька, да и сам он просил об этом. Вызвали из военного госпиталя женщину-хирурга и в течение многих часов боролись за его жизнь. Загипсованного, забинтованного мальчика положили в палату, где лежал его отец Зулкарнай.

– Когда везли в палату, – вспоминает Юсуф Хубиев, – очнулся от скрипа двери и сразу схватился за ноги. Убедившись, что ноги на месте, успокоился.

Положили рядом с отцом. Тот лежал один в холодной палате с переломанными бедром, плечевой костью и несколькими ре-

брами. Здесь Юсуфу отец рассказал о том, как сын очутился в зарослях, откуда его подобрали.

Когда их везли в больницу, по дороге остановились, чтобы дать раненым воды. Юсуф им показался мертвым, и, не видя смысла везти покойника в больницу, они сняли его с машины, положили в кусты и уехали.

– Когда я вспоминаю о том, что меня бросили у дороги, как падаль какую-то, – прослезился Юсуф, – мне невольно думается о том, что среди этих семнадцати зарытых в яму, могли быть и заживо погребенные. Ведь все это делалось в спешке, рядом не было врача, который мог бы определить, жив человек или нет. Не было и близкого человека, кто бы попытался что-то сделать. А солдаты выполняли приказ и сами были его жертвами. Не хочу брать на душу грех, но не исключаю: были там и заживо погребенные.

У карачаевцев есть пословица: «Покойный не останется без савана». То есть в любых обстоятельствах надо найти возможность отдать последний долг умершему. Депортация заставила отступить от этого закона с первого дня. Сколько ссыльных и в Средней Азии были просто зарыты в ямы! Слово «похоронены» к ним не подходит. Не был отдан последний долг и погибшим в результате крушения той автомашины.

– В результате падения у меня кроме ноги, – продолжает Юсуф, – была сломана лицевая кость. – Спустя три дня, когда врач пришел проверить состояние ноги, я жестами попросил осмотреть рот. Не мог ни говорить, ни есть, больно давили зубы на язык. Лицо было перевязано. Из-под повязок врач мало что, наверное, увидел, но после того, как он молча удалился, пришли две женщины и повезли меня в операционную...

Юсуф с болью рассказывает о том, как они с отцом мерзли в холодной палате.

– Не топили в нашей палате. Одного осетина на два дня перевели в нашу палату, и он в эти два дня заставлял топить печку. А когда он ушел, мы опять стали мерзнуть. Было настолько хо-

лодно, что вода в стакане замерзала. Всю долгую зиму провели мы с отцом в этой палате, отданные на растерзание холоду, душевным и физическим страданиям.

– А те две женщины, которые остались живы...

– Нафисат и Лейла? – уточняет Юсуф. – Им так же пришлось пережить эту зиму, в такой же палате, как и наша.

Потеряли детей, потеряли мужей, потеряли здоровье. Благо, были еще в рассудке... Все мы, измученные, больные, дожили до весны.

В апреле 1944 года вернулись с фронта домой раненые карачаевцы, они не знали о том, что случилось с их родными. Их и животноводов, которые были к моменту депортации высоко в горах, собрали вместе человек 300, для отправки в Среднюю Азию.

Большинство были фронтовики, среди них оказались и наши родственники. Они-то и сообщили, что в конце апреля их отправят в Среднюю Азию и нам надо уехать вместе с ними, а то Бог весть что еще может случиться. Отец ответил: «Если врач разрешит». Врач не разрешил. Гипс еще не был снят с ноги.

Тогда фронтовики распорядились по-своему. Накануне отправки и женщины, и мы должны остаться ночью в нашей палате, а они придут и вынесут нас. «Вам оставаться здесь нельзя, – говорили они, – как поправитесь, вас выпишут. За пределами больницы некому будет вас защитить. Под предлогом того, что вы бандиты, с вами расправятся. Ведь за каждую голову «бандита» дают вознаграждение. Пришли, как обещали, в полночь, вынесли нас через окно, а в вагоне спрятали за вещами.

В Казахстан ехали более месяца. Три вагона, в которых везли ссыльных, то и дело оставляли в тупиках на сутки, двое, трое... Замучились, пока доехали до Джамбула.

В Джамбуле было приказано быстро выгрузиться. Нам посоветовали: «В окружных селах ищите своих родственников».

Выгрузились на станции, покалеченные телом и душой, потеряв свое прошлое и надежду на завтра. Это был воскресный день...

«КАК ДАХИР ХУБИЕВ СТАЛ ВЛАДИМИРОМ КУБИЕВЫМ?»

Дахир Хубиев... С того страшного момента, как несчастный случай лишил его матери, этого малыша Дахиром никто не звал. В результате трагических обстоятельств имя и фамилия, мать и отец, народ и родная земля были для него потеряны, и он стал Владимиром Кубиевым. Мы тоже в дальнейшем будем называть его так.

О Владимире я впервые услышала от писателя Османа Хубиева. Его рассказ о судьбе Владимира был напечатан в 1964 году в газете, спустя несколько лет была опубликована его повесть «Люди», в основу которой была положена судьба этого мальчика. Писатель при личной встрече, рассказывая мне о Владимире, показал одну фотографию. На ней были семья Зулкарная Хубиева, сам Осман, посередине – в военной форме красивый молодой парень с большими грустными глазами. Это был он – Владимир.

Осман Хубиев вспоминал, что когда Владимир приехал в Карачай искать своих родственников, о нем писала наша местная газета. И я решила просмотреть все газеты за 1964 год и нашла объявление Азрета Урусова от 3 июня 1964 года под заголовком «Поможем Владимиру». «Вследствие культа личности Сталина, когда был выслан весь карачаевский народ, годовалый сын Магомета Хубиева в тяжелом состоянии находился в больнице г. Карачаевска. Оставшийся в живых благодаря стараниям медицинских работников, он был передан в детский садик. После попал в ленинградский детский садик, а затем в детский дом. В 1955 году Владимира вместе с другими способными мальчиками направили учиться в Суворовское училище. И в настоящее время 21-летний сын Магомета Хубиева там же продолжает учебу, но училище теперь находится в Москве. Сейчас Владимир в отпуске, приехал к нам в область, ищет мать, отца, родственников. Мать зовут Мариям, девичья фамилия, говорят, Урусова, но это еще не точно.

Давайте поможем Владимиру. Если кому-либо что-то известно о семье Магомета Хубиева, сообщите в редакцию».

Листая подшивку дальше, нашла статью Османа Хубиева от 12 июля под заголовком «Есть ли кто счастливее меня». Именно ее я искала. Вот некоторые строки из этой статьи:

«... 4 июля. Вчера Владимир в колхозе «Красный партизан» нашел своих родных. Его отец лежит в больнице города Черкесска. Посетили и мы Зулкарная Бекмурзаевича Хубиева. Старик был очень счастлив. Он нам сказал: «Говорят же – гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится. В этом и сами убедились. Предстал предо мной сын, о котором ничего не мог узнать полных 20 лет! Что тут было вчера! Столько народу собралось вокруг нас!» Вытирая тыльной стороной руки крупную слезу, невольно скатившуюся из глаз, стараясь успокоить себя, продолжил:

– В 1943 году ноябрь был сухой. Жили мы в Джеганасе. В день выселения от пыли машин ничего не было видно. Приближаясь к станции Усть-Джегутинской, машина начала сползать с дороги на край скалы, и мать его, убедившись, что сама она не выживет, бросила восьмимесячного сына в кустарник под обрывом. Вот с тех пор мы о Дахире ничего не знали. Теперь он явился сам...

Опять из глаз старика покатались слезы радости.

Женой Зулкарная была дочь Хасана Боташева – Байдымат. Она родила ему семерых: четырех мальчиков и трех девочек. Самый младший еще был на руках у нее. А в машине в тот день были еще один из их сыновей – Юсуф, сам Зулкарнай, старая мать Байдымат. Кроме них, сообщалось в газете, ехали в той машине внучка Дугу Хубиева – трехлетняя Таня (ее отец Манаф Джашеев), еще многие. Много людей там погибло, в том числе мать и бабушка Владимира. А Зулкарнай с сыном Юсуфом долго лежали в больнице города Черкесска. Оттуда уехали в Среднюю Азию. Остальные дети Зулкарная ехали в другой машине. Таню, дочку Манафа Джашеева, нашла и выходила русская женщина из станции Усть-Джегутинская, потом она ее удочерила. Девушка окончила школу. Недавно и она тоже нашла своих близких. Владимира

тоже станичники обнаружили (кто именно, не установлено), отдали в ясли, оттуда он попал в детский дом нынешнего города Карачаевска. Потом – ленинградский детдом, а когда исполнилось десять лет, в числе лучших был отобран в Суворовское училище. Сейчас он в Москве.

Во время нашей беседы с Зулкарнаем торопливо зашла в палату девушка в лиловом платье:

– Отец, Владимир ушел от нас!

– Что ты сказала? Куда? Зачем? – вскочил старик.

– Он прочитал в газете, что «мать звали Мариям, она из рода Урусовых». Усомнился, что мы его родные: «Видно, я опять ошибся. Простите... Прошу, не обессудьте! Откуда мне такое счастье?» – сказал он в слезах, собрал свой чемодан и ушел.

Зулкарнай от обиды и боли совсем растерялся и, собравшись с силами, взмолился:

– Лиза, как ты могла его отпустить?! Доченька, счастье наше само пришло в наш дом, а вы не удержали... Парень наш! Я его с закрытыми глазами узнаю. Кто хоть один раз видел мою семью, тот сам поймет, что он мой сын. О, Аллах, Аллах! Что же придумать? Болезнь меня сковала по рукам и ногам. Что же делать?

Как потом мы выяснили, то, что писал в газете Урусов о родителях Владимира, было ошибочным.

После безуспешных поисков в аулах Владимир вернулся в Черкесск и собирался уезжать. Мы поспешили с ним встретиться. К тому времени он уже узнал, что Магомет Хубиев и Мариям Урусова, как и другие, кто в дни высылки потеряли детей, хотели найти в нем своего ребенка, но они не его родные. А в доме Зулкарная даже метрику его нашли. В ней он – Дахир. Это в детском доме его сделали Владимиром.

Во всей округе во время выселения другой такой катастрофы, как в Джеганасе, не было.

– Знаете, потеряв всякую надежду, собирался, было, ехать обратно, – сказал Владимир, когда все выяснилось и он, наконец, обрел родных и успокоился. – Спасибо всем, кто меня нашел в

кустарнике, выходил, передал в детский дом, тем, кто меня там воспитал, кто в училище заменил мне отца, мать. Низкий им поклон. Но не искать близких, родных я не мог. Я не помню матери, но мне кажется, ее душа всегда следовала за мной, ее грустные глаза, ласковый образ стоят передо мной, иногда, может во сне, я ее вижу – в черном платье и сверху что-то светлое на ней. Когда меня отдавали в детский дом, вместе со мной передали два чемодана, выпавших из той машины. Как память о матери я их ношу с собой. От мысли, что теплые мамины руки прикасались к ним, открывали их замки, на душе становится теплее, они меня как бы приближают к матери. Мамы нет, но есть отец. И смотрите, сколько сестер, братьев, и родственников сколько! Я счастлив, счастлив...»

Прошло двадцать шесть лет после публикации этой статьи. Нет уже в живых Зулкарная. Если на том свете встретился он со своей Байдымат, что он ей рассказал?!

А что может к этому добавить Юсуф? Что еще скажет о младшем брате?

– Когда машина сорвалась со скалы, как вы уже знаете, кого-то предали земле, раненых забрали, Дахир же с Таней остались на полянке никем не замеченные. На противоположном склоне ущелья станичники собирали кукурузные початки. Когда произошла эта трагедия, они сбежались сюда, но солдаты их близко не подпустили.

А когда солдаты ушли, туда пришли местные люди. К счастью, Таню нашли в тот же день и забрали, а Дахир переночевал на кустарнике, как рассказывают. Коль ты обречен жить, то, как бы ни складывались обстоятельства, живешь. Представьте себе, если бы Дахир был постарше и понимал, где он и что с ним случилось. Он просто сошел бы с ума. На другой день люди услышали его плач и нашли.

Отец знал, что Дахира нет среди захороненных в яме. Он в больнице об этом сказал врачу. А тот заявил в милицию, что где-то в зарослях остался ребенок и сообщил им нашу фамилию.

Спустя время, при оформлении ребенка в детский дом в милиции вспомнили фамилию отца ребенка и вместо Хубиева записали по ошибке Кубиев, отчество – Зулкарнаевич, а имя дали Владимир. В графе «национальность» написали «карачаевец». Так он прожил в черкесском детдоме до школьного возраста, потом перевели его в ленинградский детский дом.

Дахир рассказывал, что в Ленинграде на лето почти всех детей родственники забирали к себе. Он часто оставался один, поэтому не любил каникулы. Старик – завхоз детдома – как-то повел его к себе домой и предложил, если понравится, жить с ними. Но Дахир привык жить среди детей и не согласился. Тогда старик (Дахир о нем очень тепло говорил, а я не вспомню его имени) посоветовал ему поступить в Нахимовское или Суворовское училище. Но для этого надо было поменять национальность. Дахир изменил ее и поступил в Суворовское училище.

Когда на Кубе происходили известные события, курсантов на подводных лодках отправили туда. Одним из них был Владимир Кубиев. По возвращении, некоторые курсанты были представлены к награде, в их числе и наш брат. После вручения награды его вызвал к себе генерал-полковник Солтан Кёккезович Магомедов. Расспросил и, узнав, что он детдомовец, посоветовал ему ехать в Карачаево-Черкесию, сказав о том, что автономная область восстановлена, карачаевцы вернулись на свою Родину, и он, скорее всего, Хубиев. В Черкесске в облизполкоме работает некто Хубиев. Нужно идти к нему. Он поможет найти родственников.

Дахир (Владимир) приехал в Черкесск, нашел Кады Хубиева. А тот в свою очередь направил его в Кумыш, тоже к Хубиевой, которая безуспешно искала сына с первых дней депортации. Она, как мы узнали позже, обращалась за помощью к Кады сразу по возвращении на родину. Оказалось, что эта женщина не только знала нас, но еще в Средней Азии договорились с нашим отцом, что вместе будут искать пропавших детей, как только очутятся там, где они потерялись...

Приехал Дахир в Кумыш, и женщина, увидев его, недолго думая, заявила: «Не мой, он сын Зулкарная». И объяснила водителю, как ехать в село Николаевское, колхоз «Красный партизан». Было уже поздно стучаться в незнакомые двери, и они поехали в Карачаевск, в гостиницу. Но в гостинице брату не пришлось ночевать: какой-то Хубиев, случайно встретившийся на улице, забрал его к себе домой, а утром весть о Владимире дошла до нас. Отец с больным сердцем находился в больнице, я со своим старшим братом быстро приехали в Карачаевск.

Очень на нас похожий молодой человек, в военном. Не наводя никаких справок, можно было сказать, что он – это наш Дахир. Привезли мы его в Черкесск, в больничной палате предстали все вместе перед отцом. Он, как увидел парня, всей душой принял его. Как же был счастлив в тот день наш бедный отец! Как он радовался!

Но мы на этом не остановились, поехали в Учкулан к маминной сестре, не потому, что еще в чем-то сомневались. Нет. Скорее всего, хотели его показать ей, обрадовать ее. Тем более, первые месяцы жизни за Дахиром ухаживала именно она. В те дни, когда родился наш младший брат, немцы расстреляли брата матери, и она от горя совсем слегла и не могла ухаживать за ребенком.

Приезжаем в Учкулан. Дахира оставляем в машине, а сами идем в дом. Тете говорим, мол, так-то так, сможешь ли ты подтвердить, что он наш брат. Она так растерялась, выбежала, не здороваясь, не приглашая, попросила: сними гимнастерку и покажи плечи. Там должна быть большая родинка. Посмотрели, действительно была родинка...

Слушая рассказ Юсуфа, я достала из папки фотографию Владимира, взятую у писателя Османа Хубиева, еще раз взглянула в его печальные глаза. С этой семейной фотографии смотрели семь пар глаз, но самые грустные были у него, еще очень молодого и очень красивого парня. Юсуф, взглянув на нее, сказал, что и у них есть такая фотография.

На то, что я с сожалением заметила, что глаза у него слишком печальные, жена Юсуфа сказала: «Да, да. Какими они могут

быть еще, когда вырос без матери, без тепла, без ласки?! Он не столько родственников искал, сколько мать. Он мог не думать, что могли быть сестры, братья. Они могли не быть. А мать... Матери не могло не быть. Он это знал. Он все время думал об этом. Страдал и тосковал о ней. Мы для него – это половина счастья. С болью в сердце слушала я его песню о матери. Аккомпанируя себе на гитаре, он спел нам песню, которую сочинил сам. Выросший в казенных условиях, он мечтал не о сестре, брате, он страдал и тосковал по матери – ей было отведено особое место в его сердце. «Все время думал, – сказал он мне как-то, – что скажет мама, если меня увидит».

Была бы Байдымат жива, она бы нашла средство растопить лед в сердце и печаль в глазах своего младшего сына. Прижав к груди, повторяла бы слово «сынок», гладила бы его голову, посмотрела бы ему в глаза... тогда он забыл бы о всех пережитых бедах.

Но не было Байдымат.

Слушая рассказы Софьи и Юсуфа, я вспомнила строки, которые стали автографом к книге Османа Хубиева «Люди». Их автор абхазский поэт В. Анкваб:

*Не бередите мне душу, спросив,
Отец кто мой, кто мать.
Изнемогаю я от этого вопроса!
Волосы становятся дыбом, горю я.
Где осталась ты?.. Почему потерялась
Мать моя?
Не зная тебя, страдаю, ищу,
Встречаясь с женщиной в пути,
Бреду за ней, думая: «Быть может, это она».*

Когда Юсуф закончил рассказ о брате, я задала ему вопрос, который долгое время меня мучил:

– Почему в прошлом году, повествуя о себе, вы не стали рассказывать о Владимире?

– Потому что мне очень тяжело говорить о нем! – ответил в отчаянье Юсуф. – На сегодня мы ничего о нем не знаем. Понимаете!

– Как?!

– Приехал, нашел нас, побыл с нами месяц. Уехал, рассказал свою историю командирам, они его еще на один месяц отпустили. Вернулся. Целый месяц ездил, встречался с родными, обрел друзей, родных, взял фотографии, обменялся адресами, уехал. Вскоре получили письмо, что он уезжает за границу, и на этом все... Исчез... Пропал... Канул.

Совсем не зная родного языка, он владел несколькими иностранными. Кто знает, куда его отправили. Куда бы ни направили, ну так же не должно быть! Зачем пропадать?! Куда только мы не писали, до Хрущева дошли! Ответили, что жив, и все...

Чувствовалось, что сердце Юсуфа плачет, в глазах слез не было...

– А Зулкарнай был жив, когда он пропал второй раз?

– К сожалению, да. Был жив. В преклонном возрасте пережить еще раз утрату он уже не мог...

Все это было очень жестоко по отношению к старику. Появление Владимира было последней большой радостью его, она вернула ему желание жить, веру в счастье, отогрела ему душу. Но, исчезнув опять, младший сын невольно приблизил его последний час. И кто знает, кого нужно жалеть, отца или мать Владимира? Отца, который при всех ударах судьбы дожил до старости лет и умер от сердечных болей, или мать, которая, ничего этого не испытав, молодая ушла из жизни?

Вопросы, вопросы, вопросы...

«СЧАСТЬЕ ИХ СОВСЕМ ЗАБЫЛО...»

«У несчастливой матери может ли быть счастливого дитя?» Этот вопрос бабушка Балбу задавала скорее себе, чем мне. С ней я познакомилась в селе Дружба, в ее доме. К ней приехала, по-

тому что она младшая сестра той самой Лейлы, матери Танечки, о которой мы хотим рассказать в этой главе.

Лейла, как помните, дорогой читатель, одна из тех четверых, кто остался в живых после катастрофы в Джеганасе. Она умерла в 1976 году. А Таня... Хотя нашла ее адрес, я не смогла себе позволить встретиться с ней и беречь ее раны.

А **Балбу Дугуевна Хубиева**, ее тетя, только она сумела рассказать о судьбе Тани.

– Из шести дочерей отца (нас, детей, было всего семеро, самый младший единственный сын) до ссылки успела выйти замуж только Лейла. Она была самая старшая, а я – вторая. В 1938 году, когда Лейла провожала мужа в армию, у нее на руках была дочка ее, Таня, а будущего сыночка она еще носила под сердцем. В день ссылки нас разместили в трех машинах. Помню, когда Лейла оказалась в другой машине, почему-то мне это очень не понравилось, и, боясь, что с двумя детьми ей будет трудно, захотела забрать Таню, но она взмолилась: «Ради Бога, пусть дети будут со мной». Что было делать, оставила их вместе.

О том, что машина, в которой она ехала, упала в пропасть, нам стало известно в пути. На каждой станции, где останавливались, отец, пытаясь узнать хоть что-нибудь, бегал вдоль состава, из вагона в вагон, расспрашивая всех. Так и доехали до Казахстана.

По прибытии, на следующий день, умер мамин отец. А мама была беременна Азретом. И она, после всех этих потрясений, раньше срока родила. Отец наш ждал сына, но порадоваться единственному сыну не получилось. Вокруг слишком много было горя. До самой весны, почти не бывая дома, наш несчастный отец искал Лейлу. В день, когда исполнилось сыну сорок дней, отец наш скончался от инфаркта. У матери от всех этих бед, постигших нашу семью, пропало молоко. А я, в страхе, что можем потерять единственного ребенка мужского пола (после матери я осталась за старшую), всю заботу о нем взяла на себя. Там, где мы жили, председателем колхоза был казах. Взяла Азрета на руки и пошла прямо к нему. Проливая слезы, говорю:

«Ему нужно молоко!» Хороший был человек, дай Бог ему здоровья. Дал он нам дойную козу, козье молоко спасло нашего единственного брата от голодной смерти, – с этими словами она с нежностью смотрит на Азрета, с которым я приехала в ее дом. – Кызыл Кум, где мы жили, было мрачное, бедное, не пригодное для жизни место, но люди здесь были очень хорошие. Казахи были очень хлебосольные...

Лейла к нам приехала летом. Одна. На костылях. После того, как попала в Казахстан, не зная, где мы, пробыла у каких-то родственников месяц. У нее же был перелом поясницы.

Поведала сестра нам о горе, постигшем ее и всех, кто был с ней: «После крушения машины, там же на поляне я пришла в сознание и стала наблюдать, как трупы сносили в яму, и не заметила, чтобы Таню туда бросили. Стала глазами искать детей и увидела сына недалеко от себя. Поползла к нему, боясь, что его тоже сбросят в яму. По сравнению с другими, мальчик неплохо выглядел. Прижала к себе, и так мы оба попали в больницу. Там он попросил воды, рядом никого не было, кто мог бы помочь. Послала я его самого за водой, пошел, выпил воды, пришел, лег рядом и умер. Кто знает, если бы я сумела встать и напоить его водой, может, он остался бы жить, но я не могла... Скрыв, что умер, до утра продержала рядом с собой, а когда узнали, попросила, чтобы вместо савана завернули его в мой большой шелковый платок и похоронили в нем».

– Так она рассказывала об Аскерчике. Не могла Лейла себе простить, что послала его самого за водой. Конечно, не это было причиной его смерти. Наверное, печень была разорвана, – говорит Балбу, вытирая слезы. – Когда жили в Казахстане, Лейла очень ждала мужа с фронта и надеялась найти дочь... Не знаю, может, климат ей подошел, но она там оправилась довольно быстро, стала работать, стали даже сватать ее, но об этом и мысли она не допускала. Не таков был ее муж, чтобы можно было так быстро забыть его. Девушки слагали песни о нем, красивый, смелый был джигит. Рассказывали, что Магомет перепрыгивал через телегу,

груженную мешками картофеля. Последнее письмо его пришло из Сталинграда. И Лейла не верила в его смерть.

– А когда вернулись...

– Вернулись мы на родину. Я уже со своей семьей стала жить в хуторе Джеганас, а мать, Лейла и наши все решили остановиться в хуторе Дружба. В 1960 году на каком-то вечере у карачаевцев в Джеганасе одна русская женщина сказала: «Я ваша родня, воспитываю карачаевское дитя». Это дошло до меня. Я все оставила и приехала к матери в Дружбу. «В Усть-Джегуте у русской женщины воспитывается девочка. Говорят, что ее подобрали после той катастрофы. Если даже не наша, это ребенок – наших знакомых», – говорю я маме. А Лейла за несколько дней до этого видела во сне, как она на речке поймала красивый кувшин и принесла домой. «Если сон не обманывает, то в семье кто-то должен прибавиться. Кто же будет рожать?» – гадала она накануне.

В тот день мы Лейле ничего не сказали. Тайком от нее поехали и нашли, где живет девочка. Теперь кто-то должен подготовить ее к разговору о дочери. Как это сделать так, чтобы не навредить ее и так плохому здоровью. Ведь и от счастья можно умереть. Не доверяя другим, мать сама издалека, осторожно, начала говорить о девочке. Как и боялись, для ее израненного сердца эта весть, эта радость была слишком большой, непосильной нагрузкой. Болезнь, которая унесла ее, начала прогрессировать. «Когда услышала весть о дочери, меня как будто током ударило», – говорила она впоследствии.

А в тот день, когда собрались ехать к Тане, буквально все растерялись. Трудно передать наше состояние. Мать, родственник со стороны Джашеевых, еще один из хубиевского рода, я и Лейла приехали в Усть-Джегуту. По улице Первомайской, дом 126, стали стучаться в калитку. Смотрим, идет сама наша Таня. Мама наша, как ее увидела, сразу сказала: «Это наша девочка». Таня очень напоминает отца своего. Нас приглашают в дом. Заходим.

В детстве, собираясь пеленать Таню, Лейла, решив согреть пеленку, держала ее над печкой и опалила один край и, не заметив

этого, завернула девочку в нее и сожгла ей кожу. От ожога остался след. Лейла попросила показать ей этот шрам, и Таня показала. Девочка всем сердцем приняла мать, прильнула к ней, грела ей руки, которые, видимо от волнения, стали холодными.

Приемные родители Тани, русские люди Феня и Андрей Шмойловы, люди состоятельные, воспитали ее, ни в чем не отказывая. Когда Феня удочерила Таню, Андрей был на фронте. Женщина, жаждущая ребенка, с радостью приняла невольно покинутую девочку.

Феня рассказывала, что Таня, когда пришла в себя, отвернувшись в угол, все время плакала. Никто из нас не мог к ней обратиться по-карачаевски, она не понимала нашу русскую речь.

Когда мы ее нашли, наша Таня была Таисией Андреевной Шмойловой.

– Она не смогла назвать своего имени?

– Если бы она знала по-русски, пятилетняя девочка сказала бы, конечно, – вмешался в наш разговор Азрет. – «Все карачаевские имена, которые знала, – рассказывала Феня, – перечисляла, но ни на одно из них не реагировала. А однажды во дворе, увидев соседскую девочку Таю, я окликнула ее и смотрю: и моя девочка повернулась на мой зов. Тогда мне подумалось, что и ее зовут Таей. Оказывается, одну букву недобрала, так она стала Таей».

Став Таей, привыкнув к новым своим родителям, стала ходить в школу, научилась говорить по-русски, постепенно забыла свой родной язык, свое имя. Но то обстоятельство, что она все-таки потеряла мать, будучи уже пятилетней девочкой, да и «подружки» напоминали, кто она, не дали ей забыть о ее происхождении. И в какой-то день стали говорить о том, что карачаевцы возвращаются, и в сердце девушки, ей уже было 18–19 лет, появилась надежда.

Она, когда узнала, что прибыл в Черкесск первый эшелон, тайком от приемных родителей поехала туда. Она ходила по перрону в надежде, что кто-то в ней узнает свою дочь. Три дня ходила она среди них, вглядываясь в глаза тех, кто прибыл. Но никому не было дела до нее. Представь себе: когда не можешь

себя отрекомендовать, сказать свое имя, фамилию, чья ты дочь, кого ты ищешь! Когда ходишь, как немая, от кого можно ждать помощи? А возвращающиеся после изнурительно долгой дороги, еще не ведающие, где им придется остановиться, кому они могли вглядываться в глаза? Но Таисия Андреевна ходила по перрону, пока последний карачаевец не уехал оттуда. Через три дня возвратилась она домой. Отец с матерью в слезах встречают ее. Оказывается, они уже сообщили о ее пропаже милиции. Впервые родители обиделись на Таю. «Что же мы тебе такого сделали, что ты нам не доверяешь?» – спрашивала мать.

– Когда прибыл второй эшелон, – рассказывает Азрет, – Таня и Андрей вместе поехали на станцию в Черкесск. У них опять никто не спросил, кто они и что им нужно. Вот к такой, потерявшей всякую надежду девушке, пришли наши родственники.

– Не смогли мы, поблагодарив этих стариков за Таню, забрать ее и уйти. Это было бы жестоко, – говорит Балбу. – Тем более она к ним привыкла, сама уже не ребенок. «Если даже уйду к матери, я их не брошу», – сказала она. Конечно, после всего пережитого и Лейла и Таня хотели быть вместе. Учитывая все это, мы все вместе решили, что будет лучше, если и Лейла будет жить с ними, в их доме. Два или три года, я уже запаматовала, жили они вместе, пока Таня не вышла замуж. После этого Лейла вернулась в Дружбу, к своим. Тем временем болезнь ее прогрессировала. Последние шесть-семь лет жизни все беды, которые были пережиты ею, обернулись недугами, и она уже не могла ни ходить, ни двигаться. Посадишь ее, так и сидит, как кукла, без признаков жизни.

– А Шмойловы, они живы?

– Нет, прошло пять-шесть лет, как и их не стало, – с грустью сказала Балбу. – Хорошие были люди. Вначале умер Андрей, не прошло и года, как следом ушла Феня. Когда болел отец, Таня так хорошо за ним ухаживала, что Феня однажды попросила: «Дочка, и за мной так будешь ухаживать». Таня – человек, который не забывает добра. Чтобы не обидеть своего русского отца, так и осталась Андреевной.

– А к вам приезжает она?

– Когда какое событие, бываем друг у друга, – говорит Балбу. – Видимся. Беда в том, что я русского языка не знаю, а она не говорит по-карачаевски. Языковой барьер как стена между нами. Когда не можешь поведать о том, что гложет твое сердце, поделиться, открыв душу, сблизиться очень нелегко.

Хотела она выйти замуж за карачаевца, вышла, да жизни не получилось. Пусть бы мы остались ей даже чужими, да сама бы счастье обрела, была бы счастлива. Она, как и мать ее, невезучая. У нее было два славных сыночка. Один из них, сразу после окончания школы, разбился. Бедная Таня. Сердце ее, и так уставшее от невзгод, опять горело... Оказывается, не получивший счастья в детстве, не может его обрести и потом. Примером этому – судьба Тани. Вот какой горький опыт вынесла я из этой жизни... – такими словами закончила бабушка Балбу свой рассказ.

Но мне хотелось бы завершить эту трагическую историю воспоминанием **Раисы Васильевны Ропотовой** из села Светлое:

– Помню, как сейчас, выселение карачаевцев. Был у нас бригадир, он прошел по хатам и говорил: «Вот так и так, поехали собирать утварь». Нас повезли в Джеганас. По балкам, кручам, горам. Как только там жили карачаевцы!

Сколько слез было! Как они плакали! Загнали, как скот в базы! Сколько добра их осталось! Все нажитое оставалось!

Скольких русских поспасали карачаевцы в голодном 1933 году! Да, моя мама, сколько жила, столько на них и молилась. Она опухла с голоду. Карачаевцы ее отходили! Дадут то кукурузы, то муки кукурузной, то масло... Так всегда выручали. И не только нас, но и Марию-соседку. Карачаевцы многих русских выручили!

Ой, сколько в 1933 году в нашем хуторе и в Бекешевке трупов на улицах лежало, такое видела – там человек умирающий, тут труп. Я бабушке говорила: «Что так много людей подохло?» А бабушка мне: «Так не говори, деточка, они от голода умерли, а не сдохли».

А в 43-м году выселяли дедушек, бабушек и подростков.

А нам дали быков, брички и отправили собирать оставленное добро, затем погрузили в машины – и на станцию, а куда все это девалось потом, кто знает.

Сволочи, измывались ни за что над бедным народом.

Мы дважды хотели удрать, а нас поймали, кругом солдаты были. И целый день продержали в конторе, пока нашего бригадира не вызвали.

Когда мы собирали там барахло, пришли девки и говорят: «Ой, девки, там две машины перевернулись с карачаевцами!» А на другой день приехал шофер за барахлом и говорит: «Все погибли, а два пацаненка остались. Их нашли живыми...»

Вот так поиздевались над этим добрым народом...

А были мы там целый месяц. Картошку копали, кукурузу убирали, барахло собирали...

Мне думается, что к словам Раисы Васильевны комментарии излишни. О судьбе «двух пацаненков» мы рассказали выше, а «барахло», как простонародно называет она имущество, все нажитое карачаевцами, многим обеспечило безбедную жизнь в те трудные военные и послевоенные годы.

Глава вторая
НАШИ МАТЕРИ

«МЫ БЫЛИ ПЛЕННИКАМИ ГОРЯ»

Совет-Джан Кипкеева... Не правда ли, необычное имя! Совет-Джан! Если перевести на русский язык, получается Советская Душа. Отец Совет-Джан Зекерья Кипкеев был большим знатоком горных троп Тебердинского ущелья, поэтому его услугами пользовались в 30-е годы многие известные люди, побывавшие тогда в этом прекрасном уголке Кавказа. Анастас Микоян был частым гостем знаменитого проводника. Приехав в очередной раз, он попал на большое событие в доме Зекерьи – у него родилась дочь! И почетному гостю была предоставлена честь дать новорожденной имя. Так она стала Совет-Джан.

Я попросила ее начать свой рассказ с момента оккупации немцами города Теберды.

– Мы в то время жили вдвоем – мать и я. Отец мой умер еще в 1937 году, – начала свой рассказ Совет-Джан. – Это было в самом начале оккупации. Мы с мамой возвращались из Джегуты, там умер близкий родственник, подходим к нашему дому, а двор полон немцев. Смотрим: из нашего дома выводят каких-то женщин. В первый момент я подумала, что какие-то дамы легкого поведения нашли дом без хозяев и устроили себе праздник. Стала их ругать, зачем, мол, их привели сюда. Одна расплакалась и убежала

в дом. Потом я стала кричать на немцев. Была молода и глупа, не побоялась, ведь они могли застрелить. Так они делали. Но, слава Аллаху, этого не случилось, на том они и ушли. Заходим к себе домой, все наши запасы – на столе. И сушеное мясо, и сыр, и масло... И эти три девушки, которых мы никогда не видели! Больше всего удивились им. На наши расспросы ответили, что их к нам привела какая-то бабушка. Но потом пришли немцы, потребовали накрыть им на стол. Поели, попили. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы к этому времени не прибыли мы. Пока мы с мамой гадали, кто эта бабушка, к нам пришла папина сестра, и она все объяснила:

– Эти девушки – еврейки. Они из Невинномысска, бежали от немцев. Их оттуда привез Мухтар Холамиев. Привезти-то привез, а у них дома живут немецкие офицеры. Поэтому решили, что им будет спокойнее у вас, на вас никто не подумает. Кому придет в голову, что у вас кто-то прячется? Поэтому мать Мухтара Пердаус их к вам и привела. Она сказала, что «если Абдул-Малик будет жив, он поможет вам спасти этих девушек».

Стали они жить с нами, как члены семьи – ели и спали с нами. Бывало, Абдул-Малик предупреждал, что сегодня нет никакой опасности. Тогда двое из девушек хоть на несколько минут могли себе позволить выйти на свежий воздух. А третья, у нее было явно еврейская внешность, она, бедненькая, боялась показываться во дворе.

Когда была опасность, Абдул-Малик, пусть земля ему будет пухом, срочно вызывал маму и предупреждал. И мы немедленно прятали наших девушек. Абдул-Малик Джанибеков во время немецкой оккупации был местным бургомистром. Этот мужественный человек пошел на эту опасную и неблагодарную должность для того, чтобы население нашего города пережило оккупацию с наименьшими потерями. Это был добрый, мудрый и храбрый человек. Многим он помог тогда выжить, многих он спас.

Да, как же звали этих девушек? Одна была Мария, другая – Нина, а третью – не помню, увы, даже имени не помню.

Эти три еврейские девушки жили у нас, пока не ушли фашисты. Оккупанты покинули Теберду 3 января 1943 года. Сейчас уже не помню точно, но это было или 1-го, или 2 января. Абдул-Малик, видимо, тоже не знал, что это может случиться, но в тот день девушек и мою маму фашисты чуть было не убили.

Была уже ночь, мама совершала свой вечерний намаз, когда собака наша яростно залаяла. Меня дома не было. Девушки наши, почувствовав беду, стали прятаться. Одна в страхе залезла в нижний отсек буфета, вторая спряталась в узком пространстве между кроватью и стеной, а третья, не зная куда деться, забралась в постель. Последняя была похожа на карачаевку. Тем временем немец ударом ноги открыл дверь (крючок от этого сломался) и сразу, как переступил порог, увидел лежащую в постели девушку. Стащил ее оттуда. Она стала отбиваться, а немец повторял: иуда, иуда! Когда он вытащил свой пистолет, мама встала между ними и стала повторять одно и то же: «Моя дочь, одна, моя дочь, Бог, я...» Она по-русски не знала. Но пыталась сказать, что она ее единственная дочь, что Бог видит, она не обманывает. Когда мать показала свой паспорт, фашист приставил пистолет уже к ее груди: «Скажи, в твоём доме есть иуды?». А она повторяла свое: «Моя дочь, одна...» В этот момент вошел другой немец, он взял его за шиворот и вывел из дома.

Мама после рассказывала, как она сама себе читала предсмертную молитву, ибо была уверена, что фашист их застрелит. Когда немцы ушли, две оставшиеся девушки заплакали, причитая: что бы было, если бы старую женщину из-за них расстреляли. Та, которая пряталась между кроватью и стеной, сама вышла оттуда, а вторую, чтобы вытащить из шкафа, пришлось всем изрядно потрудиться. Как она туда смогла втиснуться – можно было только удивляться.

Меня в тот день дома не оказалось потому, что 31 декабря я вышла замуж за Томпу Кипкеева. Но через месяц мы переехали к моей матери, потому что она была одна. «Свили» мы с мужем наше «гнездышко», стали жить. Я украсила нашу комнату при-

даным, которое мать собирала много лет. В ней было так уютно и красиво, и мы были счастливы, и вдруг – выселение.

Дали несколько минут на сборы. Как посмотрела на нашу комнату, сердце сжалось. Не нашла в себе силы взять оттуда что-то. Мне казалось, что этим я разрушу свою судьбу. «Нет, мама, мы не уедем. Сердце не хочет, чтобы я здесь что-то трогала, нарушила уют», – говорила я. Так и не притронулась ни к чему. Все, что могла, взяла мама. Да и много ли разрешали?!

В ту ночь, перед высылкой, Аллах свидетель, все домашние животные сходили с ума – коровы мычали, собаки лаяли. Но мы о таком насилии не подозревали, хотя не спали и были растревожены.

Горькие остались впечатления о тех 19 днях, когда были в пути. 19 дней и 19 ночей. Мы стали пленниками горя. Никто не знал, куда, зачем и почему. Но самое жуткое было то, что согнали в вагоны всех: и женщин, и стариков, и детей, и мужчин вместе. В этих товарняках не было элементарных условий для существования, не было санузлов. И эти гордые, почитающие чистоплотность люди, должны были справлять в антисанитарных условиях свою нужду. В нашем вагоне ехал с дочерью старец Эсау Канама-тов, ему было больше 80 лет. Когда поезд останавливался, он по своей нужде уходил далеко, шел на четвереньках под вагонами, искал безлюдное место. Каждый раз его просили, умоляли, чтобы он так не делал, что опасно ходить под вагоном, что он может умереть. «Лучше умру, чем потеряю стыд», – отвечал он всегда.

«Некоторые теряли сознание оттого, что сдерживали себя, терпели. А когда теряли сознание, с них текло и текло. А когда приходили в себя – глаза не могли поднять...»

«У одного пожилого мужчины было расстройство желудка, и он плача просил прощения у тех, кто был с ним в одном вагоне...»

«Мужчины прорубили дыру в полу вагона. Женщины занавесили ее тряпками. Так мы выходили из создавшегося положения...»

«Чтобы не было потребности справлять нужду, некоторые голодали и совсем ослабли...»

– Доведенные до отчаяния голодом, антисанитарией, рано утром мы доехали до Пахта-Арала. Нас, как животных, разбили на группы и распределили по домам. Семь семей вместе попали в один дом с одной комнатой. Эти домики строили репрессированные во второй половине 30-х годов. К нашему прибытию никого из них не было в живых. Под стульями, столами, на стволах деревьев, которые сами сажали, они оставили свои имена и фамилии. Жили там немцы, латыши, эстонцы, литовцы, которых привезли незадолго до нас. Страшно было на них смотреть. Их ноги напоминали панцирь черепахи, а пятки были в глубоких трещинах. Мужчины носили лапти, а женщины ходили босиком. Везде валялись панцири черепах. Говорили, что они едят их. Помню, однажды собрались на работу и ждем. Поодаль двое мужчин стараются разжечь костер под кастрюлей, которую установили на двух камнях. Был с нами иранец Исмаил. Он ударил ногой по кастрюле, та отлетела, и из нее вывалились жабы. Исмаил дал пинка и этим двум несчастным. Они съежились и отбежали в сторону. Когда Исмаил ушел оттуда, они вернулись, собрали жаб, опять положили в кастрюлю. Не от хорошей жизни они хотели их съесть. В тот день я долго плакала.

На следующий день после прибытия нас погнали на работу. Мы собирали хлопок. Привязывали к пояснице кенары, большие мешки, тянули их за собой и клали туда хлопок. Когда уже тяжело было таскать мешок за собой, оставляли его между рядами. Собирали в подол платья и потом, по мере необходимости, шли и сыпали в кенар. А попробовал бы кто не дать норму!

Там, где мы жили, за 15 минут в песке сваривалось яйцо. В помещении спать не было мочи. Ложились, укрывшись мокрой, слабо отжатой тряпкой. Но все равно вода быстро испарялась, и приходилось за ночь повторять процедуру с мокрой тряпкой два-три раза. А на работу уходили очень рано. В таких условиях беременной женщине (кем я и была) работать невыносимо. У меня преждевременно родилась дочь, которая сразу же и умерла. В больнице я пролежала пять дней. Выписалась, а на шестой день пришел бригадир и потребовал, чтобы я вышла на работу.

Мамы дома не было. Я сказала, что не могу встать. Но он силой заставил меня встать и погнал на хлопковое поле, где я сразу же потеряла сознание. Меня привели домой, но наш бригадир и на следующий день пришел. Стала объяснять, что нужно немного окрепнуть, что нет пользы тащить меня туда, опять повторится то же самое, что и вчера. Он и слышать меня не хотел, рассердившись, кнутом ударил по одеялу, под которым я лежала. Громкий получился удар. К этому времени подросла мама и защитила меня от бригадира.

Моя ласковая, добрая мама, которая никогда никого не обижала, была трех казахов. Защищая меня, она становилась бесстрашной и сильной. Вообще бригадиры часто поднимали руку на спецпереселенцев. Но не всегда им это сходило с рук. Тебердинцы не давали себя в обиду. Единственный человек, кого из наших избил однажды бригадир, – это была бедная Мариям. Из-за того, что она на топку без его разрешения взяла немного гузапая. Так назывались стебли хлопка. Сырую воду нельзя было пить. Она на вид была прозрачной, а когда процеживали через ситец (марля не подходила для этой цели) – какой живности там только не оставалось! Стоило сделать один глоток некипяченой воды – начинался понос с кровью. Поэтому так много людей умерло в Пахта-Арале.

Поселение в Пахта-Арале было настоящей тюрьмой для многих карачаевцев. Пребывание там превратило тысячи людей в нищих и убогих.

Карачаевцы оставили свое имущество на Кавказе, а золото и серебро (которое могли взять с собой) – в Средней Азии. У меня был серебряный нагрудник с позолотой, как огонь сверкал. Когда нам стало нечего есть, пришлось его менять на базаре на продукты. «А что мне с ним делать?» – удивилась одна, когда ей предложила. Свои богатые серебряные украшения мы меняли на пиалу зерна, творога.

В километре от нас в Отводе жили ссыльные из Элькюша. Оттуда постоянно приходили страшные вести. Рассказывали, что

умирали семьями. Услышала как-то, что вечером рядом легли мать и дочь, а утром нашли их мертвыми. И я воскликнула: «Вот счастливые, почему это не мы с мамой». Не хотела пережить смерть матери, очень боялась этого и поэтому так позавидовала. Кто тогда мог подумать, что мы выживем и вернемся на родную землю.

Мы точно умерли бы, если бы остались в Пахта-Арале. С большими трудностями, но уехали оттуда в Киргизию. Остановились в Луговой. К этому времени родился у меня второй ребенок, девочка, но и она умерла от холода на 18-й день после рождения. Я опять не смогла стать матерью. Мы с трудом добились участка под строительство, когда у меня родилась третья девочка, Клара. Ей было два месяца, когда я уходила делать саманы, оставляла ее спящую. Люльки не было. Не хватало пеленок, чтобы хорошо запеленать. Очередной раз ушла делать саманы, а малышка осталась лежать в постели. Когда вернулась, нашла ее почти уже бездыханной. Видимо, ножками билась об каменный пол: пятки были натерты. Мать меня так выругала в тот день! А я не могла ей не помогать. Одна она, уже пожилая, ослабевшая женщина, не справилась бы с такой тяжелой работой: чтобы поставить дом, нужно сделать саманы. И много.

Девочка наша выжила. Аллах нас на этот раз пожалел. Потерять еще третьего ребенка – это было бы невыносимо. Условия жизни не давали обрести счастье в детях. Ходили по жизни, как по лезвию ножа. Разве все расскажешь?!

* * *

Совет-Джан сейчас мать троих дочерей и одного сына. Они с мужем вырастили прекрасных детей. Теперь она воспитывает внуков. Когда вспоминаю эту милую женщину, перед моими глазами встает не бабушка Совет-Джан, а та молодая, жаждущая счастливой семейной жизни женщина. Я представляю молодую красивую горянку, стоящую в растерянности у двери своей уютной комнаты – она не могла, было жаль разрушать совсем недав-

но свитое «гнездышко». И она оттуда ничего не взяла в дорогу, ибо это для нее значило ломать свое счастье. Она не понимала тогда, что оставляет его на поругание и разграбление.

«Я БЫЛА БОЯЗЛИВОЙ И НЕ ДАВАЛА ПОВОДА БИТЬ СЕБЯ»

78-летняя **Лиза Гочияева** живет в селе Знаменка. Муж ее Хызыр был родом из старинного аула Къарт Джурт. Лиза, проводив его на фронт, осталась с четырьмя детьми. Пережив оккупацию, депортацию, все же сумела их сохранить, за что очень благодарна Богу. Младшему было менее года, а старшему девять лет, когда она проводила мужа на фронт.

А невзгоды эту семью настигли еще в Къарт Джурте, задолго до того черного вторника 2 ноября 1943 года. Потому как это была семья красноармейца, немцы их не оставляли без «внимания».

Лиза помнит каждый из 134 дней немецкой оккупации. Да как не помнить, если в зимнюю стужу она, прячась от фашистов, прожила в пещере много дней?!

– Столько страху натерпелась, находясь в пещере, – рассказывает Лиза, – Мне казалось, что я слышу, как они шагают по улицам нашего аула. Они совершенно не переносили мороза. Забирали в домах лучшие теплые одеяла, середину разрезали, туда просовывали головы и ходили, укутавшись в теплые одеяла. Заходили в дома, брали все, что хотели. Мы ничего не могли с этим поделать, потому как первой задачей было сохранить людей, а не ценности.

Из Къарт Джурта выехали спустя четыре месяца и одиннадцать дней, и за это время фашисты уничтожили много людей. Будь они прокляты. Только из близко знакомых мне были убиты: Сапар Эбзеев, Абрасалим Узденов, Асланбек Каракетов, Осман Глоов...

А выслана я была из аула Къызыл Къала. В этом ауле жили братья моей матери, и, чтобы как-то прокормить скот, мы к ним

переехали на зимнее время. Дом и все ценности остались в Къарт Джурте, а скот – в Къызыл Къале.

За два-три дня до выселения с несколькими аульскими знаковыми женщинами мы приехали в Баталпашинск за покупками. Ночевали в доме одного абазина. А он: «О, бедные карачаевки, чего вам дома не сидится? Вас будут выселять...» А меня еще до этого один из солдат предупреждал, предлагал: «Уезжай в свое село, забирай своих и уезжай». Мы, несчастные, не верили, потому что не было за нами вины, и даже не насторожились.

В Баталпашинске мы увидев товарняки, в которых потом нас отправили, вопрошали: «Быть этого не может, в таких товарняках скот возят». Не вняв предупреждениям и сделав покупки, мы отправились в обратный путь. Следующую ночь провели в Старой Джегуте. Сбивая ноги, пошли пешком. На третий день прибыли в Къызыл Къалу.

Из тех, кто со мной ходил по городу, были и такие, кто всю ночь не спал и заготовливал мясо, засолил его и вообще как-то подготовился. А что могли мы с матерью? У нас некому было резать скот.

А когда пришли утром солдаты, я плакала и говорила: «Куда вы хотите меня вести, муж – на фронте, дом мой – в Къарт Джурте». Говори, не говори, все одно. Солдаты меня обманули, чтобы успокоить: «Придем в район, а оттуда поедешь в свой Къарт Джурт и заберешь все необходимое».

Какие крутые наши горные дороги! Ехали в открытом кузове машины. Боясь, как бы от сильной тряски дети не выпали из кузова, я собрала всех в охапку. Измученные, мы добрались до Усть-Джегуты. С собой было немного кукурузы.

Депортировав, нас везли 17 дней и 17 ночей. Выгрузили на станции Маймак. Так и остались под открытым небом на улице до следующего дня. В ту ночь люди из окрестных мест (если их можно назвать людьми) отобрали у несчастных переселенцев тот мизер еды и вещей, что привезли. Это была страшная ночь. С нами не было наших мужей, братьев, которые защитили бы нас

от этих мародеров. Мужчины-инвалиды и подростки, что они могли? Утром нас отвезли в какой-то клуб, вскипятили какой-то зеленый чай на соломе. Хотя голод нас уже донимал, мы не смогли его выпить. Далее нас привезли в село Грозное и распределили по домам...

Не осталось бы от нас и волосинки, если бы не наше трудолюбие. Местные жители, спустя некоторое время, когда мы немного пришли в себя, не скрывая свое удивление, говорили: «Если бы мы попали в ваши условия, мы вымерли бы полностью». Но чего нам это стоило? Ради своих детей, на что мы ни шли?! Обшивали и обували казахов и киргизов – мы, копали каналы – мы, таскали на себе непосильный груз – мы, и при этом многие из нас умирали. Ах, если бы хоть за свой труд получали зарплату, нет. Бедные женщины...

Некоторые из нас, чтобы прийти к голодным детям хоть с горсткой зерна, утаивали его подмышкой.

Но жестокие бригадиры, когда обнаруживали это, безжалостно отнимали его у несчастных – били, выкручивали руки. Своими глазами я видела женщин, идущих на работу со следами побоев плетью. Говорят, что умирающему яд не страшен. Так и женщины от безысходности шли на все. Я была боязливой и не давала повода бить себя. Но никому сладко не было. Народ погибал. Старики поучали: «Пейте хоть кипяченую воду, чтобы не слиплись кишки, желудок».

Что еще я видела собственными глазами? Каждый месяц мы ходили отмечаться и расписываться в комендатуру. Две женщины на моих глазах, пытаюсь подняться по ступенькам комендатуры, упали и там же скончались, опухшие от голода, молодые женщины, чьи-то матери, жены, дочери. Своими руками я похоронила 12 человек: Хаджи-Мурата Джуккаева, жену его и троих детей, Рамазана Узденова... Пусть им земля будет пухом.

А Ахья Долаев... Все мы собирали колоски. И он тоже пошел, но не смог выбраться из оврага, умер. И его я предала земле. Какие это были могилы?! Рыли землю вглубь, делали боковое углу-

бление, насколько сил наших хватало, клали туда тело усопшего, обкладывали земляными комьями, засыпали яму, и все. Никаких надгробных камней...

Но этих бед для нас, как считали власти, было недостаточно. Каждый год сельский совет заставлял нас расписываться за заем в сумме 500 рублей. Нежелающих ночью вызывали в сельсовет и силой заставляли это сделать. И так продолжалось пять лет. Что было делать?! Расписывались, чтобы душу не выматывали.

Как бы над тобой ни издевались, живешь до своего смертного часа. Если бы не сила и воля к жизни, то я должна была давно умереть... Однажды бригадир меня и двух девушек насильно увез на железнодорожную станцию, заставил грузить 30-килограммовые тюки. Это было в шести километрах от нашего села. На ночь домой не отпустил, сказав, что завтра ко времени на работу не успеем. Надо было спать на цементном полу. Сесть или лечь – холодно. Но как стоять всю ночь?! Так и завтра, и послезавтра... И в одну из ночей вижу сон: будто у меня была насадка с цыплятами. И как будто они все умерли, и собрала я их в таз, сбросила с обрыва. Проснулась в ужасе. «Насадка – это мама, цыплята – это мои дети», – подумалось мне, и чуть с ума не сошла. Девушки старались меня успокоить, но тщетно. Дома я на пятерых два килограмма картофеля оставила! «Конечно, они умерли с голода», – думала я. Бросила все и ушла домой. Прихожу, все живы. Как я плакала от радости...

Наутро меня вызвал к себе председатель и говорит:

– Ты почему тут болтаешься? И этих отрываешь от работы, – показывает на девушек.

– Вы, что, хотите загубить семью фронтовика, не оставив рядом никого, кто мог бы подать хотя бы воды? Никуда я не пойду, – сказала я.

– Пойдешь, да еще как!

Куда бы делась, конечно, пошла. Еще 15 дней таскала на себе 30-килограммовые тюки. «Бедолага моя, – говорила мама. – С нами ничего не станется, да сохранит тебя Бог».

Были у меня две большие шали. И зимой, и летом туго ими обтягивала талию, чтобы не надорваться от непосильных тяжестей на работе. Когда женщины не справлялись с 30-килограммовыми тюками, бригадиры, издеваясь над ними, спрашивали: «Что, силенки на Кавказе остались?» Ах, если бы только силы остались на Кавказе. Там оставили все: и счастье, и радость, и свободу, и права свои...

Чего только не пришлось мне делать? Какая-то нечеловеческая сила, видимо, была мне дана, иначе как объяснить, что я, пережив все это, могу и по сей день жить? Как удалось сохранить детей? Моя великая благодарность Аллаху...

Необходимо сказать несколько слов о супруге Лизы Хызыре Гочияеве. Он ушел на фронт 24 августа 1941 года, вернулся к семье 4 апреля 1947 года. В поисках своей семьи он исколесил всю Среднюю Азию. Он был одним из тех солдат-карачаевцев, которые были отосланы из действующей армии из-за национальной принадлежности. После долгих месяцев скитаний и поисков, изможденный, разочарованный и больной, он нашел своих...

Лиза и за супруга благодарит Всевышнего.

«НЕ ИМЕЛА ПРАВА УМИРАТЬ...»

«...Мой рассказ трагичен, дочка. Его хватит на целую книгу... За один 1946 год, оставив меня с малыми детьми, друг за другом ушли из жизни семь очень дорогих мне человек: мать, пять сестер, братишка. Вначале умерла от туберкулеза 18-летняя сестренка, за ней другая, ей было 16 лет. В ночь, когда скончалась вторая сестра, у матери отнялась речь и спустя 18 дней ушла из жизни и она. Еще одна сестра покинула этот мир, оставив мне двоих деток. А братик... Он пас табун. Лошадь ударила его и порвала жилу на ноге...

После смерти и похорон пятой сестры не захотела укладывать детей на этих проклятых койках, постелила всем на полу. Старшему из детей было 12 лет. Остальные – один меньше друго-

го. Всего восемь душ. Легли на полу. Племянников положила слева от себя. Справа – легли мои младшие две сестренки и братик. А своих детей уложила у ног. Лежу и плачу, слезы душат. Племянник спрашивает про свою маму. Он очень тосковал по матери, а впоследствии от тоски и умер.

Всю ночь напролет проплакала. Сколько было у меня таких ночей, одному Аллаху известно. В те годы я знала одно: не имела права умирать, была обязана жить ради детей. И жила...»

Это рассказ **Супият Элькановой**, жительницы из аула Новый Карачай, что в Карачаевском районе.

Она рассказывала и плакала так, как будто все, что она говорила, происходило сейчас. Будто люди, о ком она плачет, лежат перед ней...

Мне захотелось стать перед ней на колени, прижаться к ней, как к матери, и попросить прощения.

Ты видел, дорогой читатель, как безысходно плачут старые женщины? Ты замечал, как слезы, словно прорезая кожу и прокладывая себе путь, стекают по их старческим морщинам? Мучительно тяжело смотреть на то, как плачет старая женщина, вытирая слезы руками, которые от непосильного труда и времени стали похожи на корневище дерева. Чтобы не видеть это, хотелось умереть...

Из всех зол, порожденных самим человеком, самое страшное – это война. Не будь войны, муж Супият, Ахмат Эльканов, не ушел бы на фронт, прервав учебу в Москве. Не будь войны, не получила бы 19 сентября 1941 года последнее письмо от дорогого супруга из Волхова, а спустя несколько дней и похоронку. Не будь войны, троих ее детей не обрекли бы на сиротство, на голод в азиатских песках...

– Когда выезжали из Нового Карачая, – вспоминает Супият, – (ехали в кузове машины), подняла детей на ноги, показала скалу Чууана и холм Байракъ и сказала: «Посмотрите хорошо и запомните место, где родились». И заплакала... И сейчас, глядя на них, часто вспоминаю этот день и плачу.

В Казахстане попали мы в Свердловский район, село Кегезек. Местные казахи говорили, что они сюда пришли из пустыни шесть лет назад. Даже вода была здесь привозная. У тех, где мы жили, в доме не было никакой посуды, кроме одного чугунка. Ни тарелок, ни ложек. Кое-что пришлось дать хозяйке дома.

Оттуда мы переехали в русское село Буденовка, далее, в 1945 году, еще раз пришлось поменять место жительства – приехала к своим близким в Ворошиловку. Там и начался тот трагичный для нас 1946 год...

Муж до отъезда в Москву четыре года работал секретарем Учкуланского райкома партии. После его смерти из Москвы пришла бумага о том, чтобы его семья получала пенсию. Я отказалась от 27 рублей пенсии: в нашем ауле погибших было много, но не слышала, чтобы чья-то семья получала пенсию. После, в Средней Азии, когда не на что стало жить, попыталась восстановить ее, в комендатуре «потеряли» документ и все на этом закончилось. До 1951 года никто нам не помогал, как семье фронтовика. Жили очень трудно. А в том году назначили пенсию в 540 рублей. С учетом ушедших лет получила 12 тысяч рублей. И сама каждый год обрабатывала один гектар свеклы.

Сверху солнце припекало, а ноги постоянно в воде. Результат – ни у кого из нас нет здоровья. Но не об этом я думала тогда. Сохранить детей живыми – это было единственной целью.

Мы жили в доме одного казаха. За месяц платили 100 рублей. Когда нечем стало платить, решила поставить свой дом, хоть какой. Сделали саманы. Начали ставить фундамент. Проходил мимо нищий старик, увидев нас, остановился и спрашивает:

- Что делаешь, дочка?
- Вот хочу фундамент поставить.
- А сможешь «связать» саманы друг с другом?
- Нет.

Он показал, как надо это делать. Не обучи он меня этому, хижина моя наверняка обвалилась бы. Не закончив кладку полностью, я сильно заболела. И, лежа в тени под стенкою, подсказывала

брату и сестре, куда что класть. Достроили. Пустила в нашу саблю еще одну бездомную семью, и так дожили до весны...

Прежде чем дать разрешение вернуться на родину, у нас взяли расписки о том, что мы не потребуем свои дома обратно.

Были на все согласны, лишь бы вернуться в родные места...

В нашем доме, в Новом Карачае, жила одна русская семья. Почему-то она полдома разобрала. Как бы там ни было, с радостью я отдала 2500 рублей, и купила свой дом обратно. Самое большое желание было обрести свой дом, свой очаг, где провела много счастливых дней. Имущества в доме не было. Говорили, что имущество всей нашей улицы отдали в Кубрань. Это больница для душевнобольных. Говорили еще, что диван мой и кое-что из мебели в доме главного врача...

Но при всем этом, слава Аллаху, было много радости: с детьми вернулась к своему очагу!

По возвращении никого из близких не потеряла. На земле, где родилась, все, наверное, тебя охраняет. Сестренки, брат и я, когда собираемся вместе, уходим в воспоминания и плачем. Мы не умеем ни о чем другом говорить. Если мы вместе, всегда возвращаемся к тем горьким дням унижения и боли...

Как погоняют старую лошадь плеткой, так и мы – себя.

Так и живем...

«СЫТНО ПОЕМ, СРАЗУ АЗИЯ ВСПОМНИТСЯ...»

Букминат Мансурова. Когда улыбалась эта милая пожилая женщина, глаза ее смеялись. Она жила в Новой Джегуте. С ней я беседовала в 1988 году, уже в 1989 году ее не стало. Помню, как мы сидели с ней в тени большого дома, где она жила с семьей сына. Того самого сына, который в пленках в лихую годину вместе со всеми был отправлен в никуда.

Когда говорила о добром, глаза бабушки Букминат излучали искры, когда она вспоминала о трагическом, на них ложилась тень. Из рассказа ее вынесла такую истину: оказывается,

в те страшные годы депортации было тяжелее тем женщинам, на иждивении которых оказались и родители, и дети. Кого прежде всего спасти, за кого больше болеть душой, кому отдать предпочтение?.. Они не могли выбирать, и тем трагичней было их положение. Ведь на долю 20-50-летних женщин выпала основная тяжесть депортации. Только они были кормильцами.

Бекир Мансуров, муж Букминат, как и все его ровесники, был на фронте. Поэтому в день выселения ей не на кого было надеяться. А ноша ее была тяжела – трое детей, младший на руках и старушка-мать.

Я бабушке Букминат задала два вопроса: «Были ли в те страшные годы счастливые дни? Если да, то какие? Часто приходилось жалеть себя, и что вызывало эту жалость?»

Букминат ответила сначала на второй вопрос.

– Мы попали в колхоз «Труд». Это в Кантском районе Киргизии. Старшей девочке было четыре года, второй – два, единственному сыну было всего три месяца – он родился после ухода мужа на фронт. Бекир погиб, так и не узнав, что у него есть наследник, продолжатель рода. Он похоронен в Пензе.

Со дня приезда в Среднюю Азию до возвращения работала на свекловичном поле. За доблестный труд даже медаль получила, но не сумела ее сохранить – детям вместо игрушки давала, а они ее потеряли. Эти бедные дети росли, не зная, что такое игрушка...

«Ты в доме и мужчина, и женщина, не дай Бог, с тобой что случись, мы все погибнем, ешь доченька, ешь», – просила меня мама. Она видела, что я, глядя на них, голодных, не могла поднести руку ко рту. Как я могла поступить по-другому? Мама – слабая старушка, дети – еще совсем маленькие, чего бы мне это не стоило, нужно было сохранить их до лучших дней. Но нет. В очередной раз пришла с работы, дверь – на крючке. Открыла с тревогой в душе и вошла. Моя бедная мама лежала на своей постели безжизненная, лицо было повернуто в сторону окна. Видимо, она ждала моего появления, смотрела в окно. Но, так и не дождавшись, умерла...

Она была единственным человеком, кто меня жалел, и ее не стало... Конечно, много раз приходилось себя жалеть.

Когда детей совсем нечем стало кормить, то вещи, которые мы сумели привезти с Кавказа, я начала менять на продукты. С котомкой за спиной и палкой в руке, я ходила по селу, стучась в каждую дверь, как нищенка, пытаюсь обменять одежду хоть на какую-нибудь еду. Как ты думаешь, что я чувствовала в такие минуты? Конечно, себя было жаль. Свою большую вышитую шелковую подвенечную шаль обменяла на пять килограммов очищенного ячменя. Мама в надежде на возвращение зятя с фронта всю его одежду привезла с собой в Среднюю Азию. Но мы его не дождалась, а вещи его помогли выжить детям, которых он очень любил. Мне особенно было тяжело расставаться с одеждой мужа.

Знаете, отчего очень грустно и сейчас? Наше поколение не может оставить своим внукам памятных вещей. Никаких фамильных предметов, семейных реликвий не сумели мы сохранить для них. Все безвозвратно потеряно, украдено. Кроме своей фотографии, внукам мне нечего оставить, что могло бы им рассказать о моем времени, о судьбе моих родителей... А в каждой горской сакле до выселения много было такого, что служило связующим звеном поколений. 1943 год обрубил наши корни. Смотрю я на внуков и вижу, что они не чувствуют своего корня, они как пена на поверхности воды, их бросает из стороны в сторону. Как об этом не жалеть?!

Еще вспоминается один случай, из-за чего себя жалею и теперь.

Запасы дров, заготовленные мужем до ухода на фронт, закончились, и осенью, перед депортацией, я и некоторые женщины вынуждены были заняться этим сами. На своих плечах таскали мы дрова. А ходили очень далеко! Заготовили! Вся спина была в ссадинах. Хотя уже было холодно, особенно для младенца, но я берегла дрова для зимы. И представьте, как мне было жаль себя, когда все это пришлось оставить. Ведь нас вывезли из родных очагов в холодных товарняках!

Я и сейчас удивляюсь, откуда брались силы, чтобы так работать? Не было покоя ни днем, ни ночью в течение этих 14 лет. Вот так, трудишься целый год, а зарплату дают – крохи. Как это нас унижало! Дешевая рабочая сила – это все, что мы из себя представляли. Было больно сознавать это.

Видимо, в результате непосильного труда, постоянного недоедания, у меня сильно заболела нога. Когда стало совсем невозможно, пошла к врачу, он сделал заключение: надо ампутировать ногу. Всю ночь проплакала в больнице, а на утро встала и ушла. Пришла домой, собрала конского навоза, замочила, сделала жижу и продержала больную ногу в ней трое суток. Потом положила на больное место пивавки и встала на ноги...

Я не боялась умереть. Не было в жизни радости, чтобы за нее цепляться. Но я содрогалась от мысли, что дети мои без меня погибнут или попадут в детский дом, растеряют друг друга, станут людьми без роду и племени...

Когда тебя некому жалеть, доченька, только и остается самой это делать.

Про счастливые дни? В Средней Азии понятия счастья, радости были своеобразны. Когда было чем накормить детей, когда, возвращаясь с поля измученной, находила детей живыми, когда они, окружив тебя, радовались – это было счастьем! Нам так не хватало любви, заботы, человеческого отношения...

То, что сегодня для нас обыденно, то чему сегодня не придаем значения, не замечаем, воспринимаем как должное – именно это приносило нам радость, имело самый большой смысл. Знаете, как плотно поем, сразу голодная Азия вспоминается...

Помню, взяла ссуду в пять тысяч рублей и купила домик. Сколько в тот день у меня было радости! Еще вспоминается: вместо зарплаты дали сахар, и я смогла себе позволить продать часть сахара и купить две пиалы, чему тоже очень была рада.

И, конечно же, самой большой радостью для меня на всю мою жизнь – это было и есть то, что я сумела сохранить детей живыми и вернулась с ними на родную землю. Такого счастья я

не испытывала ни до и ни после. За это каждый день благодарю Бога. Очень немногим матерям выпало такое счастье...

«КЛИМАТ РОДИНЫ НЕ ПОДХОДИТ ЕМУ»

Впервые провести в городе Карачаевске траурный митинг в память об умерших во время депортации соплеменниках было разрешено 29 октября 1989 года. Другими словами, этот митинг был посвящен 46-й годовщине депортации карачаевского народа. Там я второй раз встретилась с **Балдан Урусовой**, вернее сказать, увидела ее там. Для меня, два года назад беседовавшей с ней и записавшей ее рассказ, это было больше чем встреча. Потому что знала, с каким грузом в сердце живет эта женщина. Она сидела, вся вытянувшись, внимательно слушала ораторов и время от времени вытирала с глаз слезы. До конца митинга я невольно следила за Балдан. Ее облик говорил мне больше, чем доклады выступающих...

Балдан Урусова – учитель с 42-летним стажем работы. Она хорошо поставленным голосом одинаково грамотно говорит и по-карачаевски, и по-русски.

– Меня лишили счастья в тот день, когда арестовали отца. И после оно ко мне не вернулось, – начала свой рассказ Балдан. – Видимо, именно в тот день зажгли искру того унижения, которое испепелило наши сердца потом в изгнании.

Отца арестовали в 1937 году, вскоре мама умерла от горя, и я осталась с двумя младшими сестренками. Супруг мой, Азрет Бабоев, был призван в армию в 1940 году. Оказывается, он тоже ушел навсегда. Так я осталась одна с пятью детьми – две сестренки и своих детей трое.

Во время оккупации сколько всего натерпелась от фашистов. От верной гибели меня спасли женщины-соседки. Как раз в то время я болела тифом и не могла даже встать. Тогда меня, лежащую больную, оккупанты подняли вместе с матрацем и донесли до порога. Тут женщины пошли на них с топорами. Но и это их,

наверное, не остановило бы, если бы они, наконец, не поняли, что тиф заразная болезнь и что я могу всех в тюрьме заразить...

Потом изгнание. Попала я со своими детьми во Фрунзенскую область, Кагановичский район, колхоз имени Сталина. Видите, какие названия! В киргизской школе, естественно, не могла работать. А детей кормить надо. «Забыла», что учительница, пошла батрачить к киргизам: саман делала, белье стирала... Зато вечером приходила то с ведром картофеля, то с килограммом зерна. Не могла себе позволить лечь нормально и выспаться. И при всем этом не могла прокормить детей. Пришла к коменданту и попросила помощи. Он отослал в райсобес.

– Дайте разрешение на выезд.

– Твоей ноги чтобы здесь не было! – закричал он.

Исчерпав все возможности, я написала в Министерство внутренних дел СССР с просьбой о том, чтобы меня перевели в русский район, где я могла бы работать в школе...

Из киргизского района сумели уехать к концу 1944 года в русское село Романовка. Там и прожили до возвращения.

Работала в школе. Неплохо себя зарекомендовала, коллеги относились ко мне очень хорошо. Когда директор отлучался куда-нибудь, свои полномочия возлагал на меня. Вообще, кто с нами близко знакомился, они все нас ценили. Но помочь не могли, потому что на нас висело клеймо «спецпереселенцев». Если болеешь душой за ссыльного, то ты против власти, против партии – так все это понималось.

Не хватало на шестерых одной учительской зарплаты. Все, что было у нас, все поменяла на продукты питания, единственно остались золотые часики. Но как быть без часов? Я ими дорожила, так не хотелось с ними расставаться. А однажды вылетело стекло, и я пошла к часовому мастеру. А он – продай и все. Вспомнила своих голодных детей, отдала. Состояние было такое, будто у меня часть тела отняли. За них часовщик дал мне 3035 рублей. Он, заметив мои золотые коронки во рту, говорит: «Продай и их, хоть с голоду не помрете».

Там же часовщик снял мои коронки, отделил друг от друга, сплющил их и один слиток купил сам, а остальные три и 200 рублей отдал мне. Оставшиеся три коронки поменяла у киргизов на три пуда зерна. Хотя стала беззубой и лишилась наручных часов, но на некоторое время обеспечила детей пищей.

Единственный ребенок мужского пола Осман и в школе на «отлично» учился, и мне старался помогать. Однажды, когда он собирал колоски на уже убранном пшеничном поле, его увидел комендант и избил, а сын, убегая от него, залез в камыши и изрезал себе ноги. В страхе, что комендант может за ним прийти домой, до вечера прятался там в холодной воде, и пришел домой мокрый и без колосьев, побитый и несчастный. Как я могу забыть этот день?!

Осман школу окончил на «отлично». И директор школы Федор Михайлович Нечаев, и завуч Смирнов, и классный руководитель Порваткин рекомендовали Османа на медаль, но из районного центра пришло распоряжение, и медаль получил сын директора сахарного завода Владимиров...

Нет, это не стало помехой в дальнейшей учебе. Он поступил во Фрунзенский политехнический институт, окончил его с красным дипломом. Дело в другом, он остро реагировал на несправедливость.

Уже молодой человек, студент вуза, из-за того, что не было зимней одежды, он и в морозы ходил в плаще, а грудь прикрывал чертежной доской, которую прятал под плащом. А сейчас – большие бронхи, живет в Воронеже – климат земли, где родился, не подходит ему...

Словно дерево, корнями ушедшее в землю, человек невидимыми глазу узами связан с землей, где родился. Именно эти узы и питают сердце, и дают всходы радости. В родном краю и деревья, и камни – все кажется живым, любящим тебя. Ручеек, сбегаящий с одного камешка на другой, если протекает через твой аул, то ты начинаешь понимать его язык, его песню. Когда тебе плохо, кажется, что он притих, течение его тише. И наоборот: когда

поет твоя душа, – он бежит и смеется. Когда ты у себя дома, и на ночное небо, и на звезды глядишь другими глазами, солнце у дома греет и светит по-особому. Вновь обретшие родину любят ее с болью в душе, совсем не так, как другие. Да, Балдан с сыном – одни из них.

Балдан, провожая меня, очень благодарила за то, что я пришла к ней и записала ее «исповедь»:

– Если бы я умерла, не поведав кому-нибудь о том, что я испытала в те годы, могила моя треснула бы пополам... – сказала она.

«В ПОИСКАХ ДЕТЕЙ

Я ОБОШЛА ПЕШКОМ ВСЮ СРЕДНЮЮ АЗИЮ»

Депортация была общей бедой карачаевского народа. Но в каждом доме она проявилась по-разному. Судьба семьи **Букмин Герюговой** – доказательство тому. Отец ее детей, Солтан Герюгов, ушел на фронт через два месяца после начала войны. Последняя телеграмма от мужа была получена в 1943 году из Сталинграда. У нее на руках осталось четверо детей и старик-свекр.

За день до высылки, оставив троих детей и свекра дома в селе Каменноостском, она с сыном уехала в гости в Мару к своей матери.

– У наших родственников жили четверо военных: двое солдат и два офицера, – вспоминает Букмин. – Жили одной семьей. Мы заметили, что они в тот вечер были чем-то обеспокоены: часто выходили на улицу. Когда было предложено отдохнуть, уже ночью, один из офицеров спросил меня: «Есть ли какая новость в районном центре, Микоян-Шахаре?» Наше село было окраиной этого города. «Нет», – говорю. На этом и разошлись. Легла спать, но даже не сомкнула глаз. И постель показалась очень жесткой. Не знаю, во сколько это было, в полночь где-то встала и вышла во двор, смотрю, все четверо стоят и о чем-то тихо толкуют. Не доумевая, вернулась обратно...

На рассвете мамины кунаки превратились в конвоиров и вывели нас из своих домов. Но разрешили взять все, что хотели, что могли унести. Перед немецкой оккупацией я свой сундук и деньги какие у меня были привезла в Мару и хранила здесь: мы их закопали в огороде маминых соседей. Все, что находилось в сундуке, и 60 тысяч рублей я взяла с собой в дорогу. В одном огороде, куда нас согнали, на окраине села, нас продержали трое суток: не приходили машины. Видимо, не хватило их на все ущелья Карачая.

А моих детей из Каменномоста вывезли в тот же день – второго ноября, как я потом узнала. Но в те дни все меня успокаивали: говорили, что в Черкесске со своими встречусь. Не только не встретились, даже потеряла тех, с кем выехала: когда нас сажали в поезд, не успели сесть мать и сестра.

Когда я поняла, что лишилась своих детей, а теперь и матери с сестрой, я чуть не сошла с ума. Всю дорогу до Средней Азии проплакала. Ехали мы 14 дней. Попали в Пахта-Арал. Я с сыном, сноха с четырьмя детьми и старушка с внуком поселились в одном бараке.

Как только ступила ногой на эту Богом проклятую землю (спецпереселенцев в Пахта-Арале умерло больше, чем где-либо: об этом есть и песня-плач), так и занялась розыском своих детей. Сына оставила снохе, взяла с собой ее сестру Ньюру, она тоже сына искала, и мы ушли, сами не зная куда. То пешком, то на поезде, где обходились испугом, где платили штраф, так доехали до Сары Агъач. Были в Баяуте, в Алексеевке, дошли до Сыр-Дарьи, но все напрасно. Где мы ни ночевали! Кого ни расспрашивали – все без толку. Несколько раз, уставшие, грязные, доведенные до отчаяния, возвращались мы домой. А потом опять в путь-дорогу. Ни документов, ни пропуска, поэтому, когда даже нечего было есть, опасались зайти в чайхану и перекусить, боялись проситься к кому-нибудь на ночлег. Общались только со своими соплеменниками. Встретится по пути карачаевец, мы спрашиваем его: «Откуда сюда прибыл поезд? Жители какого аула сюда попали?»

Каждый раз, собираясь в путь, приходилось продавать те вещи, что привезла с Кавказа. И было горько оттого, что страдали не только мои дети, которых я ищу, но и сынок, который был со мной. Фактически он меня не видел. Я две ночи подряд дома не ночевала. Он хотел, чтобы я была рядом. Но я должна была найти моих девочек.

Наконец пришла весть о том, что дети в Чалдоваре. Я судорожно стала собираться в дорогу. А сынок мой, уже совсем отчаявшись, просил не уходить или взять его с собой. Я не могла сделать ни то, ни другое. Он вырывался из рук снохи, в своем горе не слушал и не слышал, что я еду за его сестренками и что приеду скоро и больше никогда его не оставлю, что все мы будем вместе и будем счастливы! И сноха в страхе, как бы мальчик не сбежал из дому и не погнался за мной, взяла и привязала его к дереву. Несчастный ребенок так сильно и так долго плакал, что покалечил себе сердечко.

Добралась я до своих детей в феврале 1944 года. Оказалось, что искала три долгих месяца, 90 дней, а если считать и дни, проведенные в пути от Кавказа до Средней Азии, более ста дней я находилась в неведении и сходила с ума.

Приехала в Чалдовар: все они были живы! К моей великой радости, и моя мать оказалась с ними. Они уже там нашли друг друга. Когда она пришла к ним, ее внучки, постриженные наголо, жили в разных семьях у родственников. Свекор мой, бедный старик, как рассказывали мне, каждый день уходил из дома в поисках меня и каждый раз возвращался обессиленным и несчастным. Когда я приехала, они все были вместе. Моя мама и свекор смотрели за ними, а Герюговы помогали продуктами питания. Как я была им всем благодарна, что они сумели сохранить моих детей живыми!

О дне выселения дети мои рассказывали такую историю: офицер, который был ответственен за наш дом, расспрашивал их обо мне и об их отце. И старшая дочь, отвечая на вопросы, не сдержалась и расплакалась. «Все четверо сели рядышком и

заплакали, – рассказывала мне Клара. – Офицер повернулся к нам спиной, тоже стал вытирать глаза. Потом он снял со стены ковер, завернул в него много домашнего скарба, затянул веревкой... Он сам нас собрал в дорогу. Потом составил опись оставшихся в доме вещей, приколот эту бумажку на гвоздь, замкнул двери, ключи отдал мне и только после этого вывел нас с бабушкой со двора».

Оказывается, этот офицер, когда моих детей сажали в машины, еще в Каменномосте взял разрешение у своего начальства до моего возвращения не отправлять детей, но свекор не согласился, решил быть со всеми, как все.

Знать бы имя этого офицера! И в самые смутные времена настоящие люди всегда оставались людьми, хотя волей судеб приходилось быть карательным оружием в руках палача. Ковер тот со скарбом, что собрал тот добрый человек, так и лежал нетронутый, я сама его развязала. Как нам все это потом пригодилось!

Так они попали в Киргизию, а я – в Казахстан. И до самой весны, не позволяя себе бояться темноты ночей, холода зимы, наказания комендатур, где пешком, где поездом, где с пропуском, где обманом, исходила вдоль и поперек всю Среднюю Азию и Казахстан.

И самое странное было то, что после стольких «беззаконных» странствий, приключений, страхов, когда собрала своих детей под свое крыло, я испугалась выехать без пропуска из Чалдовара в Баяут, где жил брат. Ходила два месяца, март и апрель, к коменданту, пока не получила всем пропуска – себе, матери, детям, свекру и золовке. Когда они были уже на руках, старик, бабушка моих детей, решил остаться среди Герюговых в Чалдоваре, со своими двумя дочерьми. «Я благодарен тебе, пусть и Аллах будет тебе благодарен, возьми своих детей и уезжай, я благословляю тебя на этот путь», – сказал он мне и попрощался с внучками. Оказалось, навсегда...

«НИЧТО НЕ ЗАБЫТО, НИЧТО НЕ ПРОШЛО...»

– Мы получили похоронку на брата Юнуса, – так начала свой рассказ **Бабух Догдуева**, уроженка города Теберды. – А на другой день началось выселение – всех согнали на окраину города. Солдаты несли моих детей. Их было у меня двое. Я бежала за ними с люлькой в руках. Когда проходили мимо дома родителей, попросила конвоиров, чтобы разрешили зайти к ним. Оказалось, что их уже вывезли. Взяла Коран и молитвенный коврик отца и побежала за солдатами. Когда пришли на место сбора, а шли долго, там встретилась я с родителями, с мужем. А братик младший, Идрис, был на кошу. Поэтому мы так и уехали, не узнав о нем ничего.

– Буквально на днях вспоминала, – подчеркнула Бабух, – была у нас большая белая собака. Как она металась, скулила, когда нас посадили в машины! Места себе не находила. Смотрю: сейчас солдат выстрелит в нее. Спрыгнула с машины и побежала к собаке, обняла ее и стала ругаться с солдатом. Услышав мой крик, лейтенант остановил солдата, и мы уехали.

Привезли нас в Баталпашинск (нынешний Черкесск). Выгрузили около эшелонов, смотрим – собака наша! Всю дорогу, километров двести, бежала за машиной. Что теперь делать? Тут отец заплакал. Как бы ни хотел скрыть от нас слезы, не смог. Взяла я кусок мяса и отвела ее в сторону, «объяснила» как могла, погладила по голове и ушла. Прихожу обратно, смотрю: один наш родственник люльку разломал, бросил в огонь и греется.

Я ахнула, а он мне: «Зачем теперь она?» Устами этого юноши говорила судьба: не помню, на второй или третий день в поезде моя девочка внезапно умерла. Как быть теперь? Где и как ее похоронить?

Отец мой попросил солдата, чтобы тот дал возможность сделать это. Я вытащила из чемодана все, ребенка положила туда и, когда доехали до Саратова, супруг мой с отцом забрали ее и ушли. Когда вернулись с чемоданом, подумала, что они дочку бросили или в огонь, или в реку. Но отец объяснил: похоронили на русском кладбище. Оказалось, какие-то люди дали ящик и по-

могли нормально похоронить. А муж подвел к нам одну русскую женщину и посоветовал взять ее адрес. Взяли адрес, дали свои фамилии, имена, адреса не знали – ехали в никуда...

Она пообещала ухаживать за могилкой, так мы и уехали. Мы с ней долго переписывались. После возвращения на Кавказ я была в Саратове, на могилке дочери, и мы с ней встретились там. Она ходила уже с палочкой, но за могилкой ухаживала, как и обещала. Это была замечательная женщина.

В Киргизии мы попали в Кагановичский район. На двадцатый день прибытия мы с мужем потеряли и нашего сыночка. Он заболел корью и умер. Я осталась без детей... И принялась за поиски младшего брата Идриса. Моя боль за детей превратилась в большой страх за Идриса, и не было мочи сидеть и ждать, когда он сам предстанет перед глазами. Да и как он найдет нас, когда не знает, где мы.

Ни одну ночь не могла ночевать дома. Куда только меня не приводили поиски! Была в Джамбуле, Караганде и в других местах Казахстана. Для разрешения на выезд каждый раз приходилось давать коменданту взятку.

В Караганде я встретила с его другом, с таким же парнишкой, как наш Идрис. Он рассказывал, что они (их было несколько человек), уже не зная, что делать, пошли собирать милостыню. «Но не знаю, куда они ушли», – говорил он. Короче, я его не нашла, а паренька этого привезла с собой и отвела к его родственникам.

Приеду, переночую, опять в дорогу. Не могла успокоиться, смириться с теми обстоятельствами, в какие нас поставили, с тем, что случилось. Кто-то отцу сообщил, что Идрис, выкрикивая свое имя, проехал на поезде. Где пешком, где на транспорте, добралась я до Фрунзе... и нашла его.

Собрали, оказывается, бездомных, потерявших своих близких подростков, и готовились отправить их в Сибирь на лесозаготовку. Их загнали в загороженную дувалом площадку. Она была набита этими несчастными детьми. Они ждали при-

каза. Когда узнала, что Идрис с ними, попросила одного устроить мне встречу с братом за вознаграждение. Тот пообещал его даже выпустить, если есть при мне деньги. Сколько? Триста. Дала. Вывели Идриса. Но он, как увидел меня, так и сознание потерял. Был голоден, слаб. А тот, кто помог, требовал, чтобы мы быстро ушли отсюда. Я его почти на себе тащила. Когда накормила, он немного пришел в себя. И мы уехали.

Столько было унижений по дороге домой! Но это было ничто по сравнению с той радостью, что он живой вернулся к нам. Ведь я девять месяцев его искала!

В пути Идрис мне говорит: «Я знаю, что отец и мать живы, но твоих детей уже нет». – «Откуда ты знаешь?» – спрашиваю я. – «Во сне видел», – сказал он и заплакал...

Видел Бог, я в Киргизии ни один день на работу не выходила. Ходила в поля и собирала пшеничные колосья. Бывало, с вечера уйду в пшеничное поле и заберусь в его середину (были случаи, до рассвета оставалась там). Набрав пшеничных колосьев, приносила их домой, сушила и перерабатывала на мельнице...

Был у меня один ковер, привезенный с Кавказа, его я поменяла на телку у одного еврея. Он был директором сахарного завода. Когда я телку пригнала домой, мой бедный отец так обрадовался, что говорит: «Не грех будет, если я станцую!» Это был второй год ссылки. Жена этого директора так была довольна четырехметровым ковром, что дала мне целый ящик хозяйственного мыла. А кусок мыла стоил тогда 100 рублей. Раздала своим, а еще три куска – соседям, одна была русская, а двое – карачаевцы.

Когда телочка отелилась, отец все время говорил: «Не забудь соседей. Пусть они тоже пьют молочко». И я доила и по очереди носила соседям. Особенно остро отец реагировал на чужое горе, он физически страдал от этого. А вокруг столько было его, этого горя.

Сегодняшние не умеют так поддерживать друг друга, как мы тогда. Когда я нашла и привезла домой Идриса, вся округа пришла поздравить нас.

Мы так жили, делясь горем и радостью. Да, страдали. Да, частенько приходилось плакать. Да, многие годы я не могла привыкнуть к мысли, что я теперь уже не мать. Чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, все время была при деле, всегда о ком-то заботилась, кому-то помогала, куда-то ходила по делам.

Мы сами попали в неплохое место по сравнению с другими. Кто мог, пас овец или лошадей. Нас было шесть женщин, пошли и попросили разрешения доить овец. Начальство разрешило с условием, что молоко будем сдавать в колхоз, а нам какие-то проценты могут доставаться. А мы только половину надоенного сдавали им. А половину скрывали. Приносили домой это молоко и ночью делали сыр.

С рассветом, так бывало часто, преодолевая десяток километров пешком, приходила в Гавриловку – к семье погибшего на фронте брата с сумкой на спине. Они, голодные, всегда меня ждали с нетерпением.

За те девять месяцев, что искала брата, до того научилась быть изворотливой, что меня коменданты уже не очень-то пугали. И вот однажды, видя, как муж переживает за своих близких, я решила найти их и помочь. Дошли до нас слухи, что они в селе Джани. Это было в 100 километрах от Гавриловки. Я их нашла. Они, замученные голодом, сами на себя не были похожи. А бабушка мужа уже была совсем плохая. Пришлось сразу же вернуться назад. Выпросила у нашего председателя полмешка муки, сама сверху насыпала еще одно ведро, взяла телегу-одноконку и поехала. В пути застал вечер, становилось темно. Увидела стадо овец, завернула туда. Вошла в середину стада. Глупая была, ведь могли меня убить! Но наша жизнь ничего не стоила. Другого выбора не было – надо было или спастись от голодной смерти, или бесславно умереть.

Пастух, заметив меня, кричит: «Эй, чего надо?» А я ему в ответ: «Брат, иди сюда!» Подошел. Говорю ему: «Еду в Джани, как видите, здесь настиг меня вечер, и теперь не знаю, как быть. Муж мой должен подъехать». Про мужа, конечно, я обманула, на вся-

кий случай. Он пригласил меня в юрту, сказал, что там его жена. Пошла за ним, объясняя, что еду к голодающим. Жена его меня встретила приветливо, но когда они стали друг с другом о чем-то шептаться, я решила, что они договариваются ночью убить меня. В страхе, желая их как-то задобрить, предложила им немного муки, но они отказались и пригласили отведать лепешки с чаем. Вместо слов, произносимых обычно перед трапезой, я про себя просила Аллаха дать дожить до утра.

Утром они вновь спросили о моих проблемах, напоили чаем, дали на дорогу лепешек и одну баранью ляжку. И проводили в путь. А я скажу не стыдясь: на мне было двое рейтуз, сама их сшила, одни сняла с себя и отдала хозяйке. Это все, что смогла. Так хотелось отблагодарить хороших людей.

Добралась до своих. Как они обрадовались, увидев мои гостинцы. Полмешка муки – это было целое состояние тогда. (Недавно ко мне приходила золовка, опять плакали, вспоминая те дни.) Изголодавшимся родственникам строго наказала: «Сначала несколько дней делайте из муки болтушку и только это пейте, а когда желудки чуть привыкнут, тогда нормально покушайте». Я боялась, что набросятся на еду и случится непоправимое. Многие так умирали. Когда я вытащила баранью ляжку, они вообще ахнули, и свекровь говорит: «Это, наверное, Азрет нам передал». Это про моего мужа. «Нет, мама, это киргизы вам передали», – отвечаю ей. И рассказала, с какими приключениями приехала к ним. Собралась ехать назад, одну не отпустили, свояк младший сопровождал меня.

Приехали мы с ним домой. Отец меня встретил во дворе. Этот бесконечно добрый человек был озабочен и сердит. Он мне заявил: «Или ты прекратишь свои похождения, или нам надо навсегда расстаться. Пора тебе уgomониться. Идрис работает, Азрет работает. Успокойся, не береди нам души. Пока ты где-то ходишь, мы себе места не находим...»

А я... Я боялась, что если придется еще кого-то хоронить, то я этого не вынесу. Кругом столько людей умирало, но мы не могли привыкнуть к этому. Да и возможно ли это?!

Однажды возвращалась откуда-то домой, и наш сосед Умар мне говорит: «Ты не обижайся, но мы тебя прозвали яловой кобылой». – «Как славно вы поступили», – ответила я, не скрывая, что мне это неприятно. – «Не я тебя так прозвал, это твой муж Азрет». Пришла домой и говорю мужу: «Что ж ты так, если уж очень хотелось меня оскорбить, мог бы это сделать без свидетелей». – «Я это сказал без всякой задней мысли, увидев, как ты мчалась. Ты разучилась ходить нормально, все время куда-то бежишь», – оправдывался муж. Он был прав. Да, жизнь меня сделала такой и ничего не могла я с этим поделать...

После... спустя 12 лет, проболев одну неделю, скончался отец. У него и руки, и ноги почернели – врачи говорили, что это от сердца. Через девять месяцев за ним ушла и мама. То, что родители перенесли, даже Тебердинские скалы не сумели бы.

Когда начался разговор о возвращении на Кавказ, я сказала своим, что не можем мы уехать, ибо могилы наших родственников остаются здесь. Не смогла переубедить мужа. Он рвался на землю, где родился и вырос. Но получилось так, что я уехала, а он остался: когда грузили вещи в вагоны, внезапно, получив кровоизлияние в мозг, муж скончался. Несчастный, не пожелавший ни на один день задерживаться в Средней Азии, там остался навечно, а я, потеряв и дочь, и сына, и мать, и отца, и мужа, с одним младшим братом приехала в Теберду. Похоронила мужа там, а поминки справили на родине, куда он так стремился.

Вот так и живу с тех пор... Боль души не утихает. Ничто не забыто, ничто не прошло. Все перед глазами. Как забыть пережитое?! Скажите на милость, как забыть прощание отца со своей собакой в день высылки?! В Теберде много было красивых собак, но наша!.. Большая, белая, как медведь. Как она бежала за нами из Теберды до Баталпашинска! А там, у поезда, положив лапы на грудь отца, она плакала. Как катились слезы из глаз! Своим лаем пес что-то говорил, упрекал, просил...

Что было с ним потом, после нас? Никто этого не знает...

Когда все это тут хранится, больно жить, – показала Бабух на сердце.

Бабушка Бабух уже лет десять была лежачей больной. Ухаживали за ней немногочисленные близкие и соседи. Она давно потеряла вкус к жизни, но, как она говорила, «почему-то Аллах не спешил ее забрать к себе».

Мне говорили, что у бабушки Бабух есть ею сочиненная песня-плач. К концу нашего разговора, я попросила ее спеть. Видимо, от волнения, села в постели, опустила ноги на пол, немного помолчав, сказала: «Спою ту часть, где плачу о брате Юнусе». И спела. У нее и у меня катились по лицу непрошенные слезы.

Это была не единственная песня-плач бабушки Бабух. Как говорили ее близкие, есть у нее печальные песни и о себе, и о детях, и о муже. Но горский намыс (моральный кодекс), через который она никогда не переступала, не позволял ей на людях выражать свои чувства к детям и мужу.

Но она не смогла не рассказать о том, что ее совсем согнуло.

– Я к дочери на могилу ездила дважды. Первый раз, как рассказывала выше, я уехала, благодарная женщине, которая ухаживала за ней. Когда туда приехала во второй раз, от могилки и следа не осталось. Не только ее могилу сровняли с землей – кладбище было полностью уничтожено, и строили там большой дом. Как увидела это, меня будто током ударило. Приехала домой больная, после не помню ни одного дня, когда не болела. Не знаю, почему я так остро отреагировала на это? Можно подумать, что это была самая большая трагедия в моей жизни.

– Это, видимо, было последней каплей... И она вас так потрясла, что стали инвалидом.

Двоюродная сестра осталась жить в Киргизии. Когда она приезжала, я ей говорю: «Ты в лучшем положении, чем я, умрешь, похоронят рядом с отцом и матерью». Она мне отвечает: «Ой, какая разница, где будет лежать твое тело». – «Нет, – возразила я ей, – как бы я была рада, если бы знала, что после смерти мое тело будет покоиться рядом с могилами родных». Вот и думаю, если

Аллах даст и сумею встать на ноги, уеду умирать в Киргизию. Как не хотеть слиться с той землей, где прах близких?! Они теперь горсть этой земли...

Бабушка Бабух, так и не сумев оправиться от своих болезней, умерла в своей однокомнатной квартире в городе Теберде. Может, на том свете она встретит их всех – и родителей, и детей, и мужа...

«ОТЕЦ! МАМА!.. С СОЛНЦЕМ ШЛЮ ВАМ ПРИВЕТ...»

Бабушка **Анисат Хужева** живет в селе Псыж. В это абазинское село она попала еще в 30-е годы, когда полюбила парня-абазина. Говорят, что абазинский язык сложнее китайского. В этом можно убедиться, если знать, что алфавит этого языка состоит из более чем 70 букв. Но бабушка Анисат легко говорит по-абазински, носит фамилию Хужевых, переняла их обычаи, вырастила им детей.

Депортация карачаевцев по-своему отразилась на судьбе ее семьи. В основном так называемые интернациональные семьи эта беда обошла. Но с Хужевыми наверняка кто-то переусердствовал, тем более они жили среди абазин, не в карачаевском селении. Но, как бы там ни было, они были высланы. И вот что рассказывает об этом мудрая бабушка Анисат из рода Калабековых:

– Мы уже готовились в дорогу, когда пришел к нам председатель сельского совета. Он отца моих детей отвел в сторону и говорит: «Ты абазин, тебя никто не гонит из твоего дома». А мой супруг ему ответил: «Куда ей без меня с пятью детьми!». Сестра моя была замужем за младшим братом мужа – Юсуфом, она также жила в Псыже. Из этого аула уезжали две наши семьи.

И дома, и всю живность передав почему-то сельскому совету, мы покинули село. Всю дорогу до Средней Азии мы с сестрой проплакали. Муж старался нас успокоить, но слезы все равно лились потоками. А там, в том аду, глаза мои превратились в высохшие озера. Горе совсем иссушило мои глаза. Когда вспоминаю то время, сразу перед глазами встают двое парней, которые ехали с

нами в одном вагоне. Они отстали от своих родных, так как были высоко в горах на кошу. Чтобы нас, женщин, успокоить, всю дорогу они нам песни пели. Им было невмозгалу постоянно слышать наши рыдания. Как они красиво пели! Какие замечательные были у них голоса!

После одного из них отец моих детей нашел мертвым в заброшенном хлеву и похоронил. Другой, видимо, тоже умер с голоду. Так что и песни, и сами они, несчастные, пропали.

Мы попали, как и многие, в Пахта-Арал. Как почти всех, и нас горе не заставило долго ждать. Один за другим умерли дочь и сын. Не будь Эреджиба, их отца, со мной, наверняка все наши дети погибли бы голодной смертью. Кроме того, что нечего было есть, невольно нашими убийцами становились чужие и непривычные и земля, и воздух, и вода. Вода была для нас сущим ядом. Нам советовали ее кипятить вместе с чесноком и только после этого употреблять.

Володенька мой умер в больнице Пахта-Арала. Несколько раньше, когда я к нему пришла проведать, он мне с гордостью рассказывал, что его очень любит врач, что тайком от других она ему дает сахар. Там была врач Разият Кочкарова. Она сделала все, чтобы спасти ему жизнь, но когда я пришла в очередной раз, застала его мертвым. Тогда медсестра, русская женщина, мне посоветовала: «Володю своего уже не вернешь. Если до утра оставишь, будут вскрывать. Лучше ночью унеси, хоть одну эту ночь рядом побудешь». Так я и сделала. Никому не пожелаю такой ночи!.. Всю ночь проплакала над ним... О, Аллах праведный! Мне надо было спасти еще живую дочь, которой нужно было мое тепло. Но и дочечка умерла на следующий день после смерти сына – 4 марта 1944 года...

Вместе с детьми я похоронила в могиле свое сердце.

Я думаю, что за все время существования человечества дети, наверное, не были так жестоко унижены, как во время изгнания карачаевцев...

Был такой случай. Когда мы жили еще в Пахта-Арале, к нам

зашли два мальчика-подростка, собирая подаяние. Ах, если бы найти, что дать! Не смогла я их просто так отпустить. Было припасено немного жидкой мучной похлебки для старшего сына Шахыма. Усадила ребят и подала им эту похлебку. Дочке это не понравилось. «А Шахыму что?» – возразила она. «Что Бог пошлет», – сказала я. А мальчики пили ее, обливаясь слезами. А когда спросила в чем дело, ответили: «Нам хоть что-то перепадет, а наши дома с голоду пухнут, а нам нечего им нести».

Не меньше обжигало мое сердце и то обстоятельство, что я не знала ничего о судьбе моих родителей. Куда их выселили? Где они теперь? Родители были уже в преклонном возрасте. На чужбине позаботиться о них было совершенно некому.

Отец был человеком глубоко верующим. В колхоз вступил одним из первых. Принял новую власть, но никак не мог понять, почему она против Бога, почему преследует верующих людей, почему разрушает мечети.

Зная, в каком положении оказались старики, лишенные возможности быть рядом с детьми, я сходила с ума. Чтобы меня в такие минуты не видел никто, уходила из дома, ночью говорила с Луной, днем – с Солнцем. «Отец! Мама! Вы видите Солнце. Я тоже вижу Солнце. Не знаю, где вы. Через Солнце я шлю вам привет!», – говорила и плакала днем. А ночью этими же словами обращалась к родителям, глядя на Луну.

Так продолжалось три года и девять месяцев, сначала в Богом забытом Пахта-Арале, потом в Баяуте.

Когда младший брат мужа Юсуф демобилизовался из армии, он поехал не на Кавказ, а к нам – в Среднюю Азию. Побыв с нами немного, уехал на родину с намерением получить разрешение вернуться домой нам и своей семье. Спустя некоторое время он привез разрешение, но был очень озадачен тем обстоятельством, что там, на Кавказе, люди тоже голодают.

«Знаете, что там говорят? – «Ушли карачаевцы, и вместе с ними ушло наше благосостояние». Там люди не в лучшем положении, нет продовольствия. Стоит ли сейчас ехать туда?» – со-

мневался Юсуф.

Но отец моих детей настаивал. «Как все, так и мы», – говорил он и был неумолим. А меня уже ничто не волновало, кроме родителей. Все время они стояли перед глазами.

Стали собираться, и я пошла на базар, чтобы купить провизии в дорогу. Встретила там двух карачаевок. Одна из них, оказалось, знала моих стариков. Стала я им рассказывать о том, что возвращаемся на Кавказ. И одна из них разрыдалась и говорит: «Глупая я, почему тогда не вышла замуж за русского». Она это говорила от тоски по родной земле. В тот момент для меня это возвращение не представлялось радостью – я должна была сначала найти своих родителей. Я им об этом сказала. И та, которая знала моих родителей, немного помолчав, с трудом произнесла: «Не надо, милая, ни через Солнце, ни через Луну передавать им приветы. Ты лучше помяни их. Если нечем, хоть водой напои нищего путника. Их уже нет... И твои, и мои родители попали в Сарыагач. Рассказывали, что нашли твоих стариков мертвыми в какой-то землянке и обоих похоронили. С тех пор уже прошел год. Они отлучились. Пусть будет земля им пухом... Теперь пожалей себя, всех нас, живых. Неизвестно сколько нам еще мучиться...» С того дня прошло 43 года, но боль, испытанную в тот день, я таки не забыла. Представила темную, сырую, холодную землянку и сидящих прямо на земле моих несчастных стариков...

Ни одной слезинки не проронила ни за родителей, ни за детей. Горе иссушило меня изнутри. А когда садилась в поезд, сказала: «О, роковая земля, ты стала для нас беспредельно дорогой, ты забрала к себе самых близких нам людей, тем самым заставила поклониться тебе...»

Я вернулась из Средней Азии как обрубок, который некогда был деревом. Оставила там свои корни – отца и мать, оставила там свои ветки – дочь и сына. И, конечно, земля, где лежит прах твоих родных, она тебе очень дорога.

Нам сразу же вернули наш дом и корову, а имущество наше...

Где бы мы его искали?! Здешние тоже еле сводили концы с концами. Абазины мне говорили: «Когда твои соплеменники здесь жили, картофель, зерно продавали не только ведрами, но и мешками. Теперь в ход пошли банки, все продается банками и по высокой цене...» Действительно, поллитровая банка зерна здесь стоила 50 рублей.

Хорошее событие становится радостью только в том случае, если есть с кем его делить. А мне не с кем было делить радость возвращения на родину и вскоре я почувствовала, что меня одолевает тоска. Я вся превращалась в слух, когда приходила на базар, в надежде услышать родную речь, родной голос. Однажды так и случилось. Был воскресный день. Прохаживаясь по базару, где продавали животных, услышала короткую карачаевскую речь. Вглядываясь в лица тех, кто был вокруг, сумела распознать их среди толпы. До этого я их никогда не видела. Стараясь не упустить их из виду, стала за ними наблюдать. Один был светловолосый, в возрасте, другой – черноусый молодой мужчина. Они долго стояли около одной буренки, но ни одного слова не проронили. А у меня так сильно стучало сердце, так шумело в ушах, что базарное многоголосье превратилось в сплошной гул. Они пошли, и я за ними. Через какое-то время, видимо, почувствовав, что кто-то за ними идет, стали оглядываться и прибавили шаг; тогда я, боясь, что потеряю их в толпе, воскликнула по-карачаевски: «Милые люди, кто вы такие?» Когда они посмотрели на меня, я в их глазах увидела столько страха, опасения, что совсем онемела. «Сестра, ты нас не видела, мы тебя не видели», – сказал скороговоркой старший из мужчин, и они, торопя друг друга, исчезли в толпе.

В моих ушах еще долго звучало слово «сестра». «Пусть это смутное время сжалится над вами, станет вам сестрой», – шептала я им вслед.

За эти десять лет, которые я провела после возвращения из Средней Азии без своих соплеменников, была еще одна встреча. Я как-то вечером доила корову. Слышу, мужской голос меня окли-

кает. Думаю: странно, почему зовут не мужа, а меня. И, тем не менее, собралась идти, потому что опять окликнули. Поняла, что это голос карачаевца. Тут я встала и быстро пошла. За калиткой стоял молодой человек. Как увидел меня, сразу по-нашему: «Добрый вечер, сестра. Здесь живет семья Анисат?» Я словно вкопанная осталась стоять посреди двора. Казалось, что сейчас сердце выскочит. А ноги просто не шли. Так простояла некоторое время, не находя в себе силы ответить на приветствие и не приглашая в дом. Одет был он плохо, чувствовалась усталость во всем его облике. Моя замедленная реакция, видимо, стало поводом усомниться в том, что он попал к карачаевке, он забеспокоился. Я, опомнившись, стала приглашать его жестами, потом по-карачаевски заговорила с ним.

Этот вечер хорошо запомнился мне. И отец моих детей, и я окружили его вниманием, угостили, чем могли, и стали расспрашивать. Он, оказывается, сделал себе другие документы и приехал на родину «узбеком». Рассказывал, что вернулся живым с фронта, но все его родные погибли в Узбекистане от голода. «Если не суждено быть с родственниками, то хоть «узбеком», но поживу на родине, – сказал он грустно. – Невыносимо после всего пережитого оставаться на чужбине. Если даже погибну, пусть это случится на родной земле». Собирался устраиваться на работу. А к нам пришел потому, что завтра рано утром прибывает поездом его товарищ, везет ему одежду. Должен был успеть его встретить. К сожалению, не помню ни карачаевского, ни узбекского имени его, но в тот день, беседуя с ним на родном языке, была я очень счастлива. Каждый раз, когда он меня называл сестрой, как свечка, таяло мое сердце. В ту ночь не дала я бедному парню нормально отдохнуть и особенно сильно почувствовала в себе тоску по родному народу. Его улыбка мне напоминала улыбку брата, мягкий взгляд мысленно сравнивала с взглядом отца...

Рано утром, прощаясь, гость тепло поблагодарил. Сказал, что давно не ложился на такую мягкую постель, что вспомнил материнские перины, и, пообещав когда-нибудь зайти, уехал. Больше я его не видела. Он очень рисковал. Боюсь, что его уже

нет в живых.

Все эти десять лет, пока наши оставались на чужбине, душа моя не знала покоя. Я, глядя на осиротевшую землю нашу, чувствовала ее боль. Мы чувствовали друг друга. Неправда, что земля не знает боли. Неправда, что не знакома боль реке, камню, дереву...

Никто меня тогда не называл сестрой, и мне от этого было очень плохо. Отец моих детей очень сочувствовал мне, и он понимал, что сердце, душа моя не здесь, не с семьей, что их я оставила с родными в Средней Азии, и они возвратятся вместе с теми, кто мне мил и дорог. Может быть, и поэтому он – отец моих детей, абазин – был бесконечно счастлив, когда вернулись карачаевцы в 1957 году.

Я свидетельница того, как абазины и другие встретили возвращение карачаевцев. «Карачаевцы приехали!» – сообщали с радостью друг другу. Это был и их праздник. Они искренне радовались. А у меня, после 14 лет «перерыва», впервые появились слезы на глазах – слезы радости, надежды и благодарности Аллаху...

«НА КАЖДОМ УГЛУ НАС ПОДЖИДАЛА СМЕРТЬ...»

Патия Баташева... Она во многом повторила судьбу своих сверстниц. Муж ее, Умар Аджиев, старший лейтенант, погиб под Смоленском. В ауле Къарт Джурт, откуда она была выслана, еще помнят, как во время оккупации она спасала раненых красноармейцев. Помнят ее, бесстрашную и добрую. Но не многие знают, как один из тех красноармейцев, кого она, рискуя своей жизнью, спасла, пришел ее выселять. Не знают потому, что она не любит это вспоминать!

Вот какие времена! Первый раз солдат переступил ее порог прося: «Помоги, сестра!», второй раз – требуя: «Бандиты, покиньте дом!» Она помнит его лицо. В то кровавое утро, когда они встретились глазами, он сделал вид, что не знает ее.

– Он был ранен в нос, – вспоминает Патия. – Сильно текла кровь. У меня не было перевязочного материала. Тогда взяла по-

додеяльник, разорвала на куски и перевязала его. Он был грузин. Я его на всю жизнь запомнила...

– Если была бы в чем-то моя вина, то легче перенесла бы все тяготы насилия, – говорит Патия. – Неясность, неопределенность делали нас глубоко несчастными, усугубляли нашу трагедию. Мы попали в дунганское село около города Токмак. Домик с картонными дверьми – вот, что нам предоставили для жилья. На второй день кто-то сделал подкоп под стеной и унес всю нашу одежду. Дочь моя, неожиданно увидев этот подкоп, так сильно испугалась, что стала инвалидом – случилось непоправимое: расширение сердечных мышц.

Кроме дочери у меня был сын.

В день высылки с нами оказалась моя двоюродная сестра, 19-летняя Шахиназ. Ее мать нас нашла спустя семь месяцев, а до этого мы жили вчетвером.

Хотя у нас право на счастье было отнято, решили мы сделать счастливой нашу красавицу Шахиназ и выдали ее замуж за парня-карачаевца. В день свадьбы она ударилась головой о притолоку дверей (и двери, и потолок были очень низкие, так что приходилось ходить согнутыми) и спустя три-четыре дня умерла. На каждом углу нас поджидала смерть, подстерегала беда. Спустя год, за того же парня решили выдать мою дочь. И она, бедная моя девочка, умерла через год от родов. Больное сердце не вынесло роды, заключили врачи. Зять наш и сам был несчастен, и нашей семье принес только горе. Вскоре умерла и мать Шахиназ.

Сколько горя вытерпел народ! Рядом жила одна семья с тремя детьми. Один за другим умерли мать, отец и сын. Не нашлось ткани для саванов. Завернув в старые лохмотья, так предали их земле. А девочек, двух сестричек, старшей, наверное, было лет пять-шесть, забрали дунганы, в разные семьи.

Через несколько лет одну из девочек дунганка, которая ее вырастила, привела к нам и говорит: «Мой сын влюбился в нее. А я, когда ее к себе брала, поклялась перед Богом сделать дочерью. Поэтому не могу позволить сыну жениться на ней. Возвращаю ее

вам. Выдайте ее замуж за достойного парня-соплеменника, она очень хороший человек».

Эта девушка с нами вернулась на Кавказ. Вышла замуж, живет со своей семьей. А сестренку безвозвратно потеряла. Стала она узбечкой.

А у меня вся радость жизни – сын Амырбий и его дети. У него четыре сына и дочь. Единственную дочь назвал именем сестры своей Амины. Когда вижу внуков, душа радуется: не прервется род Умара! Стоит оглянуться назад – и сегодня нет-нет и содрогнешься. Убегая от своего прошлого, дожила до сегодняшнего дня. Оказывается, от памяти некуда бежать. Наоборот, к старости к ней и возвращаешься...

Глава третья
БОЛЬ МОЯ – ДЕТИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Самые яркие воспоминания – это воспоминания о детстве. Послушаем их: «...Мы, дети, как обреченные цыплята, не могли встать на ноги, бегать, играть. Голод убивает все желания, нам и в голову не приходили детские шалости».

«...В те годы, знаете, о чем говорили дети друг с другом? Если бы увидел на столе много-много хлеба, как бы ты поступил? – спрашивали мы. – Я все съел бы за раз. А ты?»

«...Когда мы собирали пшеничные колосья, если вдруг появлялся сторож, спасаясь от него, забегали в воду. Стоя по горло в воде, не о себе, а о собранных колосьях думали – чтобы их не замочить, держали над головой».

«...Мальчик, страдающий от голода, вскоре он умер, увидев полную луну из окна дома, сказал: «Мама, посмотри, луна похожа на каравай хлеба...»

Нафисат Койчуева, учительница, г. Карачаевск:

– От отца последнее письмо мы получили в 1942 году. А маму каждый день заставляли ходить на работу. Не было никакой возможности даже по выходным остаться дома. Если она случайно оставалась дома, что бывало крайне редко, был праздник для нас. Она до того была слаба, что не могла работать на равных с другими и домой приходила последняя. А мы, трое ее детей, стоя на улице, перебивая друг друга, у каждой прохожей женщины спрашивали, не видела ли она нашу маму.

Мама ходила на уколы, но ей больничный не давали и заставляли работать...

Маджир Канаматов, врач, кандидат медицинских наук, г. Черкесск:

– Было мне лет пятнадцать. О, как я мечтал о велосипеде. И однажды собрался с ребятами-казахами на грузовой машине поехать в район и купить там себе велосипед. Удивляюсь до сих пор, как постовой сумел выделить меня среди других ребят. Все мы наголо побриты, черные от загара. Он же за ухо стянул меня с машины и отвел в местную комендатуру. Меня там продержали до трех часов ночи и выдворили на улицу, а мне и приткнуться некуда. А ночь такая темная. Чтобы вернуться домой, надо было пройти через «Смертную балку», мост такой, через который было трудно перейти не только ночью, но и днем... Не знаю, как я сумел перейти через него, кроме того, дрожь пробегала по телу от воя шакалов. Как я в ту ночь с ума не сошел?!

Герман Хасанов, учитель истории, г. Карачаевск:

– Мы попали в Чалдовар. В первый год из переселенцев в школу пошел я один. Сидевший рядом со мной мальчик на уроке постоянно говорил: «Геть вициля, бандит». В школе было 100 учеников, и все они меня били. Боясь, что могут меня искалечить, родители забрали меня из школы. На следующий год отец мой, озабоченный тем, что мы останемся неучами, переговорил с соседями, и пятеро ребят спецпереселенцев пошли в школу. Как-то раз было в школе «окно», и мы стояли в коридоре. Между нами

и остальными завязалась драка. Но нас же было уже пятеро и мы не дали себя обидеть. Эта была последняя попытка местных ребят посягнуть на нас...

Магомет Хубиев, кандидат филологических наук, писатель, г. Карачаевск:

– Проехав 18 километров на велосипеде вдоль Чуйского канала, я прибыл во Фрунзе и тайком поступил на заочное отделение института. После возникла необходимость ехать на устаночную сессию. Поэтому пришлось идти за разрешением к коменданту. Услышав мою просьбу, Божанов рассвирепел и стал кричать: «Ты посмотри на него, хочет учиться! Хочет стать человеком! Вон отсюда!» Но я все равно позднее выучился...

Владимир Чотчаев, учитель, село Джага:

– Мы жили в Орловке Таласской области. В трех километрах от нашего села было большое озеро. Захотелось нам там искупаться, и решили, что имеем на это право, и пошли. По пути нам встретился комендант, он высек нас кнутом, с тем мы вернулись обратно. Это было в 1952 году. Я тогда учился в седьмом классе. Директором школы был немец по национальности – Яков Избрантович Кришнштейн, преподаватель истории. В тот год он давал нам уроки по Конституции СССР. Был урок о правах и обязанностях советских граждан, и он увлеченно рассказывал о них, как вдруг один из учеников поднял руку и спросил: «Яков Избрантович, вы говорите о каких-то правах, нам же не дали искупаться в озере...» – и заплакал. – «Почему у нас нет никаких прав?»

Директор наш и сам был из высланных, он, не удержавшись от слез, вышел из классной комнаты. Кабинет его был напротив нашего класса. Мы все плакали. Кроме пятерых учеников, все остальные были спецпереселенцами.

По-видимому, немного успокоившись, он вернулся в класс и говорит: «Мы находимся сейчас в темном тоннеле, и еле видимый далекий свет в конце его – это и есть свет, ведущий нас к знаниям. У нас сегодня кроме того, чтобы воспользоваться этим светом, нет никакой другой возможности. Именно этот «свет» выведет

нас в люди, поможет обрести счастье. Знания помогут нам победить, преодолеть сегодняшнюю бесправную жизнь, воспользуйтесь этим...»

Я эти слова запомнил на всю жизнь...

Сапар Бабоев, писатель, село Пригородное:

– Депортация большим горем обрушилась на наш народ. Но спецпереселенцы попали не в одинаковые условия. Кто-то попал в зажиточные колхозы, благополучные села, во всяком случае, от голода не умер.

Я знаю одно такое село. Это был Чаткул в Сокулукском районе Киргизии. Тем, кто попал в это селение, очень повезло, сохранились и старики, и дети. А мы жили в семи километрах от него, в совхозе «Фрунзе», тут голод скосил три четверти спецпереселенцев. Только наша семья потеряла четверых детей, деда и бабушку. Как животные, спасались травой. Не осталось мужчин, чтобы хоронить умерших. Нас, пацанов, тоже было мало. В 1944 году мне исполнилось девять лет. Я со своим другом Семеновым Джаштуу столько людей похоронили! Но какие это были могилы? Ни досок, ни камня, ни савана... Выкапывали ямы, заворачивали покойника во что попало, клали в яму, засыпали землей, и все.

Знал такую семью, где выгнали отца, сказав, чтобы сам себя прокормил. Знал мужчину, который умертвил сестру-калеку, дабы не мучилась от голода. Знал женщину, которая чтобы сохранить детей, нескольких из них продала киргизам. Голод, безысходность, страх.

В Средней Азии нас, детей, весной 1944 года скосили подснежники. Дети, спасаясь от голода, начали их есть. Они и на вкус были горькие, и содержали яд. Из тех, кто их отведал, мало кто остался жив. Из спецпереселенцев, которые вначале с трудом размещались в большом бараке, до весны дожили 9–10 человек...

На следующий год мы, оставшиеся в живых из нашей большой семьи – мать, сестренка и я – бежали оттуда. Когда пришли в Чаткул, были удивлены: живы и старики, и дети, и голода нет. А мы, несчастные, голодные, нищие, еле добрались сюда. Пока

отец не вернулся из Сибири с лесоповала, мы в Чаткуле были самые обездоленные. С появлением отца наша жизнь стала меняться в лучшую сторону...

Аубекир Борлаков, село Первомайское:

«Мы жили тогда в Джувалинском районе Джамбульской области. Где-то через год сюда же были высланы и немцы. Их уже некуда было разместить, и пришлось им жить в конюшнях. Они тоже приехали ни с чем и вскоре стали умирать от голода. Мы, хотя и были детьми, им очень сочувствовали, так как сами пережили муки голода, помогали чем могли. Мама жарила нам кукурузу; из того, что она мне давала, часть оставлял для немецких детей. Как-то попросил кусок ячменного хлеба для этих ребят и вышел, иду и вдруг вижу: посреди дороги лежит женщина и рядом ребенок. Подошел, женщина была мертва, а малыш сосал ее грудь. Я испугался, растерялся и побежал домой, рассказал матери. Она пошла, взяла ребенка и принесла домой. Этот ребенок у нас жил год и восемь месяцев, мать очень хорошо смотрела за ним. Когда немцев переселили в другое место, у нас забрали ребенка.

Осенью 1945 года я пошел в школу. Нас учила одна татарка. Мама мне в карман всегда сыпала жареную кукурузу, и я ел ее. Но учительница моя всегда это замечала и смотрела на меня как-то странно. Тогда я понял, что она голодает, не показывая другим, и стал ей давать сколько мог. Она брала и очень благодарила, а после подружилась с нашей мамой. Учительница тоже была из ссыльных...

«НЕТ, НЕ СПРАШИВАЙ О ПЕРЕЖИТОМ...»

Дочь Магомедова Мекера – Зурият...

На облике этой женщины лежит печать великой боли и горькой памяти. Это видишь глазами и чувствуешь сердцем. Во взгляде ее сплелись и печаль, и доброта, и терпение, и мягкость. Глаза ее излучают тепло.

Если охарактеризовать ее несколькими словами, я бы сказала так: женщина, пришедшая в этот мир, чтобы всем говорить добрые слова.

Она – мать пятерых детей, а внуков вдвое больше. Живет Зурият в старинном карачаевском ауле Хурзук, который расположен у подножия Эльбруса. Живет с мужем Хусеем Боташевым, и они делают все, чтобы не заросла тропинка к могилам давно ушедших, чтобы на улицах старого Хурзука всегда слышались счастливые детские голоса, веселые песни горцев, чтобы яркие звезды в лунную ночь освещали цветущие деревья, освещали дворы, где собираются на свадьбы, то есть делают все, чтобы этот древний аул жил.

Зурият помнит то время, когда ее любимый аул быстро осиротел, а потом был поруган...

– Когда мать с тремя детьми была выселена из Хурзука, мне было 13 лет, – вспоминает она. – Солдат, который был приставлен к нашему дому, за день до отправки предупредил маму тайком, и она всю ночь готовилась в дорогу, но увы. На другой день, когда нас погружали в машины, нам не дали взять с собой собранное в дорогу, и все это осталось, и мы уехали почти ни с чем. Довольствуясь тем немногим, что разрешили нам взять, доведенные до истощения, приехали к месту назначения.

В высылке мы оказались в Джамбульской области в селе Кургата. Сразу же по приезде женщин погнали на работу на свекловичные поля, но нашей мамы надолго не хватило – она ушла, сделав нас круглыми сиротами через три месяца.

После смерти матери я осталась за кормильца. Братишка пошел пасти овец к одному казаху. Он платил нам то жареной кукурузой, то пшеницей, то кислым сыром... Приносил братик то, что ему давали.

Я не помню дня в Казахстане, когда бы я не работала. Нас, детей, гоняли на свекловичные, картофельные поля собирать то, что оставалось после основной уборки. Собранное отбирали, не оставляя нам почти ничего.

Где я только не работала! Рисовые поля поливала, картофельные поля полола... На рисовых полях делали клетки и поливали их. Это была очень тяжелая работа, да еще и жара донимала. Завязывались мокрыми платками, а они вмиг высыхали. А во время уборки риса нам не разрешалось уходить на ночь домой. Ночевали прямо в поле, подушка – ком земли, матрац – раскаленная земля. Наш бригадир, некий Горин – сколько горя он нам принес! – стоял над душой и считал, сколько снопов мы связываем за час.

Там водилась неизвестная нам живность, названия тех существ уже не помню. От их укусов умирали и болели многие. Была среди нас Патия Шидакова, помню, эта бедная девушка от укуса каракурта едва не умерла, стала инвалидом. Как мы боялись этих опасных тварей!

Болезнь никто не имел права, а если заболел, то никто не смел говорить об этом. Единственное, что не могли запретить – умереть. И многие умирали. Бывали случаи побоев, за невыход на работу грозили арестом.

Вот в каких условиях я работала и, как ни странно, стала ударницей. Может, со страху. Наградили орденом Красного Знамени, подарили отрез китайского сукна. Кажется, и в газете написали обо мне. А я... У меня пошла горлом кровь. Слишком много было для неокрепшего, истощенного тела физической и моральной нагрузки.

Врачи говорили, что сердце расширилось от непосильного труда. Сердце... Спасибо сердцу – пережив столько горя и унижений, оно и по сей день стучит.

– После всего этого, – горько улыбается Зурият, – мы еще мечтали, обзаводились семьями, рожали детей, пели им колыбельные песни о земле, где небо очень голубое, где звезды горят ярче, где воздух чист и целебен, где струи горных рек сверкают как хрусталь...

После возвращения в Хурзук на производстве не работала, здоровье было не то, да и детей надо было поднимать.

Домик, который в Казахстане купили за пять тысяч рублей, при возвращении не смогли продать, пришлось просто так оставить и уехать. А в Хурзуке не нашли своего дома – не дай Аллах никому видеть свое селение в таком состоянии. Здесь жили сваны. Они поселились в лучших домах, а все соседние дома разорили, разломали. От нашего, некогда густонаселенного Хурзука, осталась одна треть, наверное. Но самое горькое – надругались над могилами. Сняли надгробные плиты, камни, и использовали их как строительный материал: выкладывали ступени лестниц и стены хозяйственных построек. Первое, что мы, хурзукчане, тогда сделали, – нет, не дома себе строили – эти надгробные камни ставили на прежние места. Могилы были перерыты. Что эти несчастные там искали? Когда в душе нет Бога, человек – ведь тот же зверь, поэтому их называю несчастными...

Нет, не спрашивай о пережитом...

«ОСТЫВШЕЕ ТЕЛО БРАТИКА СТАРАЛАСЬ СОГРЕТЬ, НЕ ПОНИМАЯ, ЧТО ОН УМЕР»

Первое, что бросилось мне в глаза в доме **Кунибы Шидаковой**, была люлька с ребенком. И мне подумалось: это и есть, наверное, главное счастье на нашей брэнной земле. В те два-три часа, что я провела в гостях, дитя это спокойно и безмятежно спало. А плакала... плакала бабушка Куниба. Она безуспешно старалась подавить слезы, рассказывать спокойно, но нахлынувшие воспоминания были сильнее ее. Она попросила не включать магнитофон:

– Зачем записывать на магнитофон мои всхлипы. Как вспомню пережитое, не могу совладать с собой – плачу. Много слез было отпущено мне Богом! Записывай, пожалуйста, на бумагу, что сочтешь нужным из моего рассказа.

Что было делать? Да и не первая была она, кто не мог без слез рассказывать о своей судьбе. К этому я была готова, хотя каждая боль по-своему отражалась и в моей душе.

– Я родилась в 1935 году, – начала свою исповедь Куниба. – В год изгнания мне было семь лет, и я пошла в первый класс. В тот день, 2 ноября, я пошла в школу и меня назад вернули солдаты. В доме я была старшей, нас, детей, было четверо, и еще мама была беременна пятым ребенком. Обычно я ночевала у бабушки. А жили мы рядом. Когда зашла в дом, увидела, что бабушка собирает вещи. Солдат, который стоял и следил за всем этим, вдруг рассердился и сказал, что бабушка собрала вещей на целый магазин, и вытолкал нас с ней во двор.

Отец в тот день был в горах, где работал в урочище Покун Сырт. А мать, видимо, была на сносях и должна была скоро родить. Помню, она кого-то попросила зарезать двух овец, а разделывала их сама. Не до вещей ей было. Для нее в этой суматохе главное было не растерять нас, детей. Помню, как погнали народ и собрали на поляне ниже дома Семеновых: это все происходило в ауле Учкулан. Мать на этой поляне и пыталась сварить мясо тех овец в дорогу. Тем временем солдаты, сжалившись, разрешили людям вернуться в свои дома и взять необходимое в дорогу. Мама наша не смогла оставить нас одних и пойти, да и сил таких не было. И, отправив меня с соседями, крепко наказала, чтобы я взяла ческу для шерсти. А я вернулась со своими куклами.

Когда нас сажали в машины, бабушке не позволили ехать с нами, и мы попали в разные вагоны. Так, наверное, было угодно Аллаху. Мясо, с таким трудом заготовленное мамой, было кем-то украдено в Усть-Джегуте.

По дороге мать родила девочку. Потом матери с каждым днем становилось все хуже и хуже. Помню: на одной из станций к тяжело больной маме пришла наша бабушка. Я бросилась к бабушке, но меня вернули назад. Когда подошла к матери – она лежала на полу – она мне говорит: «Ты хотела уйти, бросив меня в таком состоянии?» Видимо, я не знала, что ответить, помню, села рядом и погладила ей голову...

Когда прибыли на место назначения, каждый из людей, измученных долгой дорогой, был занят собой, и какое-то время мама

оставалась лежать на полу в вагоне – некому было снять ее и нас с поезда.

Потом нас высадили. С нами в одном вагоне ехала Хауа Шидакова, тоже многодетная мать. Моя мать обратилась к ней: «Хауа, эти дети до сегодняшнего дня были моими, пусть теперь будут твоими. Я от этой болезни не оправлюсь». Это было ее заведение.

Ее положили на какую-то бричку с тяжело больным мужчиной (он жив и сейчас, Магомет Байчоров) и увезли. Так мать осталась в Свердловском районе, а нас вместе с Хауа привезли в колхоз «Акъджар». Вагон, в котором ехала бабушка, был отцеплен где-то в Джамбуле. А от отца не было вообще никаких вестей. Мы, четверо детей, потеряв и мать, и бабушку, остались на попечении Хауа...

Она приняла нас, пригрела, как могла, но какое это было время?! Я брала на руки самого младшего братишку (ему было два годика), выходила на окраину села, стояла у моста, и каждый день мы с ним ждали маму...

Бабушка Куниба, заменившая в семилетнем возрасте мать младшим сестренке и двум братишкам – как она плачет, рассказывая мне об этом!

– В одну из ночей, – продолжает Куниба, – проснулась и чувствую, наш самый маленький совсем холодный (мы все вчетвером вместе спали). Приникла к нему, хочу обогреть, а он не согревается, не плачет, не подает признаков жизни. Не зная, что предпринять, до утра грела его своим истощенным телом, ждала, когда проснется Хауа. Утром рано, как только она проснулась, я позвала и пожаловалась ей: «Хауа, Назбий замерз и я не могу его согреть». Она вскрикнула, как только посмотрела на него и сразу взяла его на руки...

Другие несчастья свои я как-то стараюсь понять и принять, но как вспомню ту ночь, когда старалась отогреть уже мертвого братишку, мне так больно, мне так жаль его и себя, бесконечно жаль... А вспоминается часто...

После смерти Назбия, примерно через неделю, умер второй братик, Рамазанчик. Еще в пути его организм был обезвожен, и он лежал не вставая. Вот так из пяти детей остались мы с сестренкой Софьей. Она сейчас живет в Кисловодске. Но какие мы жильцы?! И тело больное, и память больная...

Вскоре отец вернулся с фронта и сразу стал искать своих родственников. Узнав, где мы, приехал за нами. Еще до этого он нашел свою мать – в Джамбуле, в больнице, но она вскоре умерла, и отец приехал к нам, похоронив ее. Трудно было его узнать – выглядел он очень несчастным.

Мы с ним уехали в Джамбул. Там жили наши родственники. По пути, где это было – не помню, мы останавливались в каком-то населенном пункте, там отец сказал: «Доченьки, ваша мать умерла здесь!» Мы заплакали. Мы ее появления ждали каждый день. Как нам казалось, она никак не могла умереть.

Приехали мы в Джамбул. Было лето. Помню, как я бегала за цветами в поле. Так под крылом отца прожили четыре месяца. В один из дней он послал меня за айраном – всегда брали у одной казашки. Сам же оставался лежать. Когда я вернулась, он бредил. Зову его: «Отец! Отец!» А он меня будто не слышит. Я с криком побежала к соседям... Потом меня даже не подпустили к нему, больше я его не видела. Унесли и похоронили.

В Джамбуле жила еще одна Хауа – Шидакова. И она оказалась на редкость милосердной, доброй женщиной. Приютила, обогрела, стала о нас заботиться. Казахи приходили, предлагая удочерить нас. Комендант хотел отправить нас в детдом. А мы с сестренкой все время были начеку: как появится кто-нибудь посторонний, убегали и прятались в яме за домом, не давали себя поймать.

Долгих четыре года прожили у этой доброй женщины. Во Фрунзе жил мамин брат Мухаммат Айбазов. Мы, услышав об этом, очень хотели уехать к нему, еще и потому, что нас кто-то обманул (видимо, чтобы успокоить), что маму увез он. Мы хотели к маме!

Но кто нас отпустит без пропуска?! Шахий Салпагарова, видя, как нам хочется ехать во Фрунзе, как-то сказала: «Собирайтесь! Еду к сестре, возьму вас с собой». Пошли мы с сестренкой к коменданту. На вопрос, с кем едем, боясь подвести Шахий, ответила, что сами. Он, не поверив, повторил свой вопрос. Тогда я убежала, пришла к Шахий и соврала, что комендант разрешил нам ехать.

С каким трудом мы были доставлены к дяде! Всю дорогу, как бы тяжело ни было, эта милая женщина, Шахий, повторяла: «Пусть я умру, но вас доведу до вашего дяди». И довезла. Дядя Мухаммат сильно плакал, когда увидел нас...

У него мы стали жить, а когда мне исполнилось 12 лет, сельсовет выделил нам с сестренкой 15 соток земли, и я пошла работать. Работала в звене у одной балкарки. Выполняла мелкие поручения взрослых женщин – и все же на работе. После всего пережитого была очень слабой и часто засыпала между грядками. «Вставай, дитя, вставай», – так ласково будила меня звеньевая. Хотя я не выполняла норму, мне давали полную зарплату.

Много добра я видела от людей, хотя встречались и злые. Сиротство само по себе – зло. В Джамбуле, помню, был Шах-Мурат Байчоров, кладовщик. Он раздавал спецпайки и никогда нас с сестренкой не забывал. В день раздачи людей собиралось много, и мне трудно было пробиться через них к кладовщику. Он всегда искал меня глазами, находил, подзывал к себе: «Иди сюда, ведь может не достаться, а так не должно быть».

Был и такой случай. В сельсовете иногда давали что-нибудь на топку. Однажды дали торф, и я не смогла все унести за один раз. Когда вернулась за оставшейся частью, ее уже не было. Мы же топили печки соломой. Бывало, несу на спине солому, у самой ведь дистрофия, иду и шатаюсь: куда ветер, туда и я. Не знаю, как добиралась до дома.

Еще один случай. Папа был еще жив. Он приготовил нам похлебку из овсянки, и только мы сели поесть, как вошли двое

– мужчина и женщина. Несчастные до того были голодны, что вмиг проглотили то, что было в миске!

Когда Кунибе исполнилось 18 лет, она вышла замуж за такого же сироту, как и сама, Ибрагима Тамбиева. Двенадцать детей родила Куниба, как бы желая вернуть души умерших родных в своих детях.

– Из них трое умерли, – говорит Куниба. – Отца моих детей тоже нет в живых вот уже 19 лет. На работе попал под пилу. Несчастный случай отнял его у нас. Старший ходил тогда в 10-й класс, а младшему было шесть месяцев... Сама росла без родителей и дети мои без отца... Жаль их... очень жалко... У меня уже внуки. Их десять!

За все время бесед Куниба улыбнулась первый раз.

Когда я спросила о детях, она впервые спокойным голосом стала рассказывать о них:

– Мариям – учительница. Мусса – ветеринарный врач. Зухра и Надя закончили один вуз, они теперь технологи швейного производства. Роза учится в медицинском институте в Саратове. Назбий – в технологическом институте в Черкесске. Тамара хочет стать учительницей, она сейчас на подготовительных курсах в Карачаевске. Мухтар только что среднюю школу окончил, готовится в армию, Мурат – в медицинском училище.

– Всех выучила, вывела в люди.

– Я сама совсем не знаю грамоты. В день выселения, как вернули на сборный пункт с полпути в школу... Оказалось, отлучили от школы навсегда. Руки, которые обрабатывали пять гектаров свекловичного поля, не могут поставить подпись в ведомости на зарплату. И каждый раз расстраиваюсь.

А как я мечтала учиться! И сегодня бы села за парту, если бы не заботы. Я себе не простила бы, если бы дети не выучились. Я не старалась для них накопить какие-то материальные блага. Я хотела видеть их образованными, воспитанными. Хвала Аллаху, такими они и стали сегодня. Будут знания, сами накопят себе богатства. А я... я богата ими и... горькой памятью...

«КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ССЫЛКА?»

Сегодня мне предстоит дорога в аул Красный Курган, что в Малом Карачае. Там живет **Муслимат Байчорова**, дочь Магомета. День выселения, тот страшный день 2 ноября 1943 года, вошел в ее жизнь, когда ей было два года. Да, в день изгнания в разряд бандитов кто-то попал в 99-летнем возрасте, кто-то, еще не научившись слову «мама», кому-то предстояло родиться «бандитом». А многих это проклятие настигло, как известно, на полях Великой Отечественной войны...

Как прикоснуться к незаживающей ране Муслимат, не сделав ей больно? Прихожу к тем, кто пережил ссылку, и всегда меня мучает этот вопрос. Во сколько дверей стучалась, задавая себе один и тот же вопрос: «Как спросить?» Как спросить у Муслимат: «Правда ли, что вы тогда уехали, оставив тело умершего деда посреди комнаты? Как могло получиться, что вы его не похоронили? А кто же проводил его в последний путь? Где его могила? И был ли он вообще похоронен?»

Люди, прошедшие депортацию, вспоминая прошлое, заново переживают эти страшные 14 лет, от их воспоминаний содрогаешься. Воспоминания, которым невозможно не верить. Воспоминания, которые трудно осознать, ибо они о беспредельной жестокости.

И все же послушаем Муслимат. Сейчас она уже мать троих взрослых детей. Но тот страшный 43-й год в ней остался навсегда.

– В 1941 году, когда мой отец Магомет, третий сын Шахыма Байчорова, ушел на фронт, у моей матери на руках осталось семеро душ, – так начала свой горестный рассказ Муслимат. – Нас, детей, пятеро (старшему Хьйсе – шесть лет, младшим, мне и сестренке-близняшке – по полгода), дедушка Шахым и младшая сестренка отца. К тому времени бабушки уже не было в живых, и два ее сына – Мудалиф и Хамитбий – не вернулись с финской войны.

До ссылки мои родители жили в Уччулане. Видимо, дед до этого болел не один день. Его старшая дочь, которая жила со своей семьей в ауле Эльтаркач, приехала проведать отца, и в те дни была с нами. Дед Шахым умер ночью. Он не был старым. Собрав

вокруг себя своих сирот и рано овдовевшую сноху, он стал их опорой и защитой. 60-летнего горца согнул не возраст, подкосила его гибель всех троих сыновей.

Кроме деда, в доме не было мужчины, а когда он умер... Что могли сделать ночью три женщины?! Видимо, всю ночь напролет плакали. Кто знает, быть может, они его похоронили бы даже ночью, если бы знали, какое горе их подстерегает утром, что принесет им рассвет. Утром пришли не аульчане, чтобы выразить соболезнование, как это должно было быть, чтобы поддержать в трудную минуту, а ворвались в дом солдаты – советские, свои.

Когда начали нас выселять (мать часто это вспоминала), она умоляла солдат, чтобы те разрешили предать земле тело покойника. «Хоть в огороде выроем могилу, похороним дедушку, он же ведь человек, у вас ведь тоже есть отцы!» – рыдала она. Но нет, не разрешили... Что могла сделать бедная женщина?! Пришедшие с рассветом были вооружены не только автоматами и гранатами, но и самым жестоким и страшным оружием – бесчеловечностью. И покойник остался лежать в доме. Никто не совершил над ним похоронного обряда, и некому было его проводить в последний путь.

Второго ноября у нас, у живых, отняли родину, а у деда Шахыма, потерявшего на войне трех сыновей, право покоиться в земле...

Прерывая рассказ Муслимат, не могу не сказать, что изгнание несло одним физическую смерть, а тем, кто стал их палачами – духовную. Кто были те двое советских солдат, которые выселяли Байчоровых? Трудно назвать их людьми...

В Карачае, выражая соболезнование близким усопшего, говорят: «Пусть Аллах не даст горя большего, которое могло бы заслонить сегодняшнее. Пусть Аллах даст здоровье оставшимся, а умершему простит его грехи и сделает мягкой землю, в которой ему лежать».

Ведь у каждого народа есть свои обычаи, сложившиеся веками. Эти традиции дают каждому, кто провожает умершего в последний путь, уроки нравственного очищения.

И насилие, которое мы сегодня называем депортацией народов, посягнуло на святая святых – обычаи.

Но вернемся к рассказу Муслимат.

– Какого только горя не видела моя несчастная мать! Но не было для нее большей боли, чем непохороненный дед. А сколько горя видела?! Брошенный посередине комнаты покойник – с одной стороны, с другой – малолетние дети! Бедная моя мама, боясь потерять кого-то из нас, не успела собрать ни еды, ни вещей. «Даже если и попыталась бы... Детскую люльку взять не разрешили», – вспоминала она. Солдаты у нее отобрали серебряные рубли в мешочке. Их дед Шахым собирал на свой последний день – на поминки...

Нас выгрузили в далеком Южном Казахстане, на глухой станции Манкент. К нам, как рассказывала мама, на подводе подъехала женщина-казашка и, ужаснувшись, воскликнула: «Ай-ай-ай-а, балала!» Обратилась к маме: «Коров доить умеешь?» Когда получила утвердительный ответ, увезла нас, погрузив на подводу. Слава Аллаху, голода мы избежали, но тяжелый воздух чужой стороны не пощадил детей. Сначала умерла моя сестренка-близняшка, Супият. Вслед за ней, в возрасте пяти лет умерла Асият, от желтухи. А перед самым возвращением – и 14-летняя Сапият.

Мама из пятерых детей обратно на Кавказ привезла лишь двоих – в живых остались я и Хыйса.

– А какова судьба сестер отца? – поинтересовалась я.

– Они обе остались там. Остались, как и многие из высланных. Старшая из сестер, гостившая у нас, была вывезена вместе с нами, а ее дети с родственниками мужа – из села Эльтаркач. На чужбине попали в разные места. Ведь по всей Средней Азии и Казахстану разбросали выселенцев. Как ни пыталась несчастная женщина, она ничего не смогла узнать о своих детях. Доведенная до отчаяния, она была на грани потери рассудка. Только через год от случайного человека на базаре узнала, что ее дети в Пахта-Арале. Тут начались новые унижения – комендант не отпускал ее, не давал пропуска. Тогда моя мама сделала последнее, что могла. Где-

то нашла сахар, муку, приготовила халву, вместе с ней положила в сумку последний кусок хлеба и пошла к коменданту. «Старалась не думать о вас, – вспоминала потом мама. – Если бы подумала о том, что вам ничего не оставляю, не смогла бы отнести коменданту все, что у нас было дома. Отнесла, отдала и взмолилась, чтобы несчастную мать отпустил к ее детям».

Да, он взял «подарок» мамы, «сжалился» над бедными женщинами и выписал пропуск. Уехала она от нас слабая от горя, выжженная от долгого ожидания, сломленная от унижений и с маленькой надеждой, что вместе с детьми вернется к ней и счастье. Но увы... Счастье всей нашей семьи осталось вместе с прахом деда в доме в Учкекене. Сестра отца нашла своих детей, но... хватило ее только на месяц – прожила с ними месяц и умерла. Умерла от тифа и забрала с собой сына...

А младшую золовку мама выдала замуж за Манафа Байрамкулова. Но и ее дни были сочтены: умерла от родов...

Бабушка по материнской линии, ее сын – фронтовик, тоже умерли там, на чужбине.

Из близких, кого я могу назвать родными, остались Хыйса, его семья, двое детей от сестер отца и трое моих детей-сирот. Все мое счастье в них. У нас, горцев, самым большим богатством испокон веков считался человек. Если мерить по этой мерке, ссылка сделала нас не только несчастными, но и нищими.

Мама перед смертью (умерла она в 1985 году), глядя в небо, говорила: «Э-э, великий Аллах, что только нам не пришлось испытать на этом свете... Что же ожидает нас на том?»

Бедная моя мама... Сколько горя видела, но незаживающей раной был неисполненный долг перед свекром. «От отчаяния, что дедушку не смогли похоронить, сама того не замечая, так стискивала зубы, что они, пока мы доехали до степей Казахстана, раскрошились», – вспоминала мать. Загнанная в товарный вагон без пищи, без средств существования, не ведая, куда и зачем везут, несчастная, она сама себе поклялась: когда Хыйса подрастет и начнет зарабатывать, на его первую зарплату обяза-

тельно помянет деда, сделает ему маулут. Так и сделала. Первый заработок рано повзрослевшего Хыйсы – немного зерна – она продала, купила козу, мясо раздала голодающим – исполнила свою клятву. Но боль в сердце не притупилась, да и кто на маулут (поминки) резал бы козу, если бы...

Говорят, дед был очень спокойным и добрым человеком. Почему Аллах уготовил ему такой удел – остаться непохороненным?

Мама всегда плакала, рассказывая о свекре. Да и как ей было не плакать, если не смогла проводить его в последний путь, если деньги, собранные самим стариком на свой последний день, попали в руки палачам, если она так и не узнала, где покоится его прах. Чувство неискупленной вины перед ним она испытывала до последней своей минуты. Поэтому, как говорили врачи, у нее сгорели нервы: она умерла после двух операций на щитовидке.

Это были ее вечная боль, пожизненный, тяжелый груз, незаживающая рана. Моя память не сохранила ни одного дня, когда мама была бы веселой и радостной.

Мать о бабушке, о пережитых горестях столько рассказывала, что сегодня, когда вспоминаю об этом, кажется, что все то горе не только она, но и сама испытала. Не могу разграничить, где ее судьба, а где – моя. Она мне и брату словно в наследство оставила свою израненную душу.

Когда мы вернулись на родину (а приехали мы на год позже других), отцовский дом был полуразрушен, там уже жили другие. А мама говорила: «Я не смогу вернуться в этот двор, переступить порог этого дома, разжечь там огонь!»

В те, казалось бы счастливые дни возвращения на родину, она заботилась не об очаге, а пыталась узнать, что стало с прахом бабушки, был ли он все же похоронен? Ходила и расспрашивала всех. Но так ничего и не смогла узнать.

Без вины виноватая, всю оставшуюся жизнь после 2 ноября 1943 года она не смогла прожить спокойно ни одного дня. Не смогла простить себе...

Таков рассказ Муслимат Байчоровой, испытавшей изгнание, ссылку двухлетним ребенком. Умершие (пусть земля им будет пухом), умерли. Выжившие – живы. Но как тяжело им и сегодня!

Четырнадцатую годами не исчерпала себя ссылка: для поколения утративших на чужбине своих близких, юность, счастье – когда она закончится, неизвестно...

ДЕТСТВО С ПРИСТАВКОЙ «СПЕЦ»

*Эту главу мне хочется завершить эссе **Фатимы Магулаевой** «МНЕ ЧАСТО СНИТСЯ КАЗАХСТАН», опубликованном в газете «Вести гор».*

«Контингент депортированных карачаевцев в конце 1943 г. на 52% состоял из детей. Среди первых слов, которыми встречала их новая жизнь, колючее «спецпоселен» на ломаном русском вклинивалось в судьбы разрушительным молотом, круша самые наивные мечты безжалостно и неслышно. В этом вселенском плаче изгнанных народов кто бы расслышал голос какого-нибудь карачаевского малыша с его смешной и святой в своей непорочности мечтой о детском садике? Увы, лишь сквозь зарешеченную ограду «спецпоселен» мог смотреть на этот сказочный мир, в котором краснощекие казахские нянечки кормили борщом таких же, как он, карапузов, но только «правильной» национальности.

Они испытывали всю тяжесть депортации наравне со взрослыми, только умирали чаще. 22 тысячи маленьких карачаевцев, не выдержавших большого удара – скорбный итог выселения. Остальные – те, кто был посильней, – смотрели, как умирают слабые, и, надрываясь из всех своих последних акклиматизированных сил, оставались жить – худые, завшивленные, голодные, «на уплотнении» у местных жителей, ютась на одной кровати со всей своей поредевшей семьей. Слушали госкливые песни об изгнании в темноте наглухо запертых бараков, усваивали наивные представления о «злом» Берии и «добром» Сталине, рисовали в во-

ображении картины заоблачного Кавказа, казавшегося в ту пору не более реальным, чем сюжеты нартских сказаний. Ели мерзлый картофель, жмых, корни трав, тайком собирали на жнивье оброненные колоски пшеницы и стояли затем перед бдительным комендантом – захваченные на «месте преступления» насмерть перепуганные «изменники Родины» 10–12 лет – в ожидании неминуемой кары за утаенную горсточку зерна – «колхозного имущества».

Но сегодня, спустя более полувека, они говорят: «Мне часто снится Казахстан...» И такая щемящая грусть слышится в этих словах, что ясно становится: та земля, не по доброй воле назначенная быть местом изгнания, стала для целого поколения карачаевцев родиной, осевшей не только названиями далеких поселков в паспортах, но и светлым следом в их сердцах.

Там, на просторах азиатских степей, они оставили не только горечь унижений и тысячи могильных памятников, но и свое детство – единственное и, вопреки всему, счастливое.

***

Азия в мае. Бескрайнее море диких тюльпанов и маков по склонам холмов и заброшенным полям... Та весна была окрашена цветом пролетарской революции и счастливого советского детства, повязанного алым галстуком. Под красными полотнищами знамен дети-спецпоселенцы могли чувствовать себя полноправными гражданами великой державы, когда, вступая в ряды пионерской организации, срывающимися от волнения голосами торжественно клялись «горячо любить и беречь свою Родину, жить, как учит Коммунистическая партия, как требуют законы пионеров Советского Союза».

Благодаря Коммунистической партии новой горячо любимой родиной для карачаевских детей стали глухие поселки Средней Азии, а вторым родным языком – казахский или киргизский. Учеба на своем языке исключалась, и первоклассники интерна-

циональных азиатских школ свои первые слова читали по складам на чужом наречии.

В середине 40-х годов таких счастливиц, отправлявшихся каждое утро в поход за знаниями – нередко за несколько километров от дома, – было всего 12% от общего числа детей-спецпоселенцев: 6099 учащихся на 50329 детей школьного возраста – официальные цифры из постановления СНК и ЦК КП(б) Казахской ССР «О недостатках в хозяйственном устройстве спецпоселенцев, расселенных в Казахской ССР». Сколько из оставшихся 78% вынуждены были предпочесть учебу работу в колхозах и совхозах Азии, чтобы не умереть с голода, история умалчивает. Сахарная свекла, табак, хлопок – понятия, еще вчера бывшие только экзотикой, в одночасье превратились в обыденную реальность. Тяжелым изнурительным трудом под палящим среднеазиатским солнцем обернулось для переселенцев освоение новых культур. Но когда возвращались с полей наши молоденькие карачаевские передовицы, впереди них всегда неслись песни. Наверное, и в них – песнях, рвущихся на простор вопреки навалившемуся на людей горю, – сосредоточились те самые «выдающиеся» способности, о которых пишут современные ученые.

В том мире, напичканном унижительной приставкой «спец» – спецпереселенец, спецкомендатура, спецпропуска, – несовершеннолетние репрессированные оставались прежде всего обычными детьми с нехитрыми ребячьими радостями послевоенных лет. Альчики, лапта, классики, первые киносеансы в тесных залах сельских клубов, «лыжи» из высохших стеблей кукурузы, воинственные походы мальчишек «улица на улицу», копечная ложка мороженого на ладошке и незабываемый вкус азиатского детства – сказочно-сочные дыни, яблоки, виноград...

Дети 30-50-х годов рождения – сегодня почти все пенсионеры.

Чем осталась в вашей памяти Азия: незаживающими ожогами или солнечным светом детства?

Каким вам снится Казахстан?

Глава четвертая
СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

«Я с удовольствием читаю в газете отрывки из твоей будущей книги. Хочу тебя попросить, дочка, найди место в ней и для моего рассказа...»

Магомет Бердиев, село Кумыш.

Я был в горах, когда ссылали наш народ. Я должен был в тот год пойти в седьмой класс, но солдаты НКВД заняли наши классы, и мы не учились. А в тот день, как обычно, все с утра доили коров, а ферму окружили солдаты. Всех нас вывели, обыскали, отобрали ножички, поясные ремни. Выгнали телят из сарая, где они содержались и согнали туда людей. Со всех кошар, ферм привели всех к нам, и к вечеру людей набилось столько, что трудно было стоять. Так прошла ночь.

В урочище Къобу Башы стоял скот трех аулов: Кумыша, Теберды и Схауата. Всех, кто обслуживал это поголовье скота, собрали вместе. Утром появился какой-то капитан, и тут один из взрослых, Мусса Касаев, спрашивает: «Почему нас тут держите? Что случилось?» Капитан ушел, вернулся с какой-то бумагой и прочитал нам Указ Верховного Совета СССР о выселении с Кавказа ряда народов.

Когда попросили, чтобы отпустили по кошам, чтобы люди могли взять хотя бы еду, ответ был один – нет. Только детям разрешили это сделать: выбрали самых младших и послали их.

Я тоже оказался одним из них. «Возьмите масло, сыр, кукурузу», – учили нас старики. Когда зашел в дом, где мы жили, то увидел страшную картину: все было разбросано, разрезано на части, растоптано, а фляги куда-то исчезли, их не было. Мешок муки был разрезан вдоль и поперек.

Вернулся я ни с чем. Потом нас вывели из фермы, выстроили в две колонны и погнали. Среди нас были и женщины. Толстый капитан скомандовал: «Руки за спину, молча, не оглядываясь по сторонам – вперед: нарушителей расстреляем на месте!» – сообщил он.

Мы – пешком, а они на наших лошадях, к полуночи остановились у подходов к станице Зеленчукской, там загнали нас на ферму. Дали чуть отдохнуть, но о еде они совершенно не беспокоились. Опять погнали, причем в сторону Хабеза. Тогда старики поняли, что они лишились своих семей и обречены на беду. К утру остановились на окраине аула Хахандук. Обувь, не предназначенная для такой длинной дороги, была уже порвана, и многие старики шли босиком по осенней холодной земле. Это никого не волновало. Нас погнали через черкесские аулы. Черкешенки плакали, глядя на нас, пытались дать обувь, еду. Но им не разрешали, конвоиры им объясняли, что мы бандиты, изменники, что нам не положено помогать, сочувствовать.

Мы дошли до Баталпашинска 5 ноября, в этот же день нас затолкали в вагоны, закрыли за нами двери, и только через сутки отправили в путь. Было девятое или десятое ноября, когда впервые открыли нам двери и дали еду. Это было в Саратове, на восьмые сутки соизволили нас накормить. В пути мучились от голода, вшей, грязи, нечистот. Через две недели прибыли в Сайрам, это около Чимкента. Там нас выгрузили. Никто не нес ответственность за жизнь стариков и детей. Чтобы как-то выжить, искали в близлежащих колхозах работу, но увы. Кто помоложе, пошли в шахту Ленгер. А старики, которые приехали с нами, в поисках близких колесили между Казахстаном и Киргизией. Но все они умерли от голода, так и не найдя родных. Как я потом узнавал,

никто из них не выжил, и никто из их близких не знает, где и при каких обстоятельствах они умерли. А я своих родителей нашел через два месяца.

«На Прирезках я работала по собственному желанию, никто меня не заставлял ехать туда. Вся молодежь трудилась там. Это была наша помощь фронту. Мне тогда исполнилось 16 лет...»

Пазий Абазалиева, село Пристань.

Судьба подростков, которые были высланы из молодежно-трудовых станов, рядом с которыми не было взрослых – одна из трагических страниц нашей депортации. У нас не было ни одежды, ни обуви, ни денег, а главное – не было взрослого человека, который понимал бы, что вокруг творится, и объяснил, направил, успокоил...

В Баталпашинске, как и все подростки, я бегала по вагонам и искала своих родных. Не нашла. Села в эшелон с такими же, как и я, и три дня ехала и грызла одну луковицу. Нас редко кормили – и то рыбой и черным хлебом из отрубей.

На остановках поезда начиналась суматоха – искали родных. Я нашла свою тетю в другом вагоне, но меня к ней не пустили. Тогда она собрала кое-что, завернула в платочек и передала мне. На той же остановке мы с девочками решили помыть головы, вши покоя не давали, от грязи сил не было никаких. В вагонах была страшная антисанитария. Когда вернулись, помыв головы, моей провизии, что дала тетушка, на месте не оказалось. Украли. Потом само собой открылось, кто это сделал. Пока нас не было домашнюю колбасу (она очень жирная), целиком съел один подросток. Такое расстройство желудка было, никому не пожелаешь. А в вагонах не было даже туалетов. Просто отверстие сделали на полу и так справляли личные нужды. С нашей природной стыдливостью, с нашими горскими адатами, с нашим почитанием старших, не говоря о другом, только это обстоятельство довело

людей до безысходности. Чтобы не ходить по нужде, некоторые вообще отказывались от еды.

Рыбу, которую нам давали, мы не могли есть. Видя, как мы мучаемся, один парень из Мары, он был фронтовик, без одной ноги, Хапаев, имя уже не помню, предложил: «Вы не отказывайтесь от рыбы, берите ее. Будем меняться, я вам дам свое мясо, а вы мне – рыбу. И тут же дал мясо и орехи. Так мы доехали к месту назначения. Живыми. По сравнению с ребятами, которые выехали из колхоза имени Тельмана, мы оказались в лучшем положении. Их, и так измученных тяжелой и долгой дорогой, отправляли на лесоповал, на погрузку леса. А там их, почти всех, кишечные болезни и скосили.

Я попала к тетке. Но на сердце не было покоя. В полной мере осознавала, в каком состоянии мои родители. Я была единственной сестрой четырех братьев. Это придало мне решимости ехать на поиски родителей, хотя был комендантский режим. Выехала я с подругой, она тоже искала своих. Но не тут-то было, нас задержали в пути и почему-то отправили в Таджикистан. Что только не пришлось пережить, пока скитались. Нашла я своих в Пахта-Арале, но мать свою не сразу узнала, она так сильно изменилась, что трудно было поверить, что это она, моя мама. Она буквально сгорела от горя.

Отец в Средней Азии жил недолго. Он от тоски по родине быстро состарился. Вообще не хотел видеть белого света, вздыхал и отказывался разговаривать и вскоре умер. Не мог он смотреть на сына, вернувшегося с фронта без ноги, не мог видеть голодающих внуков, не мог он пережить те унижения, которые достались на долю ни в чем не повинного народа. Не мог забыть брошенный на растерзание свой аул... Хотел умереть, это было единственное желание, которое могло в то время осуществиться...

*«Фатима, так хотелось о пережитом поведать тебе.
Прошу, выслушай и меня».*

Роза Узденова, г. Кисловодск.

...Я была одной из тех, кого из-за тяжелой болезни по пути следования снимали с поезда. На одной из остановок, их не так было много, зашли в наш вагон две медсестры, увидев меня, воскликнули: «О, ужас!» И не слушая никого, унесли. Бедная мама, которой не разрешили идти со мной, осталась, плача навзрыд. А меня эти женщины занесли в будку рядом с железной дорогой, положили на кушетку.

Мое тяжелое состояние и разлука с матерью сильно отразились на моем сердце. В будке я пролежала до вечера, потом приехал старик на телеге с соломой, сверху нее постелил брезент, меня туда уложил и увез. Все было как во сне. В одном месте, как оказалось потом, в больнице, мне постригли волосы, искупали, положили на койку. Там же я потеряла сознание, и не приходила в себя сутки. Когда же стала спрашивать о родных, ответили, что я болею тифом. Я так долго плакала, что лечащий меня врач удивлялась, откуда столько слез берется. «Что мне делать с тобой?» – вопрошала она. В один из таких дней пришла уборщица, добрая была женщина, и говорит: «Дочка, ты успокойся, постарайся быстрее поправиться. Когда выздоровеешь, я поведу тебя на базар. Я там в последнее время вижу белозубых, черноглазых, симпатичных людей, они продают теплые вязаные носки, нитки шерстяные. Может, кого узнаешь, если нет, то я с радостью удочерю тебя». Я стала еще сильнее рыдать.

Вскоре в больницу попал один спецпереселенец. Он оказался карачаевцем. Его сразу привели ко мне. Стал расспрашивать меня, кто я, откуда, чья, и говорит: «Сестренка, ты зря плачешь, твои родные живут в семи километрах отсюда. Они живы, здоровы. Ты им напиши письмо, а я через своих родственников отправлю его, придут и тебя заберут». Так и случилось.

Не успела мама пережить случай со мной, пришла другая беда. Нас у матери было двое, брат и я. Юношей стали забирать на лесоповал, а оттуда мало кто возвращался живым. У мамы был панический страх за сына. «Неужели Аллах допустит это?» – причитала она. – И на всякий случай решили приготовить ему на дорогу хотя

бы два-три килограмма жареной кукурузы. Как раз в тот момент, когда мама со страхом говорила об этом, а я пыталась ее успокоить, открылись двери, вошел один казах и говорит: «Баба, сына твоего комендант зовет». Брат мой пас овец селян. Мама ему: «Он же пасет овец». – «Пусть вместо него идет дед (а деду было 80 лет) и пасет, а он немедленно должен прийти к коменданту!» – распорядился он.

Мы были до того растеряны, что стояли как вкопанные. А ночью, той же ночью мама умерла. И нас обоих оставила сиротами.

«Я словно искра, оставшаяся от огня – единственная внучка Шабата, отца двух сыновей. Мой отец Юсуф в возрасте 30 лет умер от инфаркта, через два месяца после моего рождения в мае 1950 года. Я думаю, что ты должна написать и о том, какой след оставили эти 14 лет в сердцах тех, кто родился в 50-е годы. Без этого твой рассказ о депортации нашего народа будет неполным».

Бутдулай Джуккаева, г. Карачаевск.

От отца мне осталось его имя. Кто мог бы рассказать о нем, их тоже уже нет. И мать, которая прожила с ним всего один год и в свои 23 года осталась вдовой, редко о нем говорит. Знаю его лицо по фотографии.

В годы депортации я была единственной внучкой для моих бабушек – и по отцу, и по матери. Тогда мало рождалось детей. Они меня не выпускали из рук. На песчаных равнинах Азии я почувствовала тепло Кавказа от их рук.

«Кто плачет о ребенке своем, тот самый несчастный», – говорят в народе. Чашу этого горя испили сполна обе мои бабушки. Мать отца, бабушка Эбокай, всю жизнь смотрела за сиротами. Вырастившей двух сыновей, ей пришлось их обоих пережить. Старший сын Идрис умер от ран, которые получил на финской войне. А второму ее сыну Юсуфу, моему отцу, судьба не пожелала подарить шести лет, чтобы он мог вернуться на родину и умереть

на Кавказе. Хотя после Идриса не осталось никого, он не успел обзавестись семьей, но он был счастливее моего отца – он умер, не испытав унижения депортации, и свой последний приют нашел на своей земле.

Бабушка по матери Айшат за свою жизнь дважды расставалась с Кавказом: первый раз, будучи ребенком, уехала в Турцию с родителями – мухаджирами (там ей исполнилось 17 лет), вышла замуж и со своим мужем вернулась на родину. А второй раз уезжала в Среднюю Азию. Из Средней Азии вернулась, оставив там самую старшую дочь Аминат с четырьмя детьми (они все умерли за короткий срок). Все ее дочери, кроме одной, стали вдовами еще в юном возрасте. Три зятя – Мудалиф Гебенев, Таусолтан Токков, Бабула Узденов – были на фронте. Вернулся только первый, то есть муж умершей тети. Бедный Мудалиф, некогда отец четверых детей, фронтовик, умер в 1990 году бездетным и несчастным. Бабушка Айшат кроме них и моего отца потеряла там еще своих родителей, Солман и Ханий, мужа Исхака, деда моего и еще одного внука.

Она на Кавказ вернулась с таким грузом потерь и страданий, что после этого нашла в себе силы прожить только три года.

После смерти бабушки Апа, ее младшая дочь, некогда известная на весь район гармонистка, отдала кому-то свою гармонику. Она, которая смогла сохранить ее даже в Средней Азии (еще до войны отец отдал за эту гармонику корову с приплодом)! Видимо, боль унижений и потерь была настолько сильна, что решила она: им теперь гармоника никогда не будет нужна.

«Кто что знает о нашей беде? Простыми словами это не расскажешь так, чтобы могли зримо представить. Да и не испытавшему такую беду трудно все это понять».

Зурум Декушева, г. Карачаевск.

Я работала в Учкулане в райкоме партии помощником секретаря. А родители жили в Хурзуке. Мне пришлось разделить

судьбу тех девушек, которые были высланы отдельно от родителей. Пришлось пройти пять тысяч километров дороги, чтобы пять тысяч дней жить в унижении и скорби...

Наш поезд был в пути 23 дня и остановился во Фрунзе. Сразу нас повели в баню, но не дали мыла, а приехали грязные, завшивленные, со многими недугами. Ополоснулись и вышли. Сразу вывели, даже не дали высохнуть волосам. Уже декабрь на улице. После этой бани многие умерли от простудных заболеваний. Тогда мы не поняли, но теперь мне кажется, что это было сделано специально. Нас надо было истреблять, чем больше и чем быстрее, тем лучше было для них...

Я своих нашла через 45 дней. Какие это были дни!

Трудно пересказать обо всем, что испытала в годы ссылки...

«Меня судили по 58-й статье за то, что я сложила песню-плач о нашей трагедии. Думаю, будет Вам интересно узнать об этом».

Минакай Батчаева, г. Кисловодск.

Первые куплеты этой песни родились в моем сердце, когда нас переправляли на пароме через Волгу. Мелодия и слова пришли сами. Есть поговорка: «Когда сердце плачет, появляется слеза и в незрячем глазу». Так и у меня. Никогда не сочиняла песни, а тут заняла, завыла душа.

Пошли слухи, что прямо в вагонах нас бросят в Волгу. Что тогда почувствовали люди, наверное, понимаете? Некоторые там же скончались. Но никому до этого не было дела. А душа моя вопрошала:

*Кто открывает, кто растаскивает
Дом мой, оставшийся в Кисловодске?
Никогда не прощу Сталину
День переправы через Волгу...*

Но оказалось, что это еще не все, нам уготовлен сущий ад ссылки. На чужой земле нас хотели превратить в бессловесных рабов, а я, работая без права разогнуть спину, продолжала плакать-петь:

*Я рассталась с родными горами Кавказа,
Обливаясь кровавыми слезами.
Твоя дочь, Ёска, обречена на смерть,
Кого же ты защищаешь от фашистов?*

Этот вопрос я задавала мужу, который был на фронте. А дочь его, Света, еще грудь сосала, маленькая была. Так как не дали взять с собой даже детские принадлежности, пеленкой служил подол платья. Намочит в одном месте, подтяну под нее сухую часть, так мы доехали.

*В поисках своих родных и близких скитаются
Выжившие на войне наши ребята.
А дети, чьи отцы проливают свою кровь
за Родину, погибают от голода в Соловках.*

А насчет гибели людей, так я вам скажу, чтобы вы могли представить зримо: как мухи погибают поздней осенью, так и люди умирали.

*Конечно, напишу о наших несчastьях
Я и в край, и в Москву.
Как страшно было во время оккупации,
Еще и эта напасть на наши головы.*

Когда немцы оккупировали Кисловодск, а мои все родственники честно служили советской власти, мне пришлось пережить много жутких минут. Брат Мусос еще до войны был членом ВЦИК, муж – на фронте. Все это было поводом преследовать

меня, вызывать в гестапо... Бежала из города со своими детьми (у меня были две дочери), некоторое время жили в ауле Элькуш.

*Вот бы поспорить мне со Сталиным
Я бы доказала свою правоту...*

Попали мы в Пахта-Арал. Меня назначили поваром для наших. Меню состояло из жидкой каши, но чтобы ею накормить несчастных голодающих, нужен был каждый раз документ с подписью председателя.

Страшно было друг на друга смотреть, но некому было жаловаться, а душа протестовала:

*Снимусь среди хлопкового поля,
И фото свое вышлю Сталину.
Любимая советская власть сюда выслала,
Больше и слышать не хочу о ней.*

*Неужели этот приказ подписал Сталин?
Тогда нужно ли называть тебя Сталиным.
От обиды, что с нами ты сделал
Не могу смотреть на твой портрет.*

*В момент, когда подписывал такой указ,
Ты, наверное, был в бреду.
О, Аллах, пусть он сильно сожалеет
О том, что сделал с Карачаем.*

*Такое насилие над моим народом
Советская власть тебе не простит.
Если бы ты любил эту власть,
Хотя бы коммунистов своих сберег...*

Песня эта была очень длинная. Я уже почти все забыла.

Конечно, я тогда не могла думать, что моя песня окажет мне медвежью услугу. Когда за мной пришли, Света спала на руках. Заставили ее положить на кровать, не обращая внимания на плач старшей дочери, вывели меня из дому и доставили в тюрьму. Это все было на четырнадцатый день после смерти брата, мы еще не оправились от этого удара судьбы.

За мной в тюрьму пришла сестра, принесла немного еды, покрывало, чтобы не спать на голом полу, и деньги. Но деньги побоялась взять с собой и спрятала под камень. Потом эти деньги мне очень пригодились.

Когда перевели в Чимкентскую тюрьму, косу мою, она была длинная, отрезали, волосы постригли. Потом мне кто-то объяснил, что так стригут особо опасных. Во время допросов следователь клал свое оружие на стол перед собой, а напротив меня сажал большую овчарку. Она, по его знаку, вскидывала мне на грудь передние лапы, широко раскрыв пасть, дышала мне в лицо, брызгая слюной. Следователь не разрешал отвести в сторону свое лицо от пасти овчарки. Нельзя было даже шевелить ни руками, ни ногами. До того были свирепы этот казах и его овчарка, что и слова трудно подобрать. Он говорил: «Ты предрекла Сталину смерть, тебя надо расстрелять. Если расстреляем, то сдохнешь, как собака, если приговорят к десяти годам тюрьмы, сгниешь в колониях!» Но издевательств во время допросов ему было мало – он запретил выдавать мне хлеб. Давали какую-то скверную похлебку.

Когда не смогли заставить признаться, что я против Сталина сочинила песню, перевели меня в одиночную камеру. После трех суток пребывания в этой камере, видимо, я совсем плохая стала, вызвали врача, и он заключил, что у меня расширение вен головы. После этого днем меня опять держали в одиночной камере, а на ночь переводили в общую.

Однажды в камере появилась мышь, и не было предела моей радости. Я всячески старалась, чтобы она не ушла в свою норку, и сыпала на пол крошки хлеба. Она ела их, а я, глядя на нее, коротала время.

После очередного допроса я почувствовала, что без суда и следствия они расправятся со мной. И вспомнила рассказ одного родственника из Кисловодска. Он говорил, что некий Маков, когда его несправедливо в чем-то обвинили, объявил голодовку, после чего был освобожден. Я решила сделать то же самое. Долгих 12 дней отказывалась от еды. В общей камере, где я оставалась на ночь, были две русские девушки. У них не было покрывала, и ночью я их укрывала своим. И когда я сказала, что надо бы написать письмо начальнику НКВД, одна из них извлекла из своей прически небольшой карандаш, отыскали клочок бумаги и вместе сочинили письмо: «Памятью Ленина, знаменем Советской власти, прошу провести по моему делу новое расследование...»

Как выше сказала, 12 суток голодала, потом приходит врач, осматривает и говорит, что опасно дальше продолжать голодовку. Меня повели к начальнику тюрьмы. Когда выводили из камеры, настолько уже была слаба, что упала и разбилась. Придерживая с обеих сторон, меня привели к начальнику. К моему счастью, в этот момент там оказался Абу-Юсуф Байрамуков. Он работал всю жизнь в органах и всех моих близких знал хорошо. Как меня увидел, он сразу же сказал в мою защиту:

– Я эту женщину хорошо знаю. Вы с ней поступаете так, как во времена Ежова поступали с коммунистами. Это человек Советской власти!

Тогда меня спрашивают:

– Чего вы добиваетесь?

– Я хочу, прежде чем вынесете приговор, чтобы точно раз узнали, кто я в действительности...

В тот же день с помощью Абу-Юсуфа меня определили в тюремную больницу, там я пролежала 25 дней. После этого мне прочли постановление прокурора, в котором говорилось, что была задержана безвинная жена фронтовика. В тюрьме, стиснув зубы, не позволяя себе плакать, провела долгих три месяца и 18 дней, а когда прочитали эту бумагу, я сильно плакала – какое-то жуткое чувство безысходности обьяло мое сердце тогда...

«Моей матери уже 90 лет. Но боль утраты вместе с ней не состарилась. На ее примере убедился в том, что смерть близкого человека – не самая большая беда. Гораздо трагичней, когда его где-то потеряешь... Тогда вся жизнь уходит на его поиски».

Даулет Хубиев, село Кумьши.

Нас выселяли из Къарт Джурта. По пути, на окраине села Новый Карачай, наша машина перевернулась. Говорили, что водитель был пьян. В результате многие были тяжело ранены. Среди них и мой брат – семилетний Ахмат. Нас всех на другой машине повезли в Микоян-Шахар, в поликлинику. Помню, долго к нам никто не подходил, потом появился врач и забрали, вместе с некоторыми и моего плачущего братика. Помню, когда уносили Ахмата, он просил, чтобы мы не уходили, и просил воды. И сегодня его плач стоит в ушах. Но нас вскоре увезли...

Мы попали в село Курдай в Казахстане. В живых осталась половина нашей семьи, остальные умерли по разным причинам во время ссылки. Мама давно не плачет о тех, кто умер у нее на руках. Она еще с Казахстана писала письма в ту поликлинику, где остался Ахмат, потом писали в РОВД Клухории. Получив письмо, что он служит, написали в Министерство обороны. Куда только мы не обращались! Где только мы не были! Столько лет мать не знает покоя, и нам не дает спокойно жить. И сегодня, и теперь она ждет сына, и чем дальше, тем больше ждет, тем острее становится ее боль. Кто мог подумать... Какое большое наказание было ей уготовлено судьбой ...

Как больно быть матерью безвестно потерянного сына...

Глава пятая

«О, ВОЙНА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА С НАМИ...»

*«Плотную пелену умолчания» о депортации карачаевского народа первым в центральной печати «прорвала» статья писателя **Юрия Логинова** «Боль моя, Карачай». Она была опубликована в 1989 году в рубрике «СССР – наш общий дом» в газете «Социалистическая индустрия». В обстановке запрета на доброе слово о карачаевцах, в которой вот уже много лет жил наш народ, эта статья произвела на всех ошеломляющее впечатление.*

БОЛЬ МОЯ, КАРАЧАЙ

Трагична судьба этого небольшого кавказского народа. Едва для карачаевцев закончился ужас фашистской оккупации, как постигло другое несчастье. Целый народ был безосновательно обвинен в пособничестве гитлеровцам, в политическом бандитизме и репрессирован – выслан из родных мест. И хотя впоследствии ему разрешили вернуться, отменили всяческие правовые ограничения, – вся правда о Карачае и карачаевцах еще не сказана в полный голос.

В какой-то мере этот пробел восполняет статья ленинградского писателя Ю. Логинова, которую мы предлагаем вашему вниманию.

1. Нашествие

В Теберду я попал вместе с санаторием «Пионер», эвакуированным из Евпатории в 1941 году, когда немцы приближались к городу. Десяток лет тому назад, когда вдруг снова защемила душу тоска-печаль, послал я запрос в Евпаторию. Мне ответили: санаторий «Пионер» был уничтожен немцами в Теберде, несколько оставшихся живых детей были переданы в санаторий им. Крупской...

Вот я и есть – из числа случайно выживших. Помню, как гестаповцы под командой офицера в черном плаще (недавно узнал его имя: обер-лейтенант Отто Вебер) загружали «душегубку» моими товарищами. Помню веранду, заваленную детскими трупами: мы погибали, лишенные пищи, лечения и элементарного санитарного ухода. Почему и как выжил, о том еще расскажу. Но Теберда – исконная родина карачаевцев – стала и моей второй родиной. Вот почему я близко к сердцу принимаю все, что касается судьбы карачаевского народа.

Санатории «Пионер» и «Красный партизан», где лечились больные туберкулезом дети командиров и комиссаров РККА, были размещены в «Доме шофера» – здравнице работников автотранспорта (теперь турбаза «Клухори»). Единственное тогда в курортном поселке трехэтажное здание, оно и в наши дни неплохо смотрится среди архитектурных новинок туристического комплекса «Теберда». А до войны это было самое красивое и вместительное здание.

Но война снова докатилась до нас! Снова мы стали свидетелями воздушных поединков, а через Теберду в сторону Клухорского перевала, за которым была Грузия, потянулись беженцы. Все были буквально наэлектризованы ощущением вплотную приближавшейся смертельной опасности. Собралась самостоятельно покинуть санаторий группа «ходячих» старшеклассников – комсомольцев «Красного партизана». Но в нашем «Пионере» были только «лежачие» – в возрасте от трех лет до двенадцати (лично я, семилетка, лежал в гипсе – не действовала нога). И о нас словно забыли: никакой подготовки к эвакуации!

Мы оказались как бы на «ничейной» полосе: красные части без боя оставили курорт, где в разных санаторских корпусах находились почти две тысячи больных детей. В Баталпашинске приходила в себя потрепанная армия генерала Конрада – любимцы Гитлера, егеря дивизии «Эдельвейс», готовились к штурму кавказских вершин и перевалов. Мы увидели их 14 августа и, лежа на открытой веранде, стали бессильными свидетелями разгрома нашего санаторского хозяйства: из сарайчиков егеря весело тащили мешки с мукой, крупой и сахаром, с хохотом выкатывали из «ледника» бочонки с маслом и медом, азартно ловили куриц. Огородные грядки были раздавлены колесами грузовиков, гусеницами танкеток. Наш первый оккупационный обед: миска воды с ошметками капустных листьев.

По соседству с нами находился дом отдыха «Большевик», где и обосновался немецкий штаб. Для его охраны на площадке возле нашего «Дома шофера» фашисты поставили пушку и прямо на крыше нашего третьего этажа установили зенитные пулеметы, причем тут же намалевали громадные красные кресты! Детей распахали по нижним этажам, а верхний превратили в казарму. Удобно им было сразу выскакивать на крышу по сигналу воздушной тревоги!

Через месяц-полтора нас немцы все-таки вывезли на подводах в другое место с необычным названием Джамагъат. Вскоре я осколком стекла раскромсал свой гипс, освободил больную ногу и стал «расхаживаться». В стенах здания, которое мы лишь в силу привычки называли «санаторием», оставаться стало невозможно. Еще в первые дни оккупации работники санатория нам сказали, что наши личные документы уничтожены, и чтобы мы, если начнутся расспросы, не откровенничали, кто наши отцы, а отвечали: колхозник, плотник, шофер, грузчик...

И вот такие расспросы начались: ходила важная комиссия в халатах поверх мундиров, с ними незнакомая, не из нашего отделения врачаха, болтавшая по-немецки. Она действовала без угроз, задабривала конфетами. Кое-кто из несмышленнейшей про-

говорился, или та врачиха кое-что знала-помнила, или не все бумаги были уничтожены, – кто теперь знает? – но дети стали исчезать: за ними приезжал фургон, зловещая «душегубка». В первую очередь в нее погрузили детей еврейской национальности. Поразило меня вот что: здоровяк-эсэсовец одной рукой подхватил трехлетнюю, запеленатую гипсом, плачущую девочку, а другой рукой толкает ей в ротик шоколадку и вовсю заливается смехом: «Ту-ту!» (мол, не реви, сейчас поедешь...).

Все реже и реже мы видели кого-либо из обслуживающего персонала, «казенная» пища состояла из горсточки вареной кукурузы или фасоли и маленького кусочка эрзац-хлеба. Многие дети уже выглядели полумертвыми. Мне повезло в том смысле, что по мальчишеским законам сплотилась рискованная стайка «ходячих» подростков постарше, и почему-то они приняли меня – совсем малыша – в свою компанию (наверное, потому, что я тогда наизусть помнил массу книжных сюжетов и стихов). Я же, как самый младший, больше надеялся на доброту карачаевских женщин. Никого не зная по имени, обращался по-детски: «Тетечка! Бабушка!» И вовек не позабудутся их выразительные, полные сострадания глаза, их старческие и молодые руки, которые давали мне выпить кружку айрана или съесть кусок лепешки, испеченной для своей (обычно многодетной!) семьи. Если быть точнее, они давали мне шанс на спасение, на жизнь.

Запомнился и такой случай: полицейские захватили на улице Толяна-комиссара из нашей ватажки, заметили у него под рубашкой ворованную макуху. Окружили, гвалт подняли, плетками машут. Сердце у нас упало, выручить ничем не в силах. Вдруг приближается невысокий худощавый мужчина с мусульманской бородкой и на ходу начальственно что-то бросает по-карачаевски. Полицейские сразу отвязались от Толяна. Мы того бородача приметили, потом не опасались его.

Забегая вперед, скажу, что только сейчас узнал я имя нашего спасителя: Абдул-Малик Джанибеков. До войны работал бухгал-

тером на лесопильном заводе, при немцах «служил» бургомистром в Теберде. Малик был тесно связан с подпольем, с партизанами. По выданным им справкам люди спасались, уходили к своим в Зеленчук. Он выкрал у немцев список предназначенных для «ликвидации» членов советского партийного актива. Предупреждал подпольщиков о карательных облавах, уводил в сторону следствие гестапо по делам партизан. Малик спас много еврейских детей, «распределяя» их по семьям местных жителей, которым доверял и которые доверяли ему.

Судьба его трагична: после войны он был репрессирован.

Всякое случалось, всего не пересказать. А болезнь, запущенная, меня все-таки подкосила, нога совсем перестала слушаться. А раз не можешь передвигаться, ложись – помирай. В этой истине я уже к той поре убедился крепко на близких мне примерах. Смутным было мое сознание в те две-три мои смертные недели. Опять же чудо спасло: в начале января 1943 года советские лыжники освободили Теберду. Помнится, что очутился снова в знакомом вестибюле «Дома шофера» – вместе с ранеными бойцами. Думаю, что именно карачаевцы подобрали меня и передали нашим. Потом оказался почему-то не в своем, а в санатории имени Крупской. Дважды в том же 1943 году меня уносили в палату «смертников» (безнадежных) и снова вносили в общую: знать, оказался живучим.

В ноябре того же года до наших детских ушей дошла весть о поголовном выселении из Теберды всех карачаевцев. «Бандиты! Враги народа! Предатели!» – злорадствовал кое-кто. А моя душа снова сжималась от страха перед чем-то непонятно грозным.

В 1945 году нас вернули в Евпаторию, а еще через год меня выписали. Очутился я в родной семье – маленький инвалид, но живой! От матери отвык. Родившиеся без меня сестренки казались чужими. Отца узнал с трудом: после тяжелейшей контузии в боевой операции «Багратион» он тоже превратился в инвалида...

II. Подвиг

В Теберду я приехал только через 45 лет (собирался целую жизнь!). Толчком послужила книга «Дети военной поры». Очерк в ней журналиста Л. Терентьева «Тихий подвиг» – о том, как ушла через Клухорский перевал группа комсомольцев и пионеров из санатория «Пролетарий». Моя фамилия названа также. К сожалению, не все в этом очерке полная правда. Огорчило, что не было показано подлинное число жертв среди эвакуированных детей. А ведь было бы их много больше, если бы – вот где суть! – не поддержка карачаевского народа. Хотя он политически реабилитирован в 1957 году, возвращен из ссылки (народ – из ссылки!), но до сих пор нет-нет да и наводится «тень на плетень».

В ряду воистину героических подвижников милосердия были и местные жители Теберды: Кули Мустафаевна Темирова – прачка санатория «Пионер», Софья Магомедовна Крымшамхалова – медсестра санатория имени Семашко, Шерифат Акбаева – в санатории имени Розы Люксембург и другие.

Хорошо запомнилось мне веселое лицо человека, встречи с которым нам были особенно приятны. Раз в неделю санитары везли наши кровати (на колесиках) в клубную комнату. Веселый человек крутил для нас фильмы. А потом летом 1942 года он вдруг исчез. Теперь я знаю его имя: Билял Нануевич Биджиев. Почти год работал он механиком кинопередвижки, обслуживая по очереди все детские лечебные учреждения Теберды, а в июле 42-го добровольцем ушел на фронт. Инвалид Отечественной войны, он вернулся в родные места вместе со своим народом из ссылки много лет спустя после Победы.

С разными людьми познакомился я, погостив в Теберде. Я узнал, что не зря успокаивали нас во время бомбежек сестры и няни: «Не бойтесь, дети, наши знают, где мы...»

Наши действительно знали! Здесь, на протяжении всех пяти месяцев оккупации, постоянно рискуя головой, вела разведку группа карачаевца Мудалифа Батчаева. Трижды меняли фашисты расположение своего штаба, и каждый раз советские летчики зна-

ли ориентиры бомбометания. Сообщения радиста Д. Забегалова принимали Южный штаб партизан в Сочи и штаб 37-й армии в Орджоникидзе. Разведчиков укрывала на чердаке своего дома отважная патриотка Соня Урусова. Обо всем этом я узнал из документов военного архива и в беседе с ветераном войны, а ныне профессором Казием Танаевичем Лайпановым, который еще в боевой юности лично встречался с Мудалифом Батчаевым.

Приехав в Теберду, я в первую очередь, понятно, попытался отыскать след «моего» санатория. Не сразу это удалось, хотя моими добровольными помощниками стали коренные тебердинцы – учитель истории Борис Исмаилович Шоштаев и директор заповедника Джаппар Сеитович Салпагаров. Я почувствовал, что боль моей памяти они восприняли как собственную, и все мои старания подкреплялись их поистине братским участием. Мы оказались ровесниками. Оба они запомнили русских мальчишек. Помнят и то, как их матери и соседки горестно качали головами и обсуждали, чем помочь «сироткам», как они говорили. И помогали, кто чем мог.

Два-три официальных лица предостерегали меня: будете писать, не касайтесь «ошибок прошлого», не бередите, не сгущайте и т. п. Но я не вправе вилить, обходя эту тему: она жестоко впаяна и в мою судьбу. Да и каждого, кто среди карачаевского народа, на их исконной земле пережил военное лихолетье.

В каждой карачаевской семье, куда приводил меня поиск, одна и та же ранящая память о погибших на войне дедах, отцах, братьях и... о женщинах и детях, мучительно умиравших от голода и болезней в непривычных климатических условиях спецпоселений. Бериевским палачам мало было физического уничтожения целого народа, они цинично проводили кампанию «идеологического прикрытия»! Как понятна мне горечь воспоминаний известной сейчас писательницы Назифы Кагиевой: из пятерых воевавших близких родственников четверо отдали жизнь в борьбе с фашизмом, а мать с малолетними детьми – Назифе было 8 лет – вырвали из родного гнезда и привезли в казахстанские пески.

А среди вольных жителей тех песков заранее пустили слух: мол, к ним везут людоедов, берегитесь их, они детей убивают! Вот когда, еще с лета 1943 года, была запущена злобная клевета для обоснования переселения карачаевцев.

И вот в моем присутствии Борис и Джаппар обсуждают, кто же в Теберде остался живой, кого пощадила война и ссылка? Кто может в качестве очевидца быть полезным в моих розысках? Мало, ой как мало осталось таких людей...

Идем к Шерифат Шогайбовне Акбаевой. Кстати, о ней я уже слышал: еще в Черкесске в день нашего знакомства профессор Лайпанов называл Ш. Акбаеву в числе активистов партизанского подполья.

В доме, где жила она вместе с сестрой Пачахан, у нее была надежная явка для разведчиков братьев Харуна и Сеита Глоовых (портрет Харуна военной поры я позднее увидел в музее на стенде, посвященном отряду «Мститель»).

Шерифат заметно удивлена: неужели о ней помнят?

Да чего там, смущается она, ничего особенно выдающегося в ее прошлом нет: вот те, кто был в партизанском отряде, рисковали больше. А она работала недалеко от дома, в детском санатории, эвакуированном из Крыма, однако название было не «Пионер», а имени Розы Люксембург (территория современного санатория № 4). Еще никак не забыть мальчика Колю, которого она брала к себе домой, фактически усыновила! Но в 1943-м, вскоре после освобождения Теберды, за ним прилетел на истребителе сам отец, летчик.

Тот случай всех нас потряс: боевой самолет совершил посадку на полянке, буквально впрыток с домами и огородами местных жителей.

– Поезжайте к Гиле Гаппоевой, – посоветовала Шерифат Акбаева и объяснила, как найти дом. – Она моложе меня, но тоже кое-что должна помнить.

И снова осечка! О санатории «Пионер» старенькая Гиля ничего сказать не может! Но я услышал от нее тоже очень интерес-

ное и важное для себя: девочкой-подростком она помогала матери, которая обстирывала ребятишек из санатория имени Баброва (размещался в корпусах нынешнего санатория № 5). К некоторым больным задолго до оккупации, о которой, разумеется, даже мысль не допускалась, приехали матери: устраивались на работу, чтобы быть поближе к своему ребенку. Вот такая заботливая и сметливая мама – звали Верой – поселилась у Гаппоевых. Жили дружно, вместе ходили на работу, вместе делили заботы и печали. Вера, как и ее хозяйка Хаджат (мать Гили), была солдаткой. Когда санаторий оказался в условиях фашистского террора, Вера забрала сына, и Хаджат подкармливала обоих. Выжили! В черный день высылки автоматчики отконвоировали Хаджат с дочкой на сборный пункт. Вера, обливаясь слезами, кидалась на солдат оцепления, кричала криком: «Куда вы их забираете? Они все наши! Они спасли нас!»

Оттолкнули ее, пригрозили. Помчалась Вера домой, бегом вернулась, успела сунуть им мешок с картошкой, черносливом и сверток с чистыми простынями.

Припомнила Гиля Идрисовна о подругах матери, тоже работавших в разных санаториях: о Файруз Бибертовне, что спасла двух близнецов из санатория им. Семашко, о Мадине: «она живет недалеко от сберкассы, там спросите, фамилию уж не помню...»

– А знаете, – вдруг осеняет ее, – лучше поезжайте сейчас к Кули Темировой, я на днях встретила ее на базаре, уж она-то точно жива!

К дому Кули Мустафаевны Темировой, близ «Дома шофера», мы подъехали под вечер. И тут наконец меня ждала удача: Кули Мустафаевна работала именно в нашем санатории! С волнением пожимает мне локоть Джапар Сеитович, улыбкой расцветает лицо Бориса Исмаиловича. Как истинные друзья, рады они встрече с живым очевидцем моих детских переживаний, по очереди переводят ее рассказ.

Тихо звучит голос много настрадавшейся женщины, а послушать ее собрались не только родственники, но и соседи. Порой

мои «переводчики» удивленно переглядываются: из уст пожилой землячки они слышат то, о чем я днем говорил только им и на встрече с учениками в школе № 2: о фашистских пулеметах на крыше санатория, о варварском разгроме продовольственного склада, не тронутого нашими уходящими в бой на перевал (на смертный бой!) голодными красными бойцами, об устрашающих приказах немецкого коменданта... Вспоминает Кули Мустафаевна о том, как вопреки запретам бродили по поселку голодные дети с самодельными мешочками (из рубашонок, наволочек, простынок). В это время отец Кули – Хызыр Алиевич – воевал на 1-м Украинском фронте вместе с тремя сыновьями (двое пали смертью храбрых). Кули была прачкой, и с одобрения своей матери Аппак Шахимовны – ей удавалось кое-что из продуктов приносить для лежащих больных (а это фашистами каралось).

– Прибегаю с работы, руки еще красные от кипятка, – тихим голосом продолжает Кули Мустафаевна, – а дома опять мама кого-нибудь угощает. Дело-то не в нас! Ни одного дома на нашей улице не было, где бы равнодушно отнесли к больным детям. Я совсем молодая была... А главное добро во время войны делали старшие женщины: наши матери и бабушки, много было тогда солдаток и вдов...

Прощаясь с Кули Мустафаевной, я при всех поцеловал ее добрую руку, поблагодарив от имени оставшихся в живых «пионеров».

Больше, однако, ни одного человека, лично знающего о трагедии санатория «Пионер», мне встретить не удалось. Надеюсь, что они найдутся и откликнутся...

Мало осталось и тех, кто может припомнить о горькой судьбе и других детских санаториев, о жуткой правде оккупированной Теберды. Познакомился я с 80-летней Лидией Николаевной Калинин, бывшей медсестрой санатория «Пролетарий» (напомню, что он находился на территории современного «Горного ущелья»). На ее глазах сгоняли фашисты врачей-евреев вместе с детьми в так называемый «вагончик» – в неотапливаемый корпус бывшего Дома

ученых. Двое – врач Ф. Белкина и бухгалтер С. Фарбер – покончили с собой. 285 человек (в том числе около ста детей, начиная от грудного возраста) были расстреляны 14 декабря 1942 года. Спустя несколько дней, 22 декабря, изверги уничтожили в «душегубке» 54 ребенка из санатория «Пролетарий».

Эти факты были запротokolированы в июле 1943 года в «Актах о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов» (Ставропольский госархив). По справке, хранящейся в архиве Черкесска, фашисты в Теберде «500 детей костно-туберкулезных санаториев умертвили голодом и 147 зверски замучили и расстреляли». Это не считая упомянутых выше 54, вывезенных из «Пролетария». Кроме того, находятся новые захоронения.

Каковы же подлинные масштабы тебердинской трагедии? Какова истинная роль сотрудников Наркомздрава, которым была вручена жизнь детей командиров и комиссаров РККА? Кто из них до конца боролся за это на своем посту милосердия? Кто дополнит историю санатория «Пионер», которому фашистами был нанесен столь сокрушительный удар, что даже восстановить его стало невозможным? Вот какую правду я хочу знать! И не только я.

Добавлю лишь, что в Черкесском архиве хранится составленный 22 июня 1943 года акт, где перечисляется только материальный урон, понесенный «Пионером» и «Красным партизаном»: разрушена полностью рентген-установка, изъято 75 килограммов медикаментов и 670 комплектов белья, «огород площадью один гектар полностью уничтожен немецким транспортом», запасы топлива «взяты полностью» и т. д.

В акте скупо упоминается, что помещение, «принадлежащее курортному управлению, было занято оккупантами. Детские санатории были переселены в другое помещение». А о главном – о судьбе детей – ни слова. Мне лично известно, что, несмотря на массовые казни, пережили оккупацию по крайней мере три врача: И. Браиловский, М. Кессель и... «моя» Ревекка Самойловна Диментман! Кто их спасал в Теберде? Что ими было сделано, хотя бы для облегчения участи вверенных им детей? Даже за самую

малость, что им удалось сделать (а это детская память сохранила), о них надо вспоминать по-доброму. О них и о других.

Познакомился я в Теберде с ветераном Отечественной войны М. Кургановым. Он продолжительное время собирает исторические материалы о защитниках Кавказа, опубликовал статью «Подвиг в горах». Показал мне один из откликов на нее. Письмо пришло из подмосковного города Жуковский от Давида Фишера. 13-летним подростком вместе с эвакуированным из Крыма санаторием им. Розы Люксембург очутился он в Теберде. Он один из тех, кто в группе старших ребят из санатория ушел от немцев через перевал к своим.

III. Оговор

И вот что еще крайне важно: Д. Фишер вспоминает о недавней туристской поездке по Кавказу и об услышанной от экскурсовода жуткой истории, как на детей «ночью напали местные бандиты и почти всех убили. На месте этой трагедии установлен памятник». «Подтвердите, пожалуйста, насколько этот рассказ правдив?» – просит автор письма.

Слышите, дорогие читатели, живой голос тревожного удивления? Не может довериться версии экскурсовода человек, который не со стороны знает, что десятки детей разных национальностей благополучно выбрались из Теберды, встречая только сочувствие и помощь местных жителей.

Автор упоминавшегося очерка «Тихий подвиг» Л. Терентьев рассказывает о том, как уходила из санатория «Пролетарий» группа больных детей под руководством воспитательницы Анны Степановны Данилевской. «Трудно сказать, что стало бы с измученными детьми, – пишет автор, – если бы не встреча с местными жителями. Они напоили, накормили. Одна семья оставила у себя двенадцатилетнюю Аду Дадыкину».

Разве иначе могло быть, если заглянуть в подлинную многовековую историю дружбы наших народов? Еще четыреста лет

назад карачаевцы добровольно вошли в состав России. А в 1921 году, когда еще полыхали кое-где очаги гражданской войны, карачаевцы отправили голодающему Поволжью «обоз жизни»: 1.500 пудов хлеба, 2.000 пудов кукурузы, 13.000 овец, 400 голов крупного рогатого скота!

Карачаевская автономная область, руководимая Алиевым, Халиловым, Хасановым, Курджиевым, уже к 1925 году заняла лидирующее место в семье кавказских народов по многим показателям советского строительства. Увы, репрессии обезглавили революционное партийное советское руководство этой автономной области!

Есть другая статистика: из небольшого народа, насчитывавшего по довоенной переписи 79 тысяч, 15 тысяч мужчин и юношей – практически вся зрелая мужская часть народа – ушли на фронт первого года войны. Девять тысяч из них пали героями. Каждый пятый карачаевец воевал.

А в это время в вагонах для скота, не дав даже возможности взять в дорогу пищу и воду, отправляли в ссылку их жен, детей, родственников. Лишь 18 процентов составляли мужчины – старики, инвалиды. Не мудрено, что только в первые два года, по официальным данным, в местах выселения погибли более 42 тысяч из 84 тысяч выселенных карачаевцев.

На свою родину многострадальный карачаевский народ вернулся подорванным в своей численности вследствие депортации, проведенной «отцом народов» и его подручными, на две трети!

Опалили мне душу и строчки письма пенсионера Азрета Гиргокаевича Урусова, стаж которого в Коммунистической партии почти полвека. Он сообщает о том, каким образом было приписано жителям Нижней Теберды убийство детей – незадолго до насильственной высылки всего народа. Арестовали 12 честных тружеников, пытками принудили их к самооговору. Но потом, в ходе длительного следствия, – суд был даже в те времена! – изменили статьи обвинения, и никто из карачаевцев не был осужден за убийство детей. Это было сделано без огласки, а из архивов времен Берия кое-кто вытаскивает вынужденные «признания»

Магомета Чомаева, Абдурахмана Боташева и других, вновь раздувая легенду об убийстве детей карачаевцами.

Современные сталинисты добились того, что на памятнике детям указано «убиты фашистами и местными националистами», под которыми подразумеваются конкретно карачаевцы. И некоторые экскурсоводы, как отмечалось выше, допускают далеко не случайную отсебятину.

Тебердинец 1942 года Давид Фишер, разумеется, не поверил клевете. Но какую дозу политически взрывоопасной лжи увозят в душах люди, не узнавшие правду!

Есть в письме честного партийца А. Урусова глубоко взволновавшие меня строки о зловещей и до сих пор замалчиваемой роли, которую сыграл член ЦК и первый секретарь Ставропольского крайкома партии М.А Суслов, помогавший Берии собирать «компромат» на карачаевцев. «Мне хорошо известно, – подчеркивает Урусов, – что по личному указанию Суслова был арестован и осужден советский патриот, мужественный командир разведгруппы, а потом секретарь Учкуланского райкома ВКП(б) Мудалиф Каракёзович Батчаев. «Вина» его заключалась лишь в том, что он на пленуме крайкома посмел критиковать Суслова. Были арестованы также ряд других руководящих работников из числа карачаевцев. Суслов до самой своей смерти пытался оправдать акт произвола по отношению к нашему народу... Он в угоду Сталину и Берии организовал в крае шумную кампанию с целью обелить сталинский произвол. С горечью вспоминаю его выступление на партактиве «Мы выжили карачаевцев из горных ущелий, теперь надо выжить отсюда их дух!»

Давно пора рассказать полную правду о судьбе тебердинских детских санаториев и о судьбе народа, который в моих глазах является народом героев и мучеников. И мы, советские люди (прежде всего те из нас, кто вместе с отважными карачаевцами сражался с фашистами, кто был свидетелем трудового подвига карачаевских женщин и советских активистов в условиях оккупации), обязаны довести до всех полную правду, которая бы смыла

с репутации народа последние пятна берие-сусловского режима клеветы и произвола.

Юрий Логинов, писатель.

Газета «Социалистическая индустрия», 14 июля 1989 года, № 162.

«С ГРАНАТАМИ В РУКАХ СТОЯЛИ У ДВЕРЕЙ...»

Байдымат Батчаева... Она без малого ровесница века, испытала все тяготы этого жестокого столетия. Она одна из первых активисток-горянок, которые полностью поверили Советской власти, преданно служили ей и много труда вложили в трудное строительство новой жизни. Ее, как отличную гармонистку, в те годы знали многие. Жизнеутверждающими мелодиями она убеждала многих в том, что народ идет к счастливой жизни. А сама, как она сама верила в это!

Уроженка аула Красный Октябрь, что в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесии. В настоящее время живет в селе Ильичевское Прикубанского района. Бабушка Байдымат лежащая больная, не ходит... и не играет на своей гармонике.

Записала ее рассказ, когда она собралась уходить:

– Не нами придуманы наши обычаи и не для того, чтобы их нарушать. Я должна тебя угостить, – категорически заявила и тихонько попыталась встать с постели. Встала. Но Боже, не то что не смогла выпрямить спину, она осталась в такой позе, как будто нагнулась, чтобы поднять что-то с пола.

Нет, старость так не сгибает человека, тем более старые горянки до конца своих дней почти всегда остаются статными, стройными. Бабушку Байдымат согнули беды. Во время оккупации она, коммунистка, активистка, вместе со своими детьми несколько месяцев пряталась от немцев в подвалах, тяжелый труд на высылке, голод, бесправие – это они ее согнули так уродливо.

Старая Байдымат, словно с трибуны, и не только мне, и не только от своего имени, а от имени тысяч таких, как она, рассказывала свою историю.

– Мы, активистки, работая в колхозе, всеми своими силами, и днем, и ночью, не покладая рук трудились для фронта – собирали у аульчан бурки, башлыки, шерстяные носки и рукавицы и отправляли красноармейцам. Женщины аула ночи напролет вязали для фронта теплые вещи. И мы все это собирали и отправляли. Мы изо всех сил помогали фронту. Даже на день высылки было запланировано отправить посылки с продовольствием...

Подтверждением словам Байдымат приведу данные из архива:

«...С большим патриотизмом карачаевцы отправляли на фронт лошадей, хлеб, мясо, теплую одежду, вязанные шерстяные вещи. Только за 1941 год для нужд Красной Армии было направлено шесть вагонов подарков, 700 тысяч теплых вещей. Один Малокарачаевский район собрал и сдал в банк миллионы рублей на строительство двух эскадрилий боевых самолетов «Колхозник Карачая» и «Красный Карачай», за что получил благодарственную телеграмму от Верховного Главнокомандующего (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, д. 1756, л. 24).

– До прихода немцев, – продолжает свой рассказ Байдымат, – я заведовала колхозным складом. В начале оккупации их полицейский отнял у меня ключи от склада. Помимо того, что коммунистка, я являлась женой фронтовика, и из-за этого была для немцев преследуемой фигурой. Ровесник моего сына Хыйса Гочияев жив и сегодня, как-то зашел к нам и говорит: «Не знаем, как вас троих спасти от немцев». Он имел в виду меня, сына и дочь. Нам говорили, что немцы уничтожат всех коммунистов. Меня несколько раз возили в Микоян-Шахар в гестапо. Сколько страха натерпелась! Как они издевались над такими, как я.

«Как спасти детей, как дожить до того дня, когда очистят нашу святую землю от фашистов?» – мучительно размышляла я. И нашла выход. В одной из комнат стоял большой письменный стол. Пол был земляной. Под этим столом решили выкопать яму, где можно было бы отсидеться. Выкопали ее сын и его друг. Какая она была? Двенадцатилетние мальчишки – что они могли? Мы в ней еле вмещались. Сверху нас закрывали войлоком,

и стол ставили на место. Так и просидели в темной сырой яме до ухода немцев. Муж был на Ленинградском фронте. Кто мог бы нас защитить или помочь, почти все мужчины аула были в армии или в партизанах. Детей было очень жаль – дочери было шесть лет, сыну – 12. Каково было им находиться в этой «могиле» столько времени! Так мы намучились, пока пребывали в немецкой оккупации (они пришли к нам 12 августа 1942 года, а ушли 18 января 1943-го)...

Память этой удивительной женщины хранила много примеров страданий и горя, пережитых карачаевцами за пять с половиной месяцев оккупации. Но несмотря ни на что, патриотизм карачаевцев ярко проявился и в период восстановления разрушенного войной хозяйства.

Спустя три месяца после освобождения от фашистов Ставрополя первый секретарь крайкома ВКП(б) М. Сулов информировал И. Сталина: «Трудящиеся Ставрополя и... Карачая в знак горячей любви к своей отчизне, доблестной освободительнице – Красной Армии и безграничной преданности Вам... всю свою жизнь, все свои силы отдают на великое святое дело освобождения любимой Родины от чужеземных поработителей». (Ставропольская правда, 03.04.1943).

– После пережитого – опять горе. Для фашистов мы были врагами – коммунистами, для коммунистов стали бандитами, там, куда нас сослали, стали бесправной дешевой рабочей силой, – говорит Байдымат. – Когда нас выселяли, на моем иждивении были: свекровь-старушка, ее внучки-сиротки, две девушки, семья деверя, который вернулся с фронта без одной ноги, своих – двое.

На подготовку дали 15 минут, а сами с гранатами в руках караулили двери. Гранаты были наготове – вдруг новоявленный бандит выскочит оттуда! Сколько скота и птицы оставили им! Как вспомню, сколько добра осталось от нас. Кому? Кто нажился? Все это и сегодня перед глазами. Что мы могли взять? Почти ничего.

Нас вывезли в арбах на край аула. Ноябрьскую ночь провели под открытым небом. В горах не только глубокой осенью,

но и летней ночью холодно. Под утро подъехали машины, нас погрузили в них. Смотрела я на солдат. Все молодые. Их тоже было жаль. Какое страшное дело им поручили! Водители тоже были молоденькие солдатики. По нашим извилистым горным дорогам ехать с первого раза не так-то просто. Некоторые машины, которые везли людей из Архыза, Схауата, срывались со скал, и было немало жертв. А в поездах? В одном вагоне нас ехало 64 семьи. Подумайте, каково было в этой сутолоке, тесноте, взаперти. Нас лишили даже свежего воздуха. Нельзя было выйти по естественной нужде...

Через Волгу нас переправляли на пароме. По вагонам прошел слух, что нас утопят в Волге. Старики плакали. А мы их успокаивали. Бедный Карачай! Сколько людей умерло по пути в Казахстан.

И в Казахстане... ждали нас не с радостью. Местных жителей тоже напугали, что едут одноглазые людоеды. Один из местных начальников при мне говорил казахам (мы же понимаем казахский язык) так: «Они враги нашего государства, им нельзя доверять». Дали нам в руки по одному тяжелому кетменю и погнали на работу. Их не волновало: голоден ты или болен. Я 12 лет работала на хлопковых полях.

Климат Казахстана тоже был против нас. Не подходил он нам. И жара, и насекомые, и воздух... все они становились причиной смерти спецпереселенцев. И сегодня перед глазами, как мученически умирали наши старики. Вот некоторые из них: старик Сохта Абаев, двое его сыновей погибли на фронте; Токай Акбаев, четверо его сыновей отдали свои жизни за освобождение Родины, а их семьи и отец умерли от голода в Казахстане; Чорна Болуров тоже повторил их судьбу – все они из Красного Октября, состоятельные люди. Все умерли от голода в Казахстане.

Кичи-Батыр Акбаев, Кызтотай Кочкарова... Ой-да-ой, всех не перечесать! Не осталось ни одного старого человека, все померли от голода, хотя мы последние куски им отдавали, хотя очень старались сохранить им жизнь.

Трех девочек-сироток я отобрала у казахов. Если суждено умереть, то умрем вместе, думала я. Казахи как хотели? Они намеревались их вырастить, потом взять в жены. У них практиковалось многоженство. Были случаи, когда брали девочек к себе в слуги. Старые казахи, помню, посылали этих девочек за дровами верхом на ослах... Девушки, которым не было отбоя от прекрасных женихов-джигитов, попав в Казахстане в невыносимые условия, шли вторыми, третьими женами к старым казахам.

Как вспомню пережитое, так душа занает. Думала, с годами боль притупится, оказывается нет. Боль унижений – она не подвластна годам...

Муж Байдымат Исмаил Шамаевич участвовал в обороне Ленинграда, за что был удостоен одиннадцати правительственных наград и семнадцати поощрений. За героизм и мужество он был представлен и к званию Героя Советского Союза, но по известным причинам не получил это почетное звание.

«Исмаил Шамаевич (1907–2001), получивший образование в педагогическом техникуме, совпартшколе, в Ростовском комвузе, свою трудовую деятельность начал в должности директора Дома культуры города Микоян-Шахара.

В 1936 году перешел работать в редакцию газеты «Красный Карачай». Весной 1937 года, когда начались репрессии работников культуры, не миновали они и Исмаила Батчаева. Вскоре после того, как он вместе с супругой и двумя малолетними детьми снова переехал из Микоян-Шахара к отцу в аул Красный Октябрь, Исмаила и его отца арестовали.

Пытки, обвинения, угрозы, требование «сознаться во всем содеянном» поражали цинизмом. Его обвиняли в том, что он сын кулака, требовали признаться в деятельности против народа, Советской власти. Он категорически отрицал все обвинения. Тогда ему показали фотографию, где были запечатлены известный революционер Умар Алиев, председатель облисполкома Курман Курджиев, обнимающие Исмаила Батчаева. Эта фотография была сделана в 1936 году в городе Нальчике на фестивале наро-

дов Кавказа. Так, весной 1937 года Исмаила Батчаева арестовали, осудили на 19 лет и отправили на Чукотку, потом на Соловки сплавлять лес.

Пока его супруга пыталась доказать, что ее муж пострадал безвинно, пока разобрались в деле И.Ш. Батчаева и убедились, что он ни в чем не виновен, началась Великая Отечественная война.

Исмаил Батчаев, как и многие его товарищи, написал заявления о добровольном уходе на фронт.

Из числа заключенных была сформирована дивизия, а начальник тюрьмы Гарьковенко был назначен командиром. Дивизию ввели в состав Ленинградского фронта. Исмаилу Батчаеву присвоили воинское звание лейтенанта и назначили командиром роты.

Ленинградский завод имени Кирова выпускал военную технику и оружие. На заводе работали 16 500 рабочих. Поэтому фашисты с особенным усердием бились за захват этого важного военного объекта. Батчаев был в числе тех, кто защищал завод им. Кирова. Ему с его ротой было приказано за 9 дней вырыть вокруг завода противотанковый ров шириной и глубиной 2 метра, длиной 35 км.

Он мобилизовал не только солдат, но и мирное население. Сам копал, показывая личный пример. Задание было выполнено за семь дней, на двое суток раньше срока.

Вскоре остановился завод, закончилось топливо, Батчаеву было выделено 80 солдат и приказано в течение трех суток обеспечить завод дровами. Под обстрелом вражеских снарядов он со своими людьми так организовал работу, что каждую ночь на территорию завода привозили и разгружали 5-6 вагонов топлива. Завод снова заработал. Приказ был выполнен.

Заканчивались продукты. Дело дошло до того, что защитникам блокадного Ленинграда в сутки стали выделять только 120 граммов хлеба. Батчаев получил приказ от командира дивизии Гарьковенко: «Отобрать 16 человек самых отважных бойцов и любой ценой раздобыть продукты». Он со своими бойцами про-

ехал 180 км. В колхозах Архангельской области за ночь раздобыл 807 баранов и на 17 автомашинах доставил в город. Правда, две машины были уничтожены в пути прямым попаданием снарядов.

Исмаил участвовал в обороне Ленинграда на протяжении всех 900 дней блокады. За образцовое выполнение приказов командования, личную отвагу и героизм ему были объявлены за это время 17 благодарностей и вручены 11 боевых наград.

Из числа героических защитников Ленинграда 17 человек были представлены к самой высокой награде Родины – Героя Советского Союза. Одним из первых в этом списке был Батчаев Исмаил Шамаевич. Однако заслуженную награду он так и не получил из-за принадлежности к репрессированному народу.

На этом суровые испытания, которые выпали на его долю, не закончились. Его после войны снова отправили в Сибирь. Здесь он продолжал отбывать наказание до 1948 года.

В том же году за хорошую работу его отозвали в Москву, собирались направить в Днепропетровск на партийную работу, но по известной причине назначение было отменено. Тогда Исмаил Шамаевич вернулся к себе на родину, в Карачай, но был задержан и сослан в Казахстан. Он с трудом разыскал свою семью. И, вопреки всему, из Пахта-Арала перевез в Киргизию. Здесь он до 1957 г. продолжал прилежно трудиться на выращивании и уборке хлопка», – так пишется о нем в книге.

С этой милой четой я познакомилась у них дома в селе Ильичевском. Помню, как они были рады моему приходу. На следующий год у них должна была состояться, как говорят в народе, «бриллиантовая» свадьба.

– Мы 60 лет вместе с моей красавицей! Если приедешь на годовщину нашей свадьбы, дочка, я обещаю с тобой станцевать наш горский танец, а бабушка Байдымат по такому случаю, думаю, возьмет в руки гармонику и сыграет нам, как бы ей трудно ни было! – сказал дедушка Исмаил весело.

– Какие тебе 60 лет?! – горько усмехнулась бабушка Байдымат, – Из них десять с лишним лет мы жили врозь: Чукотка, Со-

ловки, Ленинградский фронт, Пахта-Арал – тюрьма, война, оккупация, ссылка...

– 50 лет тоже немало! – не соглашался дед Исмаил. – Тогда будем считать, что «золотую» свадьбу справляем. Это тоже, слава Аллаху, большое счастье! Согласись, что в те трагические годы мы еще больше думали друг о друге!

– От всех бед его спасал веселый нрав, – заключила бабушка Байдымат. – Другой бы, если бы и продолжал жить, согнулся бы, как я.

Помню, уехала я от них со светлым чувством умиления и благодарности. Мы с Исмаилом Шамаевичем еще долго переписывались.

Думается мне, наша многострадальная земля на таких людях и держится.

«В МОГИЛЕ ПОТЕРЯЛА СОЗНАНИЕ...»

Шама Канаматова... Хотя я с ней не была знакома, но знала, что она с 1926 года в комсомоле, а в партию вступила в 1930 году. Кроме того, она в 1932 году была делегатом XVII партийной конференции и вместе с горянками была в гостях у Клары Цеткин. Ярким примером ее преданности Советской власти, коммунистической партии было то, что во время войны она прятала на груди портрет Ленина на ткани, который вручили ей в Москве.

Вступив в 78-й год жизни, из былой красоты и энергии сохранила только голос. Он звучал очень молодо.

– Муж мой был на фронте, я тоже хотела уйти на передовую, но сказали, что и в тылу нужны люди, и мне пришлось остаться. И действительно, мы тоже работали для фронта. Наши женщины самоотверженно трудились: днем – на государственной службе, а ночью – вязали из своей шерсти теплые вещи для солдат.

– И сейчас жив дователь Магомед Акбаев, – говорит Шама, – он часто приезжал к нам в Микоян-Шахар. Всем, чем нужно, обеспечивали его и его людей. – А на фронт сколько посылок

было отправлено! Женщины приносили вязанные своими руками вещи, плакали и просили, чтобы мы их быстро отправили, потому что их ждут красноармейцы.

Чувство патриотизма, чувство любви к Родине двигали всеми нашими поступками. В газете «Красный Карачай» за 17 июля 1941 года Гитче Эбзеева из Нижней Теберды писала: «Мне 65 лет, имею пятерых сыновей. Один мой сын уже в Красной Армии, остальные идут сейчас добровольцами. Я стара и остаюсь одна, но радуюсь, что все мои сыновья пригодились для защиты Отечества от фашистских варваров».

«Комсомольцы и молодежь становились на рабочие места отцов, братьев и мужей, сестер. Готовились кадры для промышленности и сельского хозяйства из подростков, девушек, женщин. В Карачае на второй день войны 50 женщин-домохозяек спустились работать в шахту № 4 треста «Орджуголь...» (Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 2, стр. 227).

Таков был общий настрой народа...

Первого ноября 1943 года вечером я вернулась из командировки. В доме у меня ничего не было – во время оккупации немцы его полностью разорили. А после их ухода мне не до того было, чтобы благоустраивать себя. Во время войны у меня было много обязанностей – начальник райсобеса, заместитель председателя райисполкома и секретарь партийной организации. Как говорила выше, вернулась из Верхней Мары уставшая и сразу легла и заснула. Разбудили меня в полночь и вызвали на работу. Трудно было моим сослуживцам говорить со мной. Когда пришла, в кабинете были мой секретарь, бухгалтер и заместитель председателя облисполкома. Последний мне и говорит: «Товарищ Канамадова, мы знаем, что вы человек государственный, что для партии сделали много полезного... Но... вам надо сдать партийные дела... Вас всех высылают...»

Я на некоторое время потеряла дар речи.

– А он продолжает: «Мы вам дадим машину. Возьмите все, что считаете нужным из своего имущества».

А у меня дома не было даже куска хлеба. Меня дома ведь не было целый месяц. Зачем мне машина?! Сестра, которая жила в Ленинграде, была эвакуирована с ребенком, она тоже ничего не имела. Я даже не успела зарплату получить. Две сестры с двумя детьми (и у меня одна дочь), мужья на фронте, без вещей, без еды, унося с собой только боль, выехали, сами не зная куда. Единственное, что у нас было, это – трехлитровая фляжка с медом. Его мне дали знакомые в Маре.

До Сталинграда в поезде ничего не давали, и дети наши уже испытывали муки голода, ехали, то плача, то успокаиваясь. Там раздали хлеб и что-то дали запить...

Помню все пять тысяч дней выселения, все! Смерть, унижения, насилие... Вместе с умершими живые похоронили свои сердца в песках Средней Азии и Казахстана. Народу, который пережив эти нечеловеческие унижения и бесправие, сумел сохранить человеческое достоинство, тысячу раз спасибо.

А у меня... Там остались и отец, и мать, родители мужа. Родной брат Басият Эриккенов погиб на фронте, муж сестры Рамазан Темрезов был полковником, он тоже был убит на войне... Всех не перечислишь. Помню семью Бостановых, из Красных Партизан: было семеро детей и мать. Все умерли, а отец воевал...

Это было время, которое сделало детей сиротами, женщин – вдовами, матерей – бездетными, многих – одинокими, время, когда человеческая жизнь ничего не стоила.

Главной болью сердца были и остались родители. Когда умер отец, некому было его похоронить, не было мужчин. Попросила стариков (а они, бедненькие, помимо старости, еще и от голода обессиленные), чтобы они мне самой разрешили похоронить отца (по мусульманскому шариату женщина не должна этого делать). Что им оставалось делать?! Вместе с ними пришла на кладбище. Копали могилу очень долго. Когда уже тело опускали в могилу, я находилась в яме, там же потеряла сознание. Я не помню, как эти слабые старцы вытащили меня оттуда...

Супруг мой, Магомет Канаматов, в 1945 году, раненый, с провожатым возвращается в Микоян-Шахар. Он не знал о нашей беде. Вернулся... и никого из своих не застал. Представьте его состояние. Явившись с провожатым, раненый, изможденный, что он почувствовал тогда?!

«Если папа наш жив, – говорила дочка, – то он нас все равно найдет». Она переписывалась с подружкой из Микоян-Шахара Аней Лоскутниковой. К нашему счастью, мать Ани, случайно встретившись с Магометом, пригласила его домой и дала наш адрес. Так, с помощью этих хороших людей, без особых усилий, он нас нашел. А ведь были фронтовики, которые годами скитались по Средней Азии и не могли найти своих близких...

«ЗА ПЛЕЧАМИ БРЕМЯ ВОЙНЫ, ССЫЛКИ И ТЮРЬМЫ...»

Время безжалостно ко всем. Но морщины на лицо доброго человека ложатся не как шрамы прожитых лет, а видятся как лучи света, исходящие из глаз. Когда такой человек смотрит на тебя, чувствуешь, как начинает согреваться твое сердце от его взгляда. Так было со мной, когда я встретила с **Мариям Темрезовой** в ее квартире в Краснодаре. Она уроженка аула Мары, детство свое провела в Верхней Теберде, но с 1937 года живет в этом городе.

Мариям из поколения без вины виноватых, из рода незаслуженно гонимых, униженных. Если так, давайте начнем рассказ с ее родителей – отца карачаевца, из аула Каменноостское Караджаша Дадаевича Темрезова и матери, русской из Краснодара, Устиньи Дмитриевны Евсюковой.

Старший брат Мариям, журналист, Амин Караджашевич так писал об отце: «Наш отец родился в ауле Каменноостском в 1894 году. О его детстве и молодости знаю мало. После его смерти один старик как-то мне рассказывал, что он не знал другого человека, кто бы мог во время половодья переплыть Кубань именно в том месте, где стоял мост. Глядя сверху на это узкое место реки, где вода бурлит и неистово бьется о берега, трудно было поверить,

что кто-то мог победить этот поток и выбраться на противоположный берег.

Из его рассказов и материалов партархива г. Ставрополя мне известно, что он участник Первой мировой войны и воевал в Дикой дивизии. Она была сформирована из горцев-добровольцев. В ней было всего шесть полков. Отец мой был командиром сотни. В 1914 году (когда русская армия нанесла поражение австро-венгерским войскам) при переходе через Перемышль в Карпаты (через Дуклинский перевал) Кавказская Дикая дивизия следовала в авангарде войск.

Из отцовских рассказов в памяти остались два эпизода. Один об убитом в 1918 году весной в окрестностях Екатеринодара генерале Корнилове. Когда австро-венгров гнали через Дуклинский перевал, генерал Корнилов стал очень популярным в войсках, особенно своим «героическим» побегом из австрийского плена. Эта весть дошла до Николая II, и Корнилов был награжден Георгиевским крестом. Те, кто знал истинную суть событий, посмеивались, читая хвалебную статью в газете «Новое время». Героизм был совершен не генералом Корниловым, а сотней моего отца. По личному приказу командира корпуса генерала Цурикова, сотня, состоящая из карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев, похитила из лазарета штаба австрийского генерала Макензенни плененного генерала Корнилова. Легко раненный Корнилов делал вид, что еле жив, и отцу с товарищами пришлось тащить его на себе. А газета писала, что он сбежал из австрийского плена сам.

Второй эпизод повествует о событиях, происшедших в августе 1917 года. Дикая дивизия находилась в окрестностях Станислава. Ночью, подняв по тревоге, всю дивизию погрузили в эшелоны и отправили в северном направлении. На станции под названием «Дно» из листовок, сброшенных с самолета, узнали о том, что конные фронтовики отправлены в Петроград для подавления пролетарского движения. Дикая дивизия встретилась с красноармейцами на станции Вырица, и там произошло братание солдат обеих сторон. В те дни и вступил мой отец в партию.

Он был вторым карачаевцем, вступившим в ряды ВКП(б), после Умара Алиева.

Отец мой всю гражданскую войну провел в седле, охраняя Клухорский перевал от банд, идущих из Грузии. Он был командиром отряда, в дивизии Балахонова воевал против деникинцев, участвовал в установлении советской власти в Карачае. Хотя и малограмотный, но умный, толковый человек, он занимал посты народного судьи, председателя комитета бедноты, начальника коммуны для детей-сирот.

Во второй половине 30-х годов, когда начались массовые репрессии и был убит С.М. Киров, который неоднократно бывал у нас в доме, отец стал потихоньку прикладываться к бутылке. Это, безусловно, повлияло на его дальнейшую жизнь и на здоровье.

В период культа личности Сталина, когда насилие стало нормой жизни, конечно, и среди карачаевцев быстро «выявлялись враги», эта работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Не простили и моему отцу то, что он преданно служил новой жизни. Он был осужден на 10 лет лишения свободы.

Чувствуя, что и над его головой собираются тучи, он отправил нашу семью в Краснодар, чем спас нас. Нас было семь человек – три сестры, два брата, мама и бабушка по матери. Здесь, в Краснодаре, бывшие командиры, друзья отца, работали на больших должностях. По приезду в Краснодар, я сразу с вокзала пошел искать «Кубрисстрой». Руководил им бывший командир Д.П. Жлоба. В картузе у меня для него была записка от отца. Я ему отдал записку, он ее прочитал, задал несколько вопросов, вызвал одного из своих подчиненных и дал ему поручение. Не далее как через неделю нам предоставили квартиру. Мать и две сестры стали работать, трое младших, в том числе и я, пошли в школу.

Примерно через месяц мать одела меня попримечнее и отправила поблагодарить Дмитрия Петровича Жлобу за оказанную поддержку. Пришел и, не решаясь зайти к нему в кабинет, стою в коридоре в надежде, что он сам выйдет. Заметив меня, подошла

его секретарь и шепотом: «Мальчик, напрасно не жди. Дмитрий Петрович уже никогда не появится здесь». Вскоре в газете прочитал, что Жлоба расстрелян как враг народа», – читаем в дневниках Амина Темрезова.

Караджаш Темрезов и Устинья Дмитриевна встретились в 1920 году в Екатеринодаре. Здесь, в госпитале, где лечились раненые на германском фронте, эта молодая женщина работала поваром. Муж ее не вернулся с гражданской войны, и она жила со своими двумя дочурками. В этом госпитале увидели они друг друга и полюбили. Караджаш женился на ней, удочерил ее детей, дал им свою фамилию, а в 1921 году привез их в родной аул Каменноостский. Отец Дадай был недоволен тем, что привез женщину другой национальности, да еще с детьми. Но, тем не менее, Устинья и Караджаш стали жить семьей, и вскоре она заставила всех себя полюбить. Она привезла свою швейную машинку и работала на ней. Но не только тем, что всех обшивала, а стремлением овладеть всеми премудростями горских обычаев, нравов завоевала она любовь новых родственников. Постепенно стала говорить по-карачаевски. Она родила еще двух сыновей – Амина и Бориса, и дочь Мариям.

«Мать наша умерла в возрасте 89 лет, – продолжила рассказ Мариям. – Хотя она с отцом рассталась в 1937 году, ждала своего мужа до конца дней своих. Ее большая любовь к мужу переросла в любовь к его народу. Она всю жизнь интересовалась жизнью Карачая. Часто приглашала к нам карачаевцев, которые приезжали на наш рынок с картофелем. И когда варили сушеное баранье мясо, радуясь, говорила: «Хоть духом карачаевским в доме запахло». Карачаевцы тоже очень любили ее. Однажды на рынке, обращаясь к женщине-карачаевке, как-то сказала: «Вкус домашней колбасы, которую ели в давние годы, до сих пор помню». Спустя два-три месяца после этого случая кто-то постучался в дверь нашей квартиры. Мать открывает двери – парень. «Вы Устинья Дмитриевна?» – спрашивает он. Услышав утвердительный ответ, говорит: «Я вам привез карачаевской колбасы!» – и протягивает

большую сумку. Он торопился на сессию в Ростов. Не стал к нам заходить, не стал представляться, попрощался и ушел. Открыли сумку – сколько там было сушеного мяса и настоящей карачаевской домашней колбасы! Видимо, это был сын той женщины, с которой мать говорила на базаре.

Из-за того, что мы принадлежали к этой безвинно депортированной карачаевской нации, много горя нахлебались, но ни на одну минуту не сожалели о своей принадлежности к ней, не хотели скрывать или поменять национальность, как бы трудно ни было. Не знаю, если бы наша русская мама не была так влюблена в этот народ, если бы она так высоко не ценила его, смогли бы мы, оторванные от всего карачаевского еще совсем детьми, так дорожить всем этим? Наверяд ли. Анастасия, старшая сестра, по сей день носит фамилию и имя своего отчима, нашего отца».

По словам Мариям, Анастасия лучше всех в семье знает карачаевский язык. Она и замуж-то выходила за карачаевца Алботова, родила четверых детей. К сожалению, они все умерли. В 30-е годы она работала в школе аула Къызыл Къала. После депортации карачаевцев Анастасия получила письмо от своей подруги и коллеги Сапият Айбазовой, жившей в Къызыл Къале, и ездила к ней в Среднюю Азию. Вернулась она к своим только через год, потрясенная, убитая горем от переживания за высланных карачаевцев. Вторая сестра Мариям носит фамилию своего отца – она Волкова Галина Александровна, медицинская сестра по профессии. Ей тоже досталось: целый год платила штраф за то, что носила фамилию отчима (оказалось, что Караджаш, дав им свою фамилию, не довел до конца какие-то бумажные формальности).

«Начиная с 1943 года и до смерти Сталина, на каждом шагу судьба заставляла меня спотыкаться, – пишет Амин в своем дневнике. – ...Конечно, теперь, когда прошли десятки лет, многое из того, что мне причиняло боль, заставляло страдать, кажется не столь мучительным. Но тогда, мне, молодому человеку, трудно было все это понять и принять».

Ему, как и многим карачаевцам, защитникам Родины, было отказано в правительственной награде за участие в Великой Отечественной войне.

«Дело было не в награде, – рассказывает Амин Караджашевич. – Не это меня расстраивало. Предписывалось уволить меня из Армии и отправить в Среднюю Азию. В те дни меня пригласил к себе домой второй секретарь крайкома партии И.И. Поздняков. Туда же пришел мой прямой начальник первый секретарь крайкома комсомола В.С. Клочко. Желая меня спасти, они предложили изменить национальную принадлежность, «пусть у тебя в паспорте будет «осетин», «ногаец»... Какая разница?» – говорили они. «А так сошлют в Казахстан и пройдет твоя жизнь за колючей проволокой», – убеждали меня они. Я категорически отказался, ссылаясь на то, что заявление в партию было написано от чистого сердца в 1942 году, когда Гитлер на весь мир кричал о полном уничтожении большевизма. Выполняя задания партии на оккупированной врагами территории, испытал столько лишений, и теперь ни в чем не повинный, на родной земле почему должен менять свое лицо и ходить волком, боясь всего, – вспылал я. Поняв мое состояние, они стали искать другие пути, чтобы меня спасти и нашли...»

Депортация карачаевцев больше всего отразилась на судьбе Мариям. Она добровольцем ушла на фронт. Ее судьба – одна из страниц судьбы ее народа, от принадлежности к которому она даже в самые жуткие моменты жизни не захотела отказаться.

– Я на фронт ушла в апреле 1942 года, – рассказывает она. – Попала в 68-й женский батальон. Нас научили наблюдать за небом и в случае чего сообщать по назначению (воздушное наблюдение, оповещение и связь – ВНОС).

Служба наша проходила во втором эшелоне фронта. Наш пост располагался в курортном местечке Макопсе. Это была Черноморская группа фронта от Адлера до Темрюка. В 1943 году Краснодар заняли немцы. В это время я была в госпитале в Тбилиси. Мы служили вместе с моряками. Они передвигались за

фронтом. Наш командир нашел гранату, хотел обезвредить, сам взорвался, а меня ранило. Так попала в госпиталь, после чего в 19-й отдельный дивизион под Моздоком, там проходила моя служба до того момента, пока не вызвали к командиру. Это было в начале 1944 года.

Там мне сообщили, что все, кто принадлежит к карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам, отзываются с фронта и отправляются в город Гори. Там, оказывается, был пересыльный пункт, откуда эшелонам на лесозаготовки в Муром. Среди ссыльных было много карачаевцев, даже встретила знакомых. Девушек было всего три.

В Гори пробыли недолго. Привезли в Муром, оттуда нас погнали пешком мимо русских деревень. Шли несколько дней.

А я была беременна. На фронте были такие случаи – встретятся два молодых человека, полюбят друг друга, поженятся, хотя и на войне. Я вышла замуж за офицера Алексея Арсентьевича Хроменко, но зарегистрироваться мы не смогли, хотя дважды пытались. Он был со мной в Гори, доехали до Тбилиси вместе, а оттуда он отправился в свою часть. Я на лесозаготовке пробыла меньше недели. Комары просто не давали жить. Нас привели в лес и бросили под открытым небом. Мужчины спали под деревьями, а мы в захудалом сарае.

Мне ребята говорили: «Уходи, возвращайся домой, у тебя мать русская, ничего они с тобой не сделают». Ребята карачаевцы отдали мне все свои деньги, какие у них были, собрали меня в дорогу. Видимо, боялись, что я в положении и Бог весть что могло со мной случиться. Убежала я ночью. С большим трудом добралась до Москвы. Там зашла в военную комендатуру и сказала неправду, что отбилась от своей части. Они меня направили в Краснодар. Я приехала домой, не стала отмечаться в военкомате. Но не тут-то было. Весть о моем побеге пришла раньше меня, и к нам приходил участковый милиционер, как рассказывала мне мама. И при мне один раз заходил он. Оказывается, они ждали рождения ребенка. Когда дочурке исполнилось 2,5 месяца, меня

вызвали в суд. Это было 15 марта 1945 года. К восьми часам, как было указано в повестке, я с матерью и с ребенком пришла в суд.

Сидим, ждем. Те, кто должны были меня судить, вышли с большим кульком с пирожками, сели, продолжая есть, начали задавать вопросы. Сначала спросили:

– Твой отец карачаевец?

– Да, карачаевец. Но вы сначала доешьте свои пирожки, – выпалила я. Не знаю, кто меня тогда за язык потянул?

– Вот как! – возмутились они и, унося с собой пирожки, вышли.

Осудили они меня на четыре года тюрьмы. Это был максимальный срок лишения свободы по вменявшейся мне статье. Но в тот день меня отпустили, и до 30 апреля я находилась дома. Перед каждым праздником город очищали от преступников. Как одну из них, 30 апреля меня с ребенком забрали в тюрьму. Дочке исполнилось как раз четыре месяца.

В Краснодарской тюрьме отсидела 18 дней. В камере была одна с ребенком. Оттуда отправили в тюрьму, которая находится в местечке Двубратский разъезд, это недалеко от Усть-Лабинска. В той тюрьме находилось много женщин с детьми. В основном все сидели за укрывательство сбежавших с фронта мужей. В тюрьме встретила и День Победы. Победа принесла стране мир, а заключенным еще и амнистию.

В Двубратской тюрьме провели мы с дочуркой месяц и вернулись к матери.

Отец моей дочери, Алексей Арсентьевич, в то время находился в Донецке. Не знаю, видимо побоялся за свою карьеру, судьбу (все-таки член партии, офицер), не очень стал жаловать нас своим вниманием. Только один раз прислал письмо, приглашая нас в Донецк. Видимо, его смущала моя национальность, заключение. А вначале нам казалось, что нас сможет разлучить только смерть. А я... мать была русская, имела полное право считаться русской, но не захотела ничего менять. Никто сам себе не выбирает ни национальность, ни фамилию, ни судьбу.

Депортация карачаевцев отразилась не только на моей жизни, но, что очень горько, и на судьбе единственной моей дочери. То, что она стала сиротой при живом отце, это было полбеды. А беда наша с ней в том, что она не смогла стать матерью. Живет хорошо моя Галина, есть прекрасный муж, хорошая профессия (она работает переводчицей, знает много языков, ездит за рубеж), но Бог не дал ей ребенка, не сумела она сделать меня бабушкой. Ее появление на свет совпало с моими заключениями, видимо, еще тогда было предreshена ее бездетность.

Ведь беда любой трагедии в том и заключается, что ее последствия тянутся на годы, отражаются в последующих поколениях.

Могила нашего отца осталась во Фрунзе, как и все могилы спецпереселенцев, без надгробного камня, безымянной.

На могилу матери мы поставили хороший памятник. Но Амин вместо него хочет привести с гор Карачая большую глыбу и поставить ее, в память о большой любви матери к этому народу.

Мамина могила находится в Краснодаре, но кто знает, где ее душа? В Карачае, который она очень ценила, или в Средней Азии, где покоится прах любимого ею мужчины, нашего отца, или, может, душа матери сторожит наше небо, дабы род Караджаша не исчез. Не знаю...

«ВО МНЕ ЖИВУТ ДВЕ ВОЙНЫ...»

Мерки войны... Кто-то меряет ее пройденными дорогами, другие – ранами на своем теле, третьи – погибшими в те годы близкими. Есть и такие, для которых меркой войны стала еще боль унижений и бесправия.

Зоя Эриккенова носит в своем сердце тяжелые переживания двух войн. Эта молодая горянка на фронт ушла в первые дни Великой Отечественной. Она, медсестра, младший лейтенант медицинской службы, с фронта вернулась в декабре 1945 года, вернулась, но, как сама говорит, на «вторую войну». Это была война с голодом, с унижением, с нищетой, с болезнями, которые вот уже

три года косили ее соплеменников. Это был бой слабого с сильным, жестоким, не придерживающимся никаких правил врагом. И, как бывает часто, у сильного всегда бессильный виноват.

Так чем измерить ей, Зое, эти две войны? Если бы можно было взвесить их. Которая из них перетянула бы? Или весы, не выдержав нагрузки, сразу поломались бы?

На эти вопросы ответит сама Зоя Абуковна:

– Я ушла на фронт, – вспоминает она, – 25 июня 1941 года из Кисловодска. В тот день из среднего медицинского персонала по собственному желанию на фронт отправлялись 600 девушек. Когда началась война, я дала родителям в Учкулан телеграмму, и ко дню отъезда они приехали провожать меня.

– Родители не пытались отговорить вас?

– Нет, отец мой был человеком законопослушным. «В трудный день для страны будь храброй, дочка», – говорил он прощаясь. А мать... Как и любая мать, плакала... У меня была длинная, ниже колен, коса. За день до отправки я пошла в парикмахерскую с подругой Алиной Биджиевой. Чтобы мне не было грустно, она тоже подрезала свою косу, хотя не собиралась на фронт. Девушки-мастера (видимо, им тоже было жаль косы) успокаивали меня, обещая сделать такую завивку, которая сохранится до конца войны.

Отрезанную косу отдала матери. На вокзале я сняла серьги, колечко, часы, все они были золотые, также передала маме. Почему подчеркиваю, что они были золотые? Их мать хранила в позолоченном портсигаре. Когда их депортировали, уже в поезде учинили им специально обыск, увидев этот портсигар среди вещей, конечно, отобрали. Мать, бедная, пытаясь разжалобить солдата, даже показала мою фотографию в военной форме. Но нет, он ее «успокоил» словами, что ей драгоценности не понадобятся.

Зоя в конце июня 1941 года в Новочеркасске приняла призыв. После работала операционной медсестрой в полевом госпитале, фельдшером в артиллерийском и авиационном полках. Если взвесить боль своей первой войны ранеными солдатами, которые прошли через ее руки, то она была невыносимой.

– В первые месяцы войны, когда отступали наши войска, было очень тяжело. Тот, кто этого не испытал, вряд ли поймет, – говорит Зоя и с болью вспоминает об одном дне войны. – Около Вязьмы, в одном селе прошли ожесточенные бои. Было так много раненых, что трое суток не могли отойти от операционного стола. Ноги отекли настолько, что не могла находиться в сапогах. В конце концов пришлось снять их, и на меня надели мужские носки. Бросили под ноги какую-то тряпку, я встала на нее и работала. Нас поили кофе и пытались накормить нянечки. Сами прервать работу, отдохнуть и поесть не могли, не было времени...

Еще вспоминается город Торжок.

Однажды за день пришлось прооперировать 16 раненых. Ампутировали кому руку, кому ногу. К концу дня из отрезанных рук и ног образовалась целая гора. Когда с ними остаешься одна... Казалось, что они вот сейчас начнут тебя бить.

Глядя на стонущих, всегда чувствовала себя виноватой. «Жить хочу!» – жалобно просили помощи некоторые.

Да, Зоя Абуковна помнит, как она вместе с санитаркой хорошила ампутированные руки и ноги. Это тоже входило в обязанность полевой операционной медсестры.

– Это было в Смоленских лесах. Наш полевой госпиталь располагался в хвойном бору. Однажды наши повара пригнали корову, – улыбается Зоя. – Мы решили, что будем ее доить и пить тяжелораненых парным молоком. Встал вопрос, кто же будет доить? Кроме меня не нашлось человека, умеющего это делать. Под Смоленском мы находились две недели. И все это время я доила корову и до последней капли отдавала молоко только тяжелораненым. Очень помогла нам тогда эта корова. Бедняжка, что с ней потом стало...

Она вспоминает еще один случай из своей армейской жизни.

– Когда к нам в полевой госпиталь попадали азербайджанцы, узбеки, казахи, киргизы, обычно меня звали, чтобы с ними поговорить. Многие из них по-русски говорили плохо, но я их понимала. В очередной раз меня попросили поговорить с одним

раненым. По фамилии поняла, что он карачаевец. У него была гангрена ноги. Когда узнал, что я карачаевка, тоже очень обрадовался. Поговорили. Но мне надо было ему сообщить, что нужно ампутировать обе ноги. Это было очень тяжело, но пришлось объяснить, что это необходимо, чтобы сохранить ему жизнь. «Сестренка, пусть будет так, как ты хочешь», – ответил он мне. Но, к сожалению, после ампутации ног он умер, не смогли мы его спасти. Похоронила я земляка во дворе школы и написала его брату о случившемся. Потом, через много лет, я встретилась с племянницей того солдата. Попав в больницу, где я работала, она категорически заявила, что не ляжет на операционный стол, если не будет ассистировать Зоя Абуковна. Так и сделали, – улыбается она.

Эриккенова ассистировала на операциях в Торжке и знаменитому хирургу Геролафу. Только ей, опытной медсестре, было разрешено наравне с хирургом делать переливание крови раненым. Она вместе с ним, он – за одним операционным столом, она – за другим. Многим бойцам Зоя спасла жизни...

А когда она была представлена к ордену Красной Звезды, то вдруг вспомнили, что ей нельзя давать правительственную награду. Но этот случай относится скорее ко «второй войне» Зои Эриккеновой.

– Когда наших выселяли, я служила в Горьком в зенитной артиллерии. Отец отправил мне письмо из Саратова, где писал о том, что их «увозят куда-то», но им неизвестно куда и зачем. Потом стала получать письма из Фрунзе, из Киргизии.

Оказалось, солдат и офицеров, представителей депортированных народов, стали отзывать с передовой. Мне об этом приказе не сообщали, пока не пришла персональная телеграмма, в которой говорилось: «Военфельдшера Эриккенову Зою Абуковну направить в Сибирский военный округ». Что было делать? Объяснили ситуацию, дали в руки пакет с документами и отправили. Наш полковой комиссар предполагал, что из горцев будут формировать кавалерийский эскадрон для отправки на румынский

фронт. Никто не знал, что происходило в действительности. Были одни догадки.

Я села в поезд, в руках – литер, приехала в Новосибирск. Вещи сдала в камеру хранения, пошла по указанному адресу. Собралась сесть на подошедший трамвай, смотрю: оттуда выходят знакомый земляк мой – Магомет Эриккенов и еще один мужчина с ним.

От неожиданности мы просто потеряли дар речи. Не смогли по-карачаевски слово вымолвить... Конечно, было очень обидно, когда узнала, что с ним поступили так же, как со мной. В самое трудное время войны мы, не жалея своих жизней, воевали за Родину, а когда пришло время раздавать награды, нас ни за что очернили, вывели из действующих частей с фронта... Из тех, кого я знаю, были представлены к званию Героя Советского Союза и не получили его: Ажыу Канаматов (он был в кавалерии) и Мухтар Алиев. Мой отец, во время депортации, по пути в Киргизию, на станции Луговой в одной из армейских газет, случайно попавшей ему в руки, прочитал, что Мухтар представлен к званию Героя. Благодаря этой информации в газете, которую отец показал его жене, она нашла своего мужа.

– Итак, в Новосибирске вы встретились с этими ребятами, – напомнила Зое ее прерванный рассказ.

– Ребята рассказали, что они здесь уже 3–4 дня, каждый вечер ходят на вокзал встречать вновь прибывающих своих соплеменников, остановились в военном городке и еще не заходили в отдел кадров военного округа.

В здании, где находился отдел кадров военного округа, куда они меня привели, было много народу. В том числе и лиц других депортированных народов. Поговорили с кавалеристами-ингушами. Они нам сообщили, что с ними был и лейтенант Солтан Эриккенов. А он двоюродный брат моего отца. В тот день я насчитала 17 офицеров-карачаевцев... Какие это были ребята! Один лучше другого, еще не сломленные, знающие себе цену, отличившиеся в боях. Все в таком возрасте, когда кажется, что весь мир у твоих ног. Из них кого я запомнила? Солтан Эрикке-

нов, Кемал Чеккуев, Юсуф Гочияев... В той ситуации самое удивительное было то, что все, включая и меня, рвались на фронт. Мы еще раз хотели доказать, что никакие мы не бандиты и не предатели...

Среди офицеров, отправленных в Новосибирск, Зоя была единственной женщиной. И именно она пошла в отдел кадров узнать о дальнейшей судьбе прибывших фронтовиков. Начальник отдела кадров, капитан медицинской службы Мажарова, просмотрев документы Эриккеновой, в недоумении воскликнула: «Все, кого сюда откомандировали, имеют отличные характеристики! Тогда почему вас сюда отправили?!» Зоя не могла дать ответ на этот вопрос, потому что сама тоже не знала.

На место назначения Зоя приехала на пять дней раньше и, видя, что капитан тепло ее встретила, попросила разрешения на эти дни съездить в Киргизию к своим. Без всяких проволочек Мажарова отпустила ее, предупредив лишь о том, чтобы к назначенному сроку она вернулась без задержки. Рассказав обо всем этом ребятам, она в тот же день уехала в Киргизию.

– До Луговой доехала нормально, – вспоминает Зоя. – Но там комендант изрядно помучил, не разрешив взять билет в Мерке. Потом с ним попала в один вагон и даже подружилась. Приехала в Мерке. Вышла из поезда, молясь Богу, чтобы он помог встретиться с кем-нибудь из знакомых.

Ехала 17 часов, а надо пройти еще 18 километров, до колхоза имени К. Маркса, где жили родители. Выхожу из здания вокзала, две женщины пристально смотрят на меня и одна из них говорит: «Правда, похожа на дочь Абука, на Зою». Я, узнав их, улыбнулась. Они меня тоже признали. Это были Хаулат Эриккенова и Супият Хубиева. Они сообщили мне, что отец мой только что уехал на арбе, угостили меня малиной и нашли девочку-подростка, которая сможет довести меня до родителей, и я со своей спутницей отправилась к ним.

Девочка раньше меня зашла в дом и сообщила маме о моем приезде. Она поспешила не ко мне, а побежала к отцу, который

работал в огороде. А отец, увидев бежавшую мать, подумал, что что-то случилось с бабушкой...

Вот в этот день и началась для Зои Эриккеновой ее «вторая война». Это было летом 1944 года, июнь или июль месяц.

– Голод страшной силы косил всех депортированных. Весна и лето 1944 года был самый страшный период для всех сосланных. Вся Средняя Азия и Казахстан превратились в человеческий могильник. Кладбищами нельзя было называть те места, где закапывали умерших. Не хватало мужчин, чтобы рыть ямы для могил – рассказывает Зоя. – Депортированные ингуши, чеченцы, балкарцы, карачаевцы вымирали семьями. Стонала земля, хотя этого никто не хотел слышать. Чем только не питались спецпереселенцы! Голодные, разутые, раздетые, больные, грязные, никому не нужные, бесправные... Короче говоря, несчастные это были люди.

Родители за меня получали офицерский паек. Кроме этого, они, думая, что их могут отправить в Сибирь, обмотали ноги овечьей шерстью и обулись в валенки. Эта шерсть им очень пригодилась потом. И еще зерно, которое им разрешили взять с собой, когда мать показала солдатам мою военную фотографию. Оно тоже помогло им спастись от голодной смерти. Отец рассказывал, что у них в день ссылки совсем не оказалось денег. Они строили дом в Красном Октябре. За день до трагедии отец купил за тысячу рублей духовку, а оставшиеся две тысячи одолжил русскому знакомому, в доме которого он останавливался в станице Зеленчукской. Сын того знакомого вернулся с фронта раненым, и им понадобились средства. Имея деньги, отец не мог не дать их своему знакомому. А наутро – ссылка. Вещей взять не разрешили, а денег не оказалось. А солдаты издевались над ними: «В Сибири на перинах будете спать, там не нужны будут ваши вещи!»

Побыла я с родителями два дня и уехала обратно в Новосибирск. От увиденного там у меня случился нервный срыв, и я сильно заболела. Поднялась температура, все тело горело, а душа – еще

больше. Все увиденное стояло перед глазами. Эти голодные дети, которые копались в мусоре, чтобы найти хоть что-нибудь съедобное, эти трупы у дороги...

Это униженное, бесправное положение, в которое ввергли этих гордых людей. Депортация наших мужчин загнала в тупик. Представьте себе: мой отец, гордый и независимый человек, чтобы не отвлекать от дела маму и сестренку (они пряли нитки из шерсти), сам сидел у очага и топил печку кураем. Он не только семью, но и самого себя не мог прокормить. Я не могла с этим смириться... И теперь, когда вспоминаю это, не могу спокойно рассказывать.

Как говорит Зоя, был такой период в начале ссылки, когда мужчины – старики, подростки, инвалиды – оказались на иждивении женщин, совершенно растерялись, не находили себе применения, не могли что-либо заработать. Рассказывают, были случаи, когда женщина отпускала мужа, сказав ему: «прокорми себя сам». Беда многолика, в особо тяжкое время не все могут оставаться нравственно безупречными. Сама беда безнравственна.

– Офицеров в Новосибирске, как резерв, продержали целый месяц, – продолжает свой рассказ Зоя. – Представьте себе, каково было молодым боевым офицерам, с правительственными наградами на груди, бездействовать, когда наша армия, вдохновленная предчувствием скорой победы, наступала по всем фронтам. Те, кто побывал за это время у своих, как и я, приехали подавленные, несчастные и горько шутили друг с другом: «Что, здесь женишься или вернешься к нашим карачаевкам, которые ходят в тряпочных тапочках?»

После вынужденного отпуска я попала в авиашколу на станции Пospelиха.

Если бы знала, что получится так, то можно было остаться в Москве – в Главном санитарном управлении, где мне предложили, изменив несколько букв в фамилии, стать еврейкой Эркиной. Но я рвалась на фронт и отказалась, а тут – авиашкола, фельдшер 7-й эскадрильи. Там готовили для фронта летчиков. С питани-

ем было нормально, но перед глазами стояли голодные люди, и есть я ничего не могла.

Младший лейтенант медицинской службы Зоя Эриккенова вернулась с первой войны в декабре 1945 года. Один год она еще ходила свободной, не попав в список спецпереселенцев. А после, хотя был на руках военный билет, в паспорте появилась зловещая печать спецкомендатуры. Надо было научиться терпеть унижения, бесправие и еще многое другое.

– Я еще на учете не состояла, когда сестра Тамара вышла замуж, – вспоминает Зоя Абуковна. – Ее избранник жил в Чалдоваре, это в 60-ти километрах от нас. Надо было ехать на свадьбу. Взяли у коменданта разрешение, поехали. Не помню, на чем мы добрались туда. Но как обратно ехали – это у меня в памяти осталось на всю жизнь. Нас было человек двадцать. Это происходило где-то в начале 1947 года, страшный голод остался уже позади. Смогли достать только два билета на поезд. Не поверите: этими двумя билетами сумела посадить на поезд всех! Тот, кто проходил контроль, незаметно возвращал билет другим. И так все вроде как с билетами. Все сели на товарный поезд и вернулись домой. А когда встала на учет, никак не могла смириться с тем, что на любой выезд нужно было брать разрешение у коменданта. Каждый раз идти к нему на поклон – это было ужасно, унижительно. Много раз уезжала без этого злополучного разрешения, и были случаи, когда меня задерживали. Однажды даже три дня продержали в камере предварительного заключения.

По возвращении с фронта меня пригласили в Беловодск в районную больницу работать операционной сестрой. Я согласилась. Хирург Терехов был мной очень доволен. Во время операции он часто спрашивал меня: «Правильно делаю?» Настолько он мне доверял. Но вскоре пришел новый начальник в районный НКВД, а жена его была медсестрой. И стали давить на Терехова. Он долго упорствовал, не подписывая мои бумаги об увольнении. «Она спецпереселенка, нельзя ей доверять такую ответственную работу», – говорили руководству больницы. Начальник районно-

го отдела здравоохранения Бухман тоже не хотел меня отпускать, поэтому, преодолев многие препятствия, он меня назначил заведующей фельдшерским пунктом.

Ничего не стоило взять и уволить любого спецпереселенца без всякой причины. Так поступили в нашем районе с Хусеем Джанкезовым. Почему? Потому что ты – спецпереселенец. Когда им нужен был специалист, они, несмотря что ты из ссыльных, брали на работу, а если кто-то из своих хотел на твое место, то тут ответ был краток: освобождай место и уходи, потому что ты спецпереселенец. Хотя все признавали наше трудолюбие...

Зоя с удовлетворением рассказывала о том, что спецпереселенцы были внимательны друг к другу, очень помогали соплеменникам.

– В Карачае сирот никогда не бросали, не отдавали в государственные учреждения. А в то время, особенно в первые два года ссылки, многие дети умерли от голода, а многие остались круглыми сиротами и попали в детские дома. Когда люди немного пришли в себя, родственники, знакомые стали забирать детей из детдомов. Мой супруг Ракай Тауканович Алиев в городе Оше забрал двух мальчишек-балкарцев из детского дома, привез во Фрунзе, нашел их родственников и передал им. В настоящее время они живут в Нальчике, один из них врач, другой – композитор, – рассказывает Зоя Эриккенова.

Муж ее был единственным карачаевцем, который в те годы работал в центральных органах власти Киргизской ССР.

– Это было в 1954 году, – вспоминает Зоя. – Тогда Ракай уже работал в министерстве. Он кому-то рассказывал о пережитом, и случился с ним инфаркт. Когда к остальным ранам прибавился и инфаркт, пришлось оставить работу. Но и после покоя не знал, хотя был уже инвалидом. Он вошел в группу, которая ходатайствовала о возвращении карачаевцев на Кавказ, ездил с ними и в Москву.

Нам, карачаевцам, предлагали остаться в Киргизии, обещали автономию. Чтобы узнать мнение народа, из столицы приехал не-

кий Ивлев – ему надо было выяснить мнение старейшин. Ракай его сопровождал в поездке по населенным пунктам, где проживали спецпереселенцы, организовывал с ними встречи.

А когда разрешили вернуться на Родину, он, оставив всех нас (свою мать, детей, меня), первым уехал на Кавказ. Вернулся за нами, когда разрешились все организационные вопросы, связанные с возвращением карачаевцев на Кавказ...

«ГЕРОЙ НЕ БЫВАЕТ БЕЗ РАН»

1990 год. Умер Магомет Мамроевич Декушев... Ушел из жизни еще один дорогой мне человек. В 1988 году я несколько раз приезжала к нему в Кисловодск. Он был хорошим рассказчиком, как и многие старцы, был словоохотлив. Я с упоением слушала его рассказы.

Сегодня его нет среди нас. Но я буду рассказывать о нем, как о живом. Он очень любил жизнь, умел радоваться и быть счастливым. Его душа с нами.

Полковник Декушев не был в ссылке. Он не становился на учет в спецкомендатуре, его никто не назвал бандитом... Его не было со своими соплеменниками и тогда, когда карачаевцы вернулись в свои «гнезда».

Почему? Где же он был в самые скорбные для его народа и дорогих ему людей годы? С кем он был? Магомет сам ответит на эти вопросы, но прежде расскажем о начале его жизненного пути. Он был кадровым военным. Службу начал в 1933 году и отдал ей 23 года жизни.

В 1933 году он в Новочеркасске поступил в школу младших командиров, потом было Краснодарское военно-кавалерийское училище. Кавалерия была его мечтой. Лошади были его крыльями, любовь к этим умным животным он пронес через всю свою жизнь.

– После девятого класса, – вспоминает Магомет, – начал учиться арканить коня. Но не на лошадях тренировался. Бросал аркан на домашнюю птицу, на бегущего ребенка, на рога коро-

вы... И к окончанию школы был уже мастером в некотором роде, поэтому после выпускных экзаменов сразу пошел работать на конный завод в Малом Карачае. Директор завода Мудалиф Урусов дал мне двух жеребцов. Со старыми опытными табунщиками я прошел настоящую школу укрощения необъезженных лошадей.

Как-то к нам на завод приехали военные, чтобы купить у нас коней, с собой привезли так называемых методистов, ловцов арканом. Утром прихожу на работу, много народу собралось, а методисты пытаются поймать лошадей. Смотрю, один из табунщиков, Сарыбаш Чотчаев, стоит поодаль, грустный. Спрашиваю, что происходит, а он: «Этих горе-методистов привезли, чтобы научить нас метать аркан. Уже полтора часа, как они мучают животных, но ни одной лошади не поймали. А сказать что-либо нельзя, неприлично!». «Давайте я скажу!» – вызвался я с юношеским пылом. – «Нет!» – «Почему нет?» Не стал слушать его объяснений и подошел к нашему директору, который стоял с руководителем приехавшей делегации (Газданов была его фамилия), и предложил: «Если позволите, я им дам урок, как зарканивать коня». – «Ты посмотри, какой джигит, а ну, покажи, как это мы умеем делать!» – ответил мне Мудалиф, смеясь, и я пошел...

Магомет без промаха метал аркан. Поймал 11 коней за семь метаний – четыре раза в его петлю попадали по два коня. Свои смотрели с гордостью на молодого табунщика, гости были удивлены. Тем временем Магомет вскочил на одного из необъезженных коней, и он понес его стрелой. Все ахнули. Пожалуй, кроме директора и самих табунщиков, никто не верил, что парнишка вернется живым. Конь нес его по краю скал.

– Когда я появился не с той стороны, откуда ждали, и увидели подо мной поникшего, устало идущего коня, все облегченно вздохнули, – улыбается Магомет. – Газданов, когда я приблизился к ним, спросил: «Ты человек или шайтан?» Но я же не первый раз сядил на необъезженного коня!

Юноша Декушев в тот день дал всем понять, что вырастает храбрый, бесстрашный джигит, который еще не раз будет удивлять и радовать людей.

Его любовь к лошадям была настолько велика, что он помнил их клички и рассказывал о них, как о самых близких друзьях. И они ему отвечали нежной любовью и привязанностью. За успехи в работе в 1930 году Магомет был делегирован в Москву на Всероссийский съезд работников совхозов. Он со своим Ельцом и Египтянином (это клички коней) много раз участвовал на скачках, брал первые призы. Занимался он и джигитовкой. «Пока лошадь пробегала 200 метров, успевал 24 раза перепрыгнуть через седло», – вспоминал старый полковник.

Окончил с отличием Тбилисское военное училище (переводился из Краснодарского училища), имел первые разряды и по боксу, и по гимнастике, и по стрельбе. В чине старшего лейтенанта он был направлен в Тамбов, а оттуда в 1939 году заместитель командира пулеметного эскадрона Декушев, поступив в Академию имени Фрунзе, уехал в Москву.

Но Великая Отечественная война помешала ему учиться в академии, как полагалось, четыре года. Пришлось завершить учебу по ускоренному курсу. И 30 июня 1942 года молодой офицер ушел на фронт.

Магомет Мамроевич Декушев в годы войны был награжден тремя орденами Красной Звезды, медалью «За Отвагу», польским орденом «Крест Храбрых»... Всего правительственных наград – 19. Был дважды представлен к званию Героя Советского Союза, и дважды ему отказывали: не может же стать героем сын депортированного народа. Так рассудили «наверху». Иначе говоря, он имел право совершать героические подвиги, но носить имя Героя ему не разрешалось. Он был Героем, но не носил это имя.

Правительственные награды ему не просто давались. За каждую из них он платил кровью. Много раз был ранен. В 1942 году – тяжелое ранение на Сталинградском фронте. В 1943-м на Украине – опять тяжелое ранение. В том же году – тяжелая контузия

на Украинском фронте. В 1944-м в битве за Кишинев – снова тяжелое ранение, снова контузия...

Первый раз его представили к званию Героя в 1943 году на Украине, второй раз – за Миусскую операцию. Но вместо геройских звезд ему вручали орден Красного Знамени.

Да, сейчас ему грустно об этом вспоминать, но тогда молодой офицер не позволял себе заострять внимание на этом. Ибо он знал, что чины и награды даются людьми, которые не всегда олицетворяют справедливость, и что не ради наград он идет на подвиги. Им двигала любовь. Ведь самые большие подвиги совершаются во имя любви к Родине. И многие отдавали свои жизни во имя этого великого чувства. Тогда его мучило другое. Любовь – это не абстракция. Она к чему-то или к кому-то привязана. А любовь к Родине, как у любого солдата, брала свое начало с того клочка земли, где он родился, вырос... и который теперь, по непонятным ему причинам у него отобрали. И он оказался подобен дереву, вырванному с корнем.

В то время это чувство испытали все солдаты, представители депортированных народов, хотя они, большие патриоты, продолжали совершать подвиги, несмотря на то, что им отказывали в наградах. Так любимая Родина в лице сильных мира сего проверяла своих нелюбимых сыновей на преданность, на честность, на храбрость. И они с честью выдержали такие, не знакомые доселе, испытания на прочность.

В народе не зря говорят, что у того, кто имеет Родину, было прошлое, будет и будущее. Тем удивительней, что они, потеряв свое вчера и не надеясь, что наступит для них завтра, продолжали совершать героические поступки. Что ими двигало?

– Я не сомневался в своем народе, ибо народа-бандита не бывает. Я знал, что это ошибка, что это насилие над народом. «Справедливость найдет себе дорогу!» – говорило мое сердце. Не теряя надежду, я дошел в составе действующей армии до Берлина. Ни на минуту не забывая о том, что народ мой в беде, помнил и о том, что я солдат. А настоящий солдат должен уметь

управлять своими эмоциями в любых обстоятельствах и оставаться верным присяге.

Магомет Мамроевич участвовал в первом параде Победы в Берлине. Он, как и все советские воины, конечно, гордо шагал в тот исторический день, хотя ни на минуту не забывал о горькой доле своего многострадального народа, хотя весть о смерти матери отозвалась бесконечной болью в его сердце, хотя думал о безрадостных днях унижения и боли своей жены-спецпереселенки с чувством вины.

– Мне думается, – говорит Магомет Мамроевич, – если бы не депортация народов, на осуществление которой ушло много сил и средств, Великая Отечественная война могла бы закончиться раньше.

Конечно, он прав. Если даже сбросить со счетов умерших в ссылках, сколько жизней можно было бы сохранить, завершись война раньше мая 1945 года! Сколько наших солдат полегло за годы войны! Да, депортация была бедой не только для депортированных народов.

– Многие из нас понимали, что Берия готовится к какой-то аванюре. В то время, когда шли ожесточенные бои на фронтах, а многие армейские подразделения находились на Кавказе, это обстоятельство не могло нас не настораживать. Если бы войска, расквартированные в Балкарии, Чечено-Ингушетии, в Карачае не бездействовали, а повернулись бы на Запад, на борьбу с гитлеровцами, конечно, война завершилась бы намного раньше... В те дни, когда эшелоны с депортированными карачаевцами прибывали в Саратов, я находился недалеко оттуда, но тогда не знал об этом, – рассказывает полковник в отставке Декушев. – Это потом мне рассказали. Но и тогда перед собой не поставил вопроса: защищать Родину от фашистов или нет? Впрочем, как и многие наши ребята, такие как полковник Харун Богатырев, генерал-полковник Солтан Магомедов, полковник Аскер Бадахов, подполковник Магомет Акбаев, офицеры Кемал Декушев, Шоллай Дудов и еще многие.

В то время я воевал на Сталинградском фронте. В день моего дежурства в штаб поступила зашифрованная телеграмма. Из Генштаба сообщалось, что принадлежавших депортированным народам следует отчислить из армии. Я передал телеграмму командиру штаба С.С. Бирюзову и после того, как он с ней ознакомился, спросил:

«Этот приказ распространяется и на меня?». Он, внимательно посмотрев на меня, строго ответил: «Сообщи куда нужно, а этот вопрос чтобы больше я не слышал».

Декушев не был снят с передовой, как это случилось со многими, но этот приказ его тоже коснулся – он не имел право быть Героем.

Он воевал на Сталинградском, 4-м Украинском, 3-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах, участвовал в Сталинградской, Миусской, Ковельской военных операциях, принимал участие в освобождении Сталинграда, Шахты, Ново-Шахтинска, Сталина (Донецк), Николаева, Одессы, Варшавы, во взятии Берлина.

Краснознаменная 2-я Гв. Танковая Армия		5 / 155					
УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА ВЕТЕРАНА							
Фамилия	<i>Декушев Николай Николаевич</i>						
Имя и отчество		1					
Год и дата рождения	<i>28.12.1908 год</i>	2					
Партийность	<i>член КПСВ с 1930 г</i>	3					
Время призыва	<i>1 января 1933 год</i>	4					
Воинское звание	<i>ст. лейтенант в отставке</i>	5					
Батальон, полк		6					
Бригада, корпус (дивизия)	<i>33 бригада 90. ТК 22 ТА и 84 ст. МСБр 120 Тб</i>	7					
Должность	<i>командир взвода в отставке и к-р полка</i>	8					
Служил во 2-й Гв. ТА.	<i>с 8.1942 по июль 1951</i>	9					
Время демобилизации и последнее звание	<i>1955 год, ст. лейтенант в отставке</i>	10					
Место работы, должность	<i>с 1.9.49 год и работаю</i>						
Адрес: Индекс	<i>357441</i>						
Область							
Город	<i>Киевская</i>						
улица	<i>Резервирная</i>						
дом	<i>42</i>						
корпус							
кв.							
тел.	<i>3-34-68</i>						
Участие во встречах	<i>три раза</i>						
1 встреча	2 встреча	3 встреча	4 встреча	5 встреча	6 встреча	7 встреча	8 встреча
1967-2	1974	1980					

Участие в отечественной войне

1. С какого и по какое время находился в Дейст. Армии с 1942 по 1945 год в должности

2. На каких фронтах Сталинградском, 4-м Украинском, 3-м Украинском и
1-м Белорусском фронтах.

3. В каких крупных операциях участвовал: Сталинградская, Ливенская, Ковельская,
Видлицкая и освобождение Белгородской Украины,
Полтавско-Курская, Котельничско-Шевченковская и др.)
Полтавско-Курская и Берлинская.

4. В обороне, освобождении и взятии каких городов принимал участие Сталинград, Шахты, Н-
Шахтинск, Солонино/Волчанск, Николаев, Одесса, Варшава и
Берлин. Н-к 1-ой армии 59А, 3-й м. ч. 4-ой армии 59А, Н-к 1-ой бригады 215А
командир роты.

5. Какими Правительственными наградами награжден и за что Чрезвычайный Крест Знания, Ордена Креста
Звезды, Медали За отвагу, За отвагу, Почетный знак отличия в боях за Родину

6. Ранения, контузия, инвалидам указать группу 2-й гр. 1-ая группа и 2-й контузия.
Инвазия II группы, ВДО

Карточку заполнил М. Магомедов «20» Июль 1980 г.
Зак. 311. Тир. 2000

– Когда меня вызвали в Москву, честно говоря, я решил, что это связано с депортацией. Мои предположения были ошибочны. Мой приезд в столицу был связан с новым назначением – командиром разведывательного отделения 28-й армии 1-го Белорусского фронта, – вспоминает Магомед Мамроевич.

В этой должности он дошел до Вислы. Во время освобождения Польши от захватчиков за проявленный героизм он награжден орденом «Крест храбрых» и назначен командиром 33-й бригады 9-го танкового корпуса 2-й гвардейской танковой армии.

За каждый метр пути, ведущего в Берлин, шли ожесточенные бои, и в этих сражениях он продолжал показывать примеры мужества и храбрости. В народе говорят, что герой не бывает без ран. Как сказано уже выше, были они и у Магомета Мамроевича. Но самой тяжелой из них была не телесная рана.

Родителей и молодую жену Люазу депортировали в Казахстан. Мать его умерла в тот же день, как прибыли туда. О ее нелепой смерти полковник рассказывал с каким-то чувством вины.

– По прибытии на место назначения они, оставшись под открытым небом, решили попытаться найти какое-либо жилье. Маму оставили с вещами, отец с Люазой пошли искать. У железнодорожного полотна паслись овцы, колхозная отара. Услышав стук рельсов, мать стала отгонять овец от железнодорожного пути. Успела спасти овец, но ее саму воздушной волной отбросило на несколько метров и так сильно ударило, что она тут же скончалась... Могила отца тоже осталась в Казахстане. Так что некуда пойти и поклониться... А супругу свою смог забрать к себе только в 1947 году. Война и ссылка нас разлучили на целых пять лет. Она в 1942 году поехала в гости к родным в Хурзук и ей не разрешили выехать обратно. Потом ссылка. После войны я продолжил службу в Германии. А ей, спецпереселенке, нельзя было выезжать не только в другую страну, но и в соседнее село. Нужно было разрешение Москвы. Поэтому в 1946 году, когда в первый раз приехал в отпуск, не сумев добиться разрешения, я в Германию вернулся один. Спустя несколько месяцев, уже в 1947 году, когда получил разрешение из Москвы, Люазу в Берлин привез Гриша...

О Грише, то есть о Георгии Скрипнике, Магомет рассказывает так:

– Это было в 1943 году, когда освобождали Украину от фашистов. Проходили через сожженное дотла село. Смотрю, индюк с петухом дерутся. Остановился, чтобы посмотреть на их бой и недалеко от них увидел мальчика, сидящего у забора. Мне показалось, что ему лет десять, потом узнал, что зовут его Гриша, ему уже 13 и что он беспризорный, сирота. Не смог его оставить там, взял с собой (и после него брали еще нескольких ребят, и каждый из них стал «сыном полка»). Сделал Гришу своим ординарцем, жил он у меня. Быстро научился немецкому языку и, где нужно было, переводил, в штабе какие-то поручения выполнял. Определил в вечернюю школу в нашей части. Когда Грише исполнилось 18 лет, отправил его к моим родственникам в Казахстан. Он жил у них, окончил 11 классов. К этому времени я написал письмо Умару Алиеву с просьбой помочь Грише.

Умар Баблашевич преподавал в Киргизском государственном университете. Я написал ему, что у Гриши талант к математике, что он прекрасно играет на аккордеоне (в Германии он учился музыке у одного немца, с которым я договорился), что он в совершенстве знает немецкий язык. Гриша поступил в этот университет, закончил его успешно, потом был направлен в город Ош, где и живет по сей день.

После, с разрешения Магомета Мамроевича, я написала письмо Георгию Дмитриевичу с просьбой рассказать о причастности полковника к его судьбе. Он ответил мне сразу. Вот это письмо с некоторыми сокращениями:

«Здравствуйте, уважаемая Фатима!

Отвечаю на Ваше письмо.

В 1932–33 годах на Украине был страшный голод. С тех пор я и остался один. Жил, учился, был в детском доме и т.д. до Великой Отечественной войны.

Летом 1943 года с нетерпением ждали своих освободителей. Таких блуждающих, ожидающих освобождения, не желающих попадаться на глаза отступающим немцам, было много. С нетерпением ждали своих, чтобы влиться в состав наступающих войск и скорее добиться победы над врагом.

Поэтому не могу назвать населенный пункт, где мне повезло (Днепропетровская область, Левобережье): меня взяла одна из частей, которой и командовал Магомет Мамроевич Декушев. Так и остался я в этой части до апреля 1949 г.

В июле 1947 г., по моему согласию, я был откомандирован в село Михайловку Свердловского района Джамбульской области за женой Магомета Мамроевича Елизаветой Шамаевной. Когда я прибыл в Казахстан во второй раз в 1949 году, то меня встретила вся родня полковника. Я, после короткого отдыха, устроился на работу и одновременно решил получить среднее образование. Были заскоки – чуть было не бросил учебу, но оказывается, что я был под усиленным надзором. И, когда получил письмо от Магомета Мамроевича и Елизаветы Шамаевны, в котором напоминалось о моем желании учиться, все изменилось в положительную сторону. После получил среднее образование и поступил в вуз и

закончил физико-математический факультет Киргизского государственного университета.

Не могу забыть тот факт, что во время учебы в университете я дважды отдыхал с семьей Декушева в период отпуска Магомета Мамроевича с разрешения нашего декана Сухомлинова. Благодаря такой заботе, такой моральной и материальной помощи (нельзя забыть те годы), я и получил высшее образование...

Помню 1948 год: Магомета Мамроевича, командира полка, полковника, перевели из родной части в другую. Вы, может быть не поверите, Фатима, что многие из состава его подчиненных плакали. (В то время служили еще много участников войны, которые были в его командовании.)

Полковник Декушев Магомет Мамроевич действительно скромный, честный, уважаемый, добросовестный человек, настоящий боевой заслуженный командир Советской армии. Об этом говорят его награды.

Фатима, я очень Вам благодарен за то, что Вы посчитали своим долгом написать о Магомете Мамроевиче.

С приветом и уважением к Вам Георгий Дмитриевич Скрипник. г. Ош, Киргизская ССР. 1989 год.»

Читая это письмо, невольно задаешься вопросом: если бы таких, как Магомет, было больше, скольких детей, в том числе и ссыльных, можно было бы спасти? Скольких спасли Магометы, Люазы, Иваны?!

Декушев, который знал, что сотнями, тысячами погибают в ссылке дети его народа, мог равнодушно пройти мимо судьбы этого мальчугана и никто бы его за это не осудил. Но нет, тогда он не был бы тем полковником, из-за перевода которого в другую часть плакали его подчиненные. У всех детей одна национальность – детство. И их надо любить и спасать, если есть в этом необходимость. Так думал Магомет Декушев.

Его жена Люаза тоже была доброй и сердечной женщиной.

– Она не могла быть другой, – говорит ветеран с гордостью, потом тяжело вздыхает. Ее смерть был тяжелым ударом для него в преклонном возрасте. Он с большой любовью рассказывал

о ней. И, как все старики, с удовольствием «вернулся» в свою молодость:

– В Хурзуке Декушевы с Узденовыми жили в соседстве. В 1936 году я приехал в родной аул из Тбилиси в отпуск. Как-то встретился с дальним родственником из рода Байчоровых и он меня попросил, чтобы я помог ему уговорить Люазу Уздену выйти за него замуж. Наши дома были рядом, с ней нетрудно было мне встретиться, и это сразу же случилось. Росли мы рядом, было о чем поговорить, и в конце разговора передал ей слова любви моего родственника. Она выслушала меня, но, не дав ответа, ушла. Встречаю двоюродную сестру Напий и ей поручаю узнать мнение Люазы о Байчорове. Но моя соседка на вопрос ответила вопросом: «Напий, неужели я Магомета столько лет жду, чтобы выйти за Байчорова?! Неужели он не понимает, что я за другого не пойду?! Если хочет, пусть сам меня увезет, если нет, мне такой сват не нужен!» Так вот и сказала она Напий.

Я сначала растерялся. Мы росли, как брат и сестра, потому не мог допустить мысли, что это возможно. Но, когда она сама проявила инициативу, я обрадовался. Стал думать, как осуществить «умыкание» невесты. Пошел к ее двоюродному брату Зекерье. Он организовал коня, на случай, если машину не найдем.

Я решил увезти ее тайком в Тбилиси. По-моему, было время мусульманского поста. Уже кончался мой отпуск. Вижу, матери Люазы дома нет, она пошла искать овец, которые прошлой ночью не вернулись домой. Захожу к ним домой, Люаза одна, жарит хычины. Посадила меня за стол, угостила хычинами. Когда сказал, что хочу ее увезти с собой, она все бросила, собрала чемодан, и мы пошли пешком. Нас по дороге догнал Зекерья на коне, и повез наш чемодан до края села. Там, к нашему счастью, подвернулась машина, и мы с Люазой уехали. В тот день, когда я увез Люазу, ее мать вернулась ни с чем, оказывается ее овец съели волки. И там один сельский хохмач, узнав о случившемся, воскликнул: «Один Волк увел Люазу, другой волк съел овец Узденовых». Меня звали Бёрю, что переводится на русский как «волк».

А родителям нашим что оставалось – обнялись друг с другом. Если до этого были хорошими соседями, теперь стали родственниками. А я с Люазой был счастлив, так же, как и она со мной. Были всегда вместе, кроме тех пяти лет войны и ссылки...

Прошлое тем примечательно, что в любой его отрезок можно мысленно вернуться. Другое дело – как оно отзывается в твоём сердце, какой след, какую боль оно оставило в нём, какую память о прошлом хранит твоё сердце.

Возвращая Магомета Мамроевича то в далекое, то в близкое прошлое, мне захотелось услышать его воспоминания и о 50-х годах. Он в Казахстане побывал трижды: в 1946, 1950 и 1952 годах. А в 1954-м в первый раз посмел не окунуться опять в горькую жизнь соплеменников, приехав в Среднюю Азию, а поехать в родные края, и если получится, отдохнуть. Он сумел добиться путевки в Кисловодск – город, который карачаевцы любовно называют Нарсана.

– Так как путевка была только на меня, – вспоминает полковник, – сразу по приезде жену и дочь устроил на квартиру, сам пошел в санаторий. На следующий же день мы пришли в гости к Баскаевым. Он осетин, в ту пору очень известный врач. Жена его была дочерью того самого Мудалифа Урусова, директора конезавода. Оба были замечательные люди. У него мы встретились с Аскером Эбзеевым, который приехал из Казахстана. Туда пришел еще один Эбзеев, – Бияслан. Посидели у Баскаевых, вдоволь пообщались, вспомнили многое и многих. В ту ночь остались мы все у них – гостеприимные хозяева нас не отпустили. И там же договорились о поездке в Хурзук, в наш древний аул, где я родился и вырос.

У меня есть родственники по материнской линии – кабардинцы. Побывали мы и в Кабарде у родственников. У двоюродного брата была новая «Победа». На ней мы и приехали в Хурзук...

Нашего большого дома я не нашел. Единственно, что сохранилось от нашей усадьбы, – это три молодых деревца, которые

мать сама посадила за домом. Яблоня, груша и слива. Но и они стояли полуобожженные. Из окон уцелевших домов на нас смотрели их жильцы. Наш старинный аул был превращен в груды камней. Меня очень удивил тот факт, что этих людей устраивала жизнь среди этого кошмара. Они сами своими руками создали эту неприглядную картину. Казалось, чем хуже вокруг, тем лучше им.

У Декушевых хранился «казан Гебенека», в который вмещались тушки десяти баранов и быка. Пользовались этим казаном, когда были какие-то празднества, но чтобы поставить его на арбу, требовались восемь мужчин. Еще одна фамильная реликвия была у Декушевых – кбыл кьобуз (струнный музыкальный инструмент).

Поинтересовавшись ими, узнал, что их увезли в Грузию. В Хурзуке – единственно отчего стало теплее на сердце – один сван, который говорил по-карачаевски, охранял мельницу. «Мельница Эрши», так называлась она, и была известна во всем Кубанском ущелье. Зашел в мельницу, а там этот сван. Спрашиваю, что он тут делает. А он отвечает: «Охраняю мельницу, чтобы не растащили все, пока хозяйка вернется». Эрши – это имя женщины. Этот сван жил в мельнице. Он действительно охранял, а так, пустых домов тогда в Хурзуке было больше чем достаточно. Я поблагодарил его, одарил, чем мог, и мы уехали...

Возвращение карачаевцев на историческую родину и конец службы в армии полковника Декушева совпали.

– Я в 1933 году уходил в армию из Кисловодска и в 1956 году вернулся сюда же. Я приехал в наш город первым, после меня – Саид Токаев, за ним – Магомет Семенов, – вспоминает полковник Магомет Мамроевич Декушев. – За эти 23 года сколько всего произошло! И хорошего, и, к сожалению, очень плохого.

Жизнь продолжается, и надо смотреть только вперед и, чтобы прошлых ошибок не повторять, помнить о прошлом. Наша память – это звоночек внутри нас, остерегающий нас от возможных бед и напоминающий нам о том, что мы люди...

ИЗ-ПОД ВЕНЦА – В ТЮРЬМУ

«Дорогие Дети!

Я очень любил своего отца, а он, сделав нас сиротами, умер молодым. От него нам остался дом, который он строил своими руками и кое-что из его личных вещей, но ни фотокарточки, ни клочка бумаги, где рассказывалось бы о его жизни. Он причинил боль не только своей безвременной смертью, но и таким образом.

Мы очень дорожили всем, что было с ним связано. Но, увы, беда 1943 года лишила нас и того малого, что осталось от него. Больше всего я любил Родину. За наш большой дом – Советское государство и за наш маленький дом – горный Карачай. В ожесточенных боях сражался не жалея своей жизни.

В великой борьбе, победив фашистов, свой Большой дом очистили от немецких захватчиков, а Маленький наш дом у нас отобрал «отец народов», став нам отчимом...

Чего только я не испытал! И голод, и нищету, на дорогах войны много раз пришлось смотреть в глаза смерти. Вместе с тем самая большая трагедия – это потеря маленькой Родины. Коменданты нам твердят, что мы «изгнаны навечно», что мы «вечные спецпереселенцы». Не верьте этому! Так коммунизм не построят.

Любите труд. Не позволяйте себе бездельничать. Когда работаешь увлеченно, то и на сердце становится тепло. Знайте, ум зреет не от количества прожитых лет, а от страданий. Если вы окажетесь на Кавказе, от моего имени поклонитесь Земле, где я родился. Это мой Вам наказ и завещание.

*Чалдовар, 1952 год, 5 сентября.
Адрахман».*

Адрахман Темирджанов, 29-летний отец, это завещание он написал по-русски своим малолетним детям, сыну и дочурке. Кто знает, может, он в то время уже потерял надежду на то, что доживет до того дня, когда можно будет вернуться на Родину. Если судить и по тому, что он свое завещание написал не на карачаевском языке, то можно сделать вывод, что он сомневался и в том, что будет свободно владеть родным языком.

Он, молодой фельдшер, вернувшись с фронта, стал опять воевать, теперь за жизнь, за человеческое достоинство спецпереселенцев. Они умирали как мухи, и никому не было до этого дела. А сам Адрахман...

Ему есть что рассказывать, но перед тем, как дать ему слово, приведем несколько строк из его боевой характеристики:

«...с 4 сентября 1941 года по 24 июля 1946 года он находился на фронтах Великой Отечественной войны на должности фельдшера батальона в звании лейтенанта медицинской службы. Заслуги тов. Темирджанова А.С. отмечены правительственными наградами: орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, медали «За Отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией»...

Медалью «За отвагу» Темирджанов был награжден, когда находился на Сталинградском фронте. А вручили эту медаль ему в 1943 году в Кремле, куда он был специально приглашен. В том же году во время ожесточенных боев в Гатчине он на себе вынес с поля боя 39 раненых, за что был награжден орденом Красной Звезды. В том же 1943 году стал членом КПСС. В том же 1943 году узнал, что его народ депортирован.

– О выселении карачаевцев мне стало известно в декабре сорок третьего, – вспоминает Адрахман. – Я был в отчаянье. Только во время боя забывал об этом. В часы или минуты затишья уходил от людей и задавал себе один и тот же вопрос: за что?! Сколько бессонных ночей провел я тогда! К апрелю 1944 года я совсем ослаб. Видя мое состояние, мне дали отпуск, и я 5 мая уехал в Киргизию. Там в селе Чалдовар жили моя мать и младшие братишки.

Самым тяжелым для спецпереселенцев был 1944 год, когда целыми семьями погибали от голода. После прибытия в Чалдовар на следующий день я пошел на сельский базар. Там увидел многих из моих старых знакомых. Когда встретился со своими бывшими учителями, уважаемыми некогда людь-

ми, а теперь такими несчастными и убогими, не сдержался и заплакал. Комендант увидев, что какой-то офицер ходит по базару и обнимается с этими, как ему казалось, людьми второго сорта – спецпереселенцами, подошел ко мне и, не скрывая возмущения, спросил:

– Кто вы такой?

– Карачаевец.

– Если карачаевец, сдавай оружие!

– Я – фронтовик, приехал в отпуск к матери.

– А почему ты в офицерской форме обнимаешь спецпереселенцев? Тебе не сюда надо было ехать, сначала необходимо было прибыть в Средне-Азиатский военный округ в Ташкент, там сдать оружие и только после этого имел право приехать сюда! Ты уже не вернешься на фронт, за тобой придет распоряжение, и оставят тебя тут.

Спор наш закончился тем, что в 38-й комендатуре вручили мне приказ НКО от 3 марта 1944 года под № 0741. Прочитав его, понял, что это необоснованно и несправедливо. Уже в то время в селе жили отчисленные с фронта офицеры. Так что я опасался, что в отношении меня тоже придет распоряжение.

На следующий день приехал на лошади в Панфиловский райвоенкомат, чтобы встать на учет. Тут ко мне отнеслись более благосклонно, как к офицеру-фронтовику, из специального фонда выделили муки, крупы для моих близких родственников и крепко поговорили с комендантом.

Но до конца отпуска ходил с мыслью, что меня по-хорошему отправили домой, но вслед как бы не прислали распоряжение о моей отставке. Но я ошибся. Когда наступил день отъезда, мать, плача, просила, чтобы я остался. Ее можно было понять. Пообещав вернуться живым, я уехал.

Вернувшись в свою часть, доложил полковнику Белозерцеву о приказе НКО, где говорилось о том, что представители депортированных народов отчисляются с передовой фронта, переводятся в рабочие батальоны.

– В нашу штурмовую инженерно-саперную бригаду такие приказы приходят в первую очередь. Этот приказ мы давно получили, но у нас, кроме тебя, нет карачаевца. А тебя... честного офицера, мы добились, чтобы не трогали, – сказал мне полковник Белозерцев. – Ступай в свой батальон и выполняй долг, как и прежде, а родным помогай, как можешь – посылки отправляй.

Привет с фронта!

Дорогая военная цензура! Убедительно прошу вас пропустить 15 порошков солянокислого хинина для больной матери.

С уважением заранее благодарный Вам Пешурджанов.

Мама! Посылаю в конверте 15 порошков самого хорошего лекарства для лечения малярии. Три цикла по 1 пор. 3 раза в день перед едой в течение 5 дней, а затем перерыв 3 дня. Это будет первый цикл лечения. II цикл по 1 пор. 3 раза в день до еды в течение 3х дней после 10-го перерыва 3 дня. III цикл по 1 пор. 3 раза в день перед едой в течение 3х дней. Всего на курс лечения требуется 33 порошка. Остальное пришло в письме Хашубю. Так же пришла этих порошков Еухеши совершенно здоровой.

Мама! Не тревожь себя мыслями о моей судьбе, за меня мечтали Великая Сталинградская битва более 3х лет суровой войны. Все тягости я привык переносить как подобает советскому офицеру. Однажды друзья попросили перевести мою срашину на русский язык. Я сказал в переводе с каратавского означает "железная душа" с тех пор все говорят это и оправдывают срашину.

Я, тебе, мама, даю клятвенное слово, что буду верным и стойким до конца жизни.

Если уйдешь из жизни то с чувством исполненного долга оставляя не израсходованную услугу ненависти срашину.

Умоляю не тревожь себя, все будет прекрасно.

Привет и мои наилучшие пожелания всем нашим!

Очень любящий т.б.ч. сын Адрахиан.

10/X-44г. Толевая пошта 92578.

Здравствуйте, мои дорогие мама, братишки,
сестра, племянница и племянник - шашлычок!
Посылая свой сердечный привет от всей души желаю
вам здоровья и счастья в жизни!
Я жив и здоров по прежнему нахожусь в передовой.
3/II-45г. в жестоком наступательном бою тяжело ранили
моего лучшего друга Клевина Валентина Александровича
из г. Куйбышева. Вы его знаете с моих писем зюгма.
Раны серьезные с повреждением костей правой голени
и правого бедра. Сам оказав медицинскую помощь, наложил
шину в тяжелом состоянии в числе других раненых эвакуи-
ровал в медсанбат. Так жестокая судьба разлучила нас
познавших цену дружбы на дорогах суровой войны.
Не смогу описать свою глубокую боль и печаль в связи
с этим несчастьем. Теперь не поговестую его заботы.
Дорогие братишки и сестра будьте как можно ласковы
и внимательны матери. Мы в большом неопытном
цолгу перед ней.
Я люблю жизнь, но больше жизни люблю тебя мама
и мать всех матерей - Родину.
Помните обо всех, это так близко и дорого мне.
5/II-45г. Адрахман. Талевая пошта 92578.

Вскоре получил письмо от матери. Она жаловалась, что комендант после моего отъезда стал относиться к ним еще хуже, чем прежде. «Твой сын в рабочем батальоне, а не на фронте», – утверждает он, писала мама. Она просила, чтобы я выслал документ, подтверждающий, что я на фронте.

«Твой брат писал тебе письмо, когда за ним зашел комендант. Я его попросила, что скоро будет готов хлеб, что он еще не успел покушать, да и письмо пусть допишет. Он не захотел меня слушать, стал настаивать на своем, раскричался и ударил Къаитбия, тогда я не сдержалась...» – писала мама.

подавляющее большинство депортированных людей, пострадавшие безвинно не хотели мириться со своим положением. Об этом свидетельствуют агентурные сообщения, поступавшие в местные органы НКВД СССР. Умар Байрамуков, ныне известный поэт, получил 10 лет за то, что сказал: «Народ не может быть предателем». Магомет Чотчаев, поэт, тоже получил 10 лет за то, что в своем письме другу осуждал переселение. Командир подразделения 103-й стрелковой дивизии Забайкальского фронта, капитан Идрис Халилов был приговорен к расстрелу за то, что в своем письме правительству написал: «Лучше быть негром в Америке, чем карачаевцем в СССР». (Борлакова З.М. Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. М. 2005.)

Справка на стандартном бланке о моей службе, которую я отослал с фронта, коменданта не удовлетворила.

Н. К. О.	
ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ	
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА	
42578	
17 декабря 1944 г.	
№ 97	
	УДОСТОВЕРЕНИЕ
	Выдано <u>Райтинский И.С. Тамаровичеву Нарожини Светлане</u>
	(звание, фамилия, имя, отчество)
	в том, что он состоит с <u>4</u> <u>сентября</u> 1941 года
	на военной службе в Красной Армии.
	Удостоверение выдано на получение установленных законодательством
	Союза ССР для военнослужащих и их семей льгот по налогам, госпоставкам и других, если семья (хозяйство) тов. <u>Тамаровичева А.С.</u>
	отвечает условиям, которые по действующему законодательству дают право
	на получение этих льгот.
	Удостоверение действительно по <u>17</u> <u>декабря</u> 1945 года.
	Начальник отделения <u>Иван</u>
	Делопротовадитель <u>Воронин</u>

Тогда пришлось моему руководству составить на меня лично большую справку...

Командитю командатуры № 38
м.л. 1-й м. Т. Мокнойло.
Комм. Полковник почти 92,678
м. Тельмуджанову А.С.
Бригите мои к обеспечению семьи
Фрагтовича - Тельмуджанова - мать
16 / I - Зоягана и два брата не совершенно-
35. летних возрастов, проживающих в
с. Удоговар в/в етн.командатуры
ваш, пожалуйста обеспечено економ
но обеспечете.
Нач. Тельмуджановского РО № 38
Лейтенант ЧС. *[Signature]*
Ч. Муратов

– Война для нашего 93-го отдельного инженерно-саперного батальона не закончилась 9 мая 1945 года. Она еще продолжалась до конца июля 1946 года – нам было поручено разминирование большой территории. И 93-й батальон, очищая от смертоносных мин раненую землю нашу, прошел по Латвии, Ленинградской и Новгородской областям. Даже во время ожесточенных боев не боялись мы за свою жизнь так, как здесь, во время разминирования. Уже после Победы погибали бойцы, взрываясь на минах, раненых было больше, чем на передовой...

А в дни Победы он, как и все, радовался и писал письма родным:

«Победу отметили салютом со всех видов огнестрельного оружия, не было конца нашей радости...»

«Фашисты не учли силы нашей любви к своей родине, веру в правоту дела...»

Я давно не писал. Несудите строго. Были довольно горячие денечки. И от вас не имел весточки. Потому разделил винку попалам.

Был плен тревоги и с замешательством сердцем ждал от вас весточки. Наконец узнал что мама в полной здравости. Очень рад. Теперь мои тревоги рассеились. Передайте мои наилучшие пожелания маме, сестре и ее семье. В существовании ада неверю, но нам пришлось. Испытать ад жившим в Сталинграде и здесь где сейчас воем.

Вчера 2ое мая Советские войска взяли Берлин, а на нашей участке проклятые фрицы огрызнутся, тут крик яростно целуются за каждый кустик, боясь расшатать.

Все равно недолго осталось гадам гулять по нашей земле. Наши воины проявляют массовый героизм, стойкость и мужественности. Фашисты не утывают силу наших воинов к своей Родине, веру в работу дела, которое зацелили.

Передайте мой братский привет Далимату и скажите ей пусть она не платит. Жив останусь, не подведу.

Судьба фронтная - обязательно разищу ее долку.

Несчастный раз вас всех целую. Адрахман
Полевая почта 92 578. 3/5-452

Дорогие мои Мама, сестра и братишки!

Теряю поздравляю вас с Великим праздником Победы на грацистской Терманней!

Желаю всего наилучшего в вашей жизни!

Еще в начале войны глава нашей партии и правительства тов. Сталин сказал: и на нашей улице будет праздник. Как видите осуществилось эти пророческие слова нашего дорогого вождя.

9/5-45. Победу отметили солдатам со всех видов артиллерийского оружия, не было конца нашей радости!

На второй день после Победы 10/5 при разминировании подорвались на смерть: лейтенант Зыкунов, сержант Степанов, Васильев, Ложкин, Кузнецов.

Много необъятного, сурового и страшного довелось мне повидать на войне, но потеря дорогих товарищей после Победы ни как несравнимо горько.

Ушли из жизни молодые скряжки, отцы и братья люди. Праздновать Победу - долгожданную юнкю как и все раститывали на жизнь. Как трудно выразить пером свое горе. От волнения толком не могу писать.

Разделите мое горе. Каких товарищей мы потеряли! Они попали в именной список безвозвратных потерь 10/5. Досвидание. Адрахиан 12/5-452.

Полевая почта 92578.

Адрахман Темирджанов был демобилизован из армии 24 июля 1946 года. Молодой офицер приехал в Киргизию к матери инвалидом III группы. Хотя, спасая раненых, часто ему приходилось быть под огнем, но инвалидность он получил от болезни сердца. Еще в 1942 году врачи, признав миокардит, комиссовали его, но он по собственному желанию остался на фронте и встретил День Победы на передовой, как настоящий защитник Родины. Но и ему было суждено пережить горькую участь своих соплеменников.

КОПИЯ

СПРАВКА

Дана лейтенанту м/с фельдшеру 93 отдельного истребительного инженерно-саперного батальона ТЕМИРДЖАНОВУ АДРАХМАНУ СЕИТОВИЧУ в том, что он с 4/IX-1941 года находится на фронтах Великой Отечественной войны.

В боях за Социалистическую Родину имеет контузию и ранение. Лежал в медсанбате фронта : февраль 1942г по поводу острого суставного ревматизма, контузии 43г. и ранении март 1945 год.

В П П Г Сталинградского фронта с 15/IX- по 30/IX- 1942годе по поводу суставного ревматизма осложнением на сердце.

Выписан ВЖК 30/IX-42г. с ограничением, но ввиду труднейшего положения страны остался служить в действующей армии по своему желанию.

Награжден " орденом " Красная Звезда", медалями "За отвагу" и "за оборону Сталинграда".

Командир части

подпись

Нач. штаба

подпись

29/III-1945 года.

В.И. [Signature]
Нач. штаба [Signature]

В Киргизии Темирджанов сразу занялся лечебной практикой, стал работать в Чалдоварской больнице и делал все, чтобы спасти тех, кто нуждался в медицинской помощи. Проработав 11 месяцев, он как офицер был освобожден от спецучета, взял отпуск и решил, чего бы ему это ни стоило, побыть на земле своих предков, поклониться могиле отца, увидеть осиротевшую свою малую родину.

– Приехал я в бывший Микоян-Шахар, – вспоминает Темирджанов, – как раз был воскресный день, пошел на базар. Здесь, на Кавказе, остались несколько наших родственников. Они были замужем: одна – за ногойцем, другая – за осетином, и потому не были высланы. В тот день с ними встретился там, но по горскому обычаю они меня домой не пригласили. Базар разошелся, и я остался один.

Иду, мое состояние, думаю, понятно какое было, и вдруг – навстречу Фуат Кадагозов, тоже офицер, знакомый мне еще с детства. У него мать была карачаевка. Он не струсил и пригласил к себе домой. Он жил как раз в моем родном (когда-то!) ауле Каменномостском. Тогда он назывался Ахалшени. Переночевал у друга. Утром пошел на кладбище поклониться могиле отца и остальных родственников. Пришел, смотрю: ахалшенцы на кладбище пасут своих свиней... На мусульманском кладбище. Смотрю: надгробный камень отца лежит на земле. Пошел к стоящему вблизи дому за ломом, чтобы поднять камень и поставить его на место, но не смог наступить на крыльцо того дома – все его ступеньки были из могильных плит. Отложив затею с надгробным камнем, потрясенный, стал выгонять свиней с территории кладбища. Ахалшенцы подняли хай, увидев, что я делаю. Какими только словами они меня не обзывали! Там колхоз носил имя Берии. Примчался парторг этого хозяйства и на правах хозяина стал кричать:

– Зачем ты сюда приехал? Карачаевцам сюда нельзя приезжать! Почему гоняешь свиней? Что тебе нужно? – закричал он, задыхаясь.

– Вот говорим фашисты, но и они не надругались так над могилами, – сказал я спокойным голосом. Это было для меня потрясением.

– Это еще не все. В Верхней Теберде вспахали кладбище и посадили деревья, мы тоже так сделаем, – ответил он мне.

– Подождите, все это сфотографирую и покажу в Москве, – пригрозил я ему.

Это ему не понравилось. Вижу, струсил, стал говорить более спокойно. На том мы с ним и расстались. Но вскоре меня догнали три милиционера и отвели в отделение. Показал военный билет и паспорт. Потребовали и другие документы, когда отказался, они решили взять их у меня силой и в это время заметили мои правительственные награды, и поинтересовались, есть ли у меня на них удостоверения.

– Это вы носите медали, не имея на них документов, – ответил я. Отобрали они у меня карманный ножичек, орденскую книжку, партийный билет и решили посадить в камеру предварительного заключения. Стали толкать, чтобы силой отвести туда. Я схватил телефонную трубку и сказал, что должен переговорить с военкомом.

Мне не дали это сделать, но сами позвонили. И по лицу говорящего я понял, что военком что-то сказал не в его пользу (было постановление о том, что офицеры, вернувшиеся с фронта, не должны становиться на спецучет).

Пришлось вернуть им все мои документы и отпустить. Вышел оттуда и пошел прямо в дом отца. В нашем доме жил некий Метревели. Вошел в дом и, когда увидел мамин сундук и кое-какие вещи, знакомые мне с детства, не выдержал и заплакал. Этот грузин стал оправдываться, увидев мои слезы:

– Ты, наверное, думаешь, что мы привели в такое запустение ваш дом. Нет. Когда мы пришли, все было так. Нас сюда заманили, пообещав, что приедем в готовый дом, что нам дадут ключи от домов, где есть все. А когда приехали, застали разграбленные дома, выбитые стекла, двери, – рассказывал он.

Не знаю, лгал он или правду говорил, но было больно смотреть на все это. Сельский совет предложил Метревели другой дом, а мне предложили распоряжаться домом отца, как хочу. Я не стал продавать дом отца, просто оставил его и уехал.

Я на Кавказе пробыл почти месяц. К концу его даже те, кто сначала боялись меня пригласить к себе домой, охотно делали это. Но обижаться на них нельзя было. Солдат, вернувшихся с фронта, сажали в КПЗ, потом в лучшем случае этапом отправляли в Среднюю Азию. А были и такие: вернувшись живыми с фронта, свою смерть находили в родной стороне. Незадолго до меня фронтовик Якуб Баучиев был убит кем-то. Так что народ был и здесь напуган.

Меня осетины провожали как брата, организовав в мою честь прощальный вечер...

Вернулся в Чалдовар и опять окунулся в это море унижений. Как-то пошел на базар, смотрю – ларек. Дверь и окно его наглухо закрыты. Подхожу ближе и слышу изнутри голоса. Оказывается, туда согнали девочек-подростков из соседнего села Ровные, которых матери послали на базар. А разрешения на выезд у них не было.

Нашел коменданта и говорю:

– Что вы делаете? Это же подростки! Что же вы играете их здоровьем, они и так обессиленные!

– А почему ты болеешь за спецпереселенцев?!

– Я прежде всего медик, а вот вы – дикие звери XX столетия, – сказал я. Говори – не говори, они поступали, как хотели, но в основном они почему-то хотели сделать больно.

От нас, медиков, требовали в конце месяца, года отчеты о заболевших малярией, бруцеллезом, брюшным тифом и другими инфекционными болезнями, но не запрашивали данных об умерших. На спецпереселенцев, скончавшихся дома, не составлялись даже акты о смерти. Факты смерти, сколько бы их не было, не вызывали ни у кого беспокойства. Единственно, что требовали – хоронить, пока труп не разложился.

Но и большие заслуги не избавляли бывшего фронтовика от многих бед, связанных со ссылкой. Темирджанов и на себе испытал горечь унижения, которому подвергались переселенцы каждый день.

– В 1949 году пришел к коменданту и сказал о своем намерении жениться, – вспоминает он. – Сообщил ему, что моя избранница Сафият Алий-Солтановна Джаубаева живет в селе Мерке. А он мне и говорит:

– Ты же не состоишь на спецучете. Когда карачаевки выходят замуж за киргизов, мы их снимаем с учета, и они живут, где хотят. И на ту, на которой ты женишься, тоже правило распространяется...

Поверил. Обрадовался. Привез невесту 1 марта, и в тот же день в Чалдоварском сельском совете зарегистрировались, получили свидетельство о браке. Но на следующий день после свадьбы коменданты Чалдовара и Мерке утром, забыв обо всем, что сами говорили, злые и возмущенные, постучались к нам в дом. Никого не стали слушать, забрали Сафият, сопровождавшего ее брата и свидетельство о браке. Ее в свадебном платье посадили в КПЗ села Мерке...

– Когда я вошла в тюремную камеру, – вспоминает дальше Сафият, – женщины, находящиеся там, из-за белого платья приняли меня за врача и хором сказали, что среди них нет больных. А я, 18-летняя, с черными кудрявыми волосами, растерянная, напуганная, убитая горем молодая жена. Когда я рассказала им о случившемся, им стало меня жаль. И всю ночь они меня учили, что говорить на допросе. А в конце посоветовали сказать, что я цыганка, чтобы можно было выйти отсюда...

Так прошла ночь. Наутро выпал большой снег. Из окна тюрьмы все виделось по-особенному, все было так красиво. Эти женщины, глядя в окна, то плакали, то пели. Мое состояние тоже было очень подавленным.

Вечером, когда уже стемнело, из коридора слышу голос: «Джаубаева, на выход!» Ночью, куда и зачем меня выводят отсю-

да? Я забилась в угол и стала навзрыд плакать. Опять тот же грубый голос приказывает. А я еще громче плачу. Через некоторое время услышала другой зов: «Сафият, не бойся, выйди, я пришел за тобой». Это звал меня мамин брат.

Из-под венца – в тюрьму, из тюрьмы вернулась я в дом родителей. Когда переступила порог нашего дома, мама бросилась ко мне, обняла и разрыдалась: «Кто мог подумать, что бывает такое горе...»

Оказывается, Адрахману и его новым родственникам пришлось дать взятку, чтобы вызволить Сафият из тюрьмы.

– Не посмотрели, что молодые люди решали свою судьбу, что для нас это был очень значительный, счастливый день, пришли, обвинили Сафият в побеге с постоянного места жительства, за что спецпереселенцы осуждались на 20 лет каторжных работ. Все, что было у нас и у Джаубаевых, мы собрали и отдали комендантам, чтобы не пришлось ей оставаться еще на вторую ночь в КПЗ. От возмущения я не находил себе места. Мне было стыдно перед избранницей своей и ее родственниками.

Справка

Выдана спецпоселенцу ме Шамиржановой
Сафият Али-султановне
имя и отчество, и место
1930г. рождения – Каратаевки
рождения, национальности)

В том, что она проживает с. Сагдобар
(имя, отчество, село, с/к-т, район)
Иркутской обл. Кузнецкий с.р.
область, республика)

и работает в к-зе им. Калинин
(место работы)

Спецпоселенец Шамиржановой Сафият С.
(фамилия)

разрешается проживать только в пределах с. Сагдобар Янгудиловск.
района Иркутской области.
(село, с/к-т, область)

и без разрешения органов МВД выезд с места поселения запрещен.

Действительна до 14 января 1954 года

Начальник РО МПД С. С. Сидоров (Сидоров)
Командир С/К № 1 С. С. Сидоров (Сидоров)

14, января 1954 года

– Когда меня вернули к родителям, – продолжает дальше рассказ Сафият, – меня обязали приходить на регистрацию каждые 10 дней.

Стал писать во все инстанции. Писал в Панфиловку, в Джамбул, во Фрунзе, в Москву. Просил разрешения воссоединиться с семьей. В какое унижительное положение был я поставлен! И ждали мы это разрешение до августа 1949 года. Наше свидетельство о браке было якобы потеряно. Новое свидетельство мы получили через два года, в декабре 1951 года, – рассказывает Адрахман.

Наказанию ЦМВД по Фрунженской
 области Казахской сср
 Подполковнику
 тов. Фрунзеву
 г. Фрунженца
 11 VII 19
 1954

Копия Наказанию Мериданского ро мвд
 Фрунженской обл. Казахской сср.
 в Мерке.

Копия высылка Фрунзевской сангизм
 Амеустановке
 в Мерке.

При этом направлена заявля
 ния высылка Телмеруфанова Адрах
 мана сангизм в подполковник о
 воссоединении его с женой Фрунзев-
 вой сангизм Амеустановке и Копию
 сведений о браке для расселения
 рення вострова по территории Мерке
 и нашей сангизм о переезде
 вое в Панфиловский р-н Фрунженской
 обл. Кирг. сср в е. галчовар на проезд
 кое месяце сангизм в вострова
 не. Амеустановке.

Приложение упомянутое на 3 п/л
 Нав. Панфиловского ро мвд Фрун/
 лейтенант (Равин)

Сафият, улыбаясь, заключила:

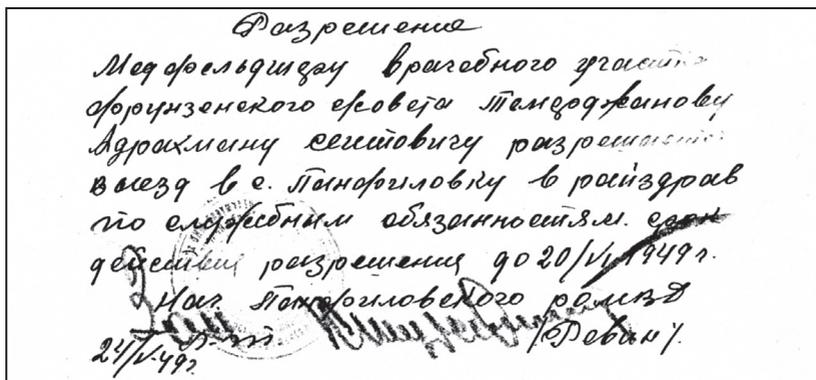
– Поверьте, эту историю мы не рассказывали даже нашим детям.

– Наша свадьба, – продолжал Адрахман, – дала возможность коменданту отомстить мне. После того, как забрали Сафият, вызвали меня в район, в Панфиловку, потребовали, чтобы я подписался на стандартном бланке. Если в него вписать свою фамилию, выходило так:

«Я, карачаевец, Темирджанов А.С., был выслан 1943 года 2 ноября с Северного Кавказа в степи Средней Азии. Обязуюсь безвыездно жить в Чалдоваре и каждый месяц в 38-й комендатуре проходить регистрацию».

Я им говорю – ведь меня не выслали, я в это время был на фронте, воевал... Спорили долго. Им нужна была не правда моя, они меня хотели унижить, поставить в зависимость, чтоб я закрыл рот и не указывал на их бесчеловечность, беззаконие.

В тот момент, когда я уже терял самообладание, вошли мать и родственница. Заметив, что дело может закончиться плохо, мама, плача, попросила не сопротивляться, поскольку один в поле не воин. Не знаю, чем бы закончился наш разговор, если бы не мои родственники. Я подписал эту бумагу, а комендант с удовольствием поставил штамп в паспорт, и я стал спецпереселенцем.

Чувство безысходности пришлось испытать много раз. После войны каждый год проводились партконференции. И туда из карачаевцев приглашались всегда двое – я и Хасан Айбазов. Он в Панфиловском районе был ответственным за спецпереселенцев. А я делегировался от партийной организации районного отдела здравоохранения. Конференции шли два-три дня. И мы с ним, как сироты, сидели отдельно от всех...

На последней конференции, в которой я участвовал, Хасана не было. Как потом я узнал, было указание не делегировать спецпереселенцев, до нас этот указ еще не дошел, и меня пригласили. Взять и выдворить меня из зала конференции, видимо, было неудобно. Член мандатной комиссии, когда докладывал собравшимся сведения об участниках конференции, сколько и кто присутствует, то высказал замечание в адрес организаторов из-за «одного карачаевца».

Но мое присутствие не стало помехой тем, кто хотел лить грязь на спецпереселенцев. Тут взял слово Герой Социалистического Труда, председатель самого богатого колхоза республики Тимофей Федорович Ивашкевич. Он посвятил свое выступление карачаевцам:

«Это удивительно трудолюбивый, с большим чувством ответственности, честно зарабатывающий свой хлеб народ. Покажите мне ту отрасль сельского хозяйства, где они не трудятся самоотверженно. Вся тяжесть сельского труда на их плечах. Посмотрите, на какой уровень они подняли наше животноводство. И несмотря на это, мы смеем их ругать, критиковать за то, что они вовремя не приходят на регистрацию. Если они будут бегать туда-сюда, кто будет вместо них работать. Им некогда! Если так, то вы придите к ним, один может обойти все кошары, фермы и дайте им возможность на месте поставить так нужную вам подпись. Для всех будет так выгодно и удобно...»

Как я был благодарен ему! Слова такого уважаемого человека, конечно, были восприняты серьезно, и после этой конференции регистрацию спецпереселенцев, работающих в животноводстве, проводили именно так.

Да, Темирджанов не мог противостоять бесправию, которое исходило от спецкомендатур. Коменданты делали то, что им предписывалось по должности. Как правило, они почти все свои обязанности выполняли с большим усердием, а в обязанность им вменялось морально задушить каждого спецпереселенца, а убивать их помогали голод, болезни, тоска... И в этой ситуации Адрахман боролся с болезнями. Это у него получалось. В течение десяти лет кем он только не был: и окулистом, и травматологом, и педиатром, и инфектологом, и терапевтом. Жизнь заставляла его, фельдшера, быть врачом-универсалом. И слава Богу, у него это получалось. Сколько жизней он спас!

– Комендант меня упрекал в том, что я даю много справок, бюллетеней спецпереселенцам, окрестил меня националистом, – вспоминает старый фронтовик. – И все потому, что безотказно приходил на помощь обездоленным своим соплеменникам. Он на сессии сельского Совета потребовал, чтобы меня перевели в стационар, чтобы я не вел приемы населения. На мою защиту встали и председатель сельсовета Алексей Михайлович Сидоров, и заведующий Чалдоварским сельпо Петр Гаврилович Худопетов, и председатель колхоза «Калинин» Тимофей Федорович Ивашкевич, но этот комендант-злопыхатель в ответ пообещал, что обратится к районному руководству и все равно добьется своего...

Но все проходит. Прошли и те долгие и горькие годы ссылки. В тот счастливый день, когда стало известно, что они сняты с учета спецкомендатуры и в ближайшие месяцы можно будет получить разрешение о выезде на родину, Адрахман вспомнил про свою тетрадь, где он оставил завещание детям, и дописал туда такие строки:

«Итак, дорогие дети, мы дожили до светлого дня! Весной 1957 года мы сможем вернуться на Родину. Вы увидите дом своего дедушки – там прошли мои счастливые детские годы.

Киргизская ССР, 1956 год, осень. Адрахман».

Весной 1957 года, как и все бывшие спецпереселенцы, Темирджанов стал собираться в дорогу. Друзья стали его отговаривать. «Оставайся, – говорил ему главный врач больницы Александр Петрович Юркин, – будешь работать на две ставки. Зачем ехать туда, на разоренную землю. Потом, когда там все обустроится, поедешь». «Кавказ – это Кавказ, но Кавказ для вас ничего не припас», – с сожалением повторял Ивашкевич. Как ни уговаривали, Темирджанов со своей семьей выехал на родину первым эшеленом. И железная дорога, которую 14 лет назад окрестили «дорогой смерти», для возвращающихся стала «дорогой ведущей домой, на Кавказ».

Удивительное дело, всех людей, кто хоть как-то проявил сочувствие, поддержал где-то, помог чем-то, Адрахман помнит поименно, называет их по отчеству, а комендантов так и называет нарицательным именем. Они, олицетворяющие зло, для него безымянны.

Вступив на родную землю, переполненный радостью, он еще раз открыл тетрадь с завещанием и написал следующие слова:

«Салам алейкум, дважды рожденный Карачай! Когда ты первый раз родился в 1917 году, тебя приветствовал мой отец. Твое второе рождение приветствуем мы, мои дети и я!

1957 год, 4 мая, Адрахман».

P.S.: Адрахман Сеитович Темирджанов 1923 г.р., член КПСС с апреля 1943 г. Окончил лечебно-фельдшерское отделение медицинского техникума 30 июня 1941 года в г. Микоян-Шахар (ныне город Карачаевск).

Работает непрерывно в системе народного здравоохранения 38 лет 4 месяца. С 4-го сентября 1941 года по 24/VII-46 г. находился на фронтах Великой Отечественной войны. Участник Сталинградской битвы и многих других жестоких сражений в составе войск Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Ленинградского, 2-го Прибалтийского фронтов на должности фельдшера батальона со званием лейтенанта медицинской службы.

За боевые заслуги награжден:

Орденами:

- 1) «Отечественной войны» II степени.
- 2) «Красной Звезды».

Медалями:

- 3) «За отвагу».
- 4) «За оборону Сталинграда». 1943 год.
- 5) «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне».
- 6) «20 лет Победы в Великой Отечественной войне».
- 7) «30 лет Победы над Германией».
- 8) «50 лет Вооруженных сил СССР».
- 9) «60 лет Вооруженных сил СССР».

Памятными нагрудными знаками:

- 10) «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».
- 11) «Ветеран 10-й гвардейской армии».
- 12) «30 лет 10-й гвардейской армии».
- 13) «Отличнику здравоохранения».
- 14) «За нашу Советскую Родину».
- 15) «Ударник Коммунистического Труда».

Демобилизован из рядов Советской Армии по состоянию здоровья (заключение Ленинградской гарнизонной военно-врачебной комиссии Министерства обороны, инвалид Отечественной войны III группы). Приказ по войскам Ленинградского военного округа № 01842 от 24/VII-1946 года.

После демобилизации с 27/VII-1946 года по 22/IV-1957 г. работал в Чалдоварской участковой больнице Панфиловского района Фрунзенской области Киргизской ССР на должности фельдшера, где с 1946 года по апрель 1957 г. был бессменным председателем местного комитета больницы. За время работы на участке подготовил более 500 значкистов ГТО, за что в 1952 г. награжден почетной грамотой Фрунзенского обкома Киргизии.

5/XI-1959 г. присвоено звание фельдшера I-й категории, приказ Минздрава РСФСР № 16. 12/VI-1969 г. присвоено звание «Ударник коммунистического труда».

В 1970 г. награжден юбилейной медалью В.И. Ленина «За доблестный труд». В июне 1976 г. награжден знаком «Отличнику здравоохранения».

Награжден почетными грамотами: Фрунзенского обкома КПСС Киргизии, Ставропольского крайкома КПСС, Карачаево-Черкесского обкома КПСС, Ставропольского краевого отдела здравоохранения, Карачаевского райкома КПСС, администрации Карачаевской центральной больницы (всего почетных грамот – 19) и множество благодарностей.

(Из характеристики, 1976 год)

«ЯЗЫК СЕРДЦА – ЭТО РОДНОЙ ЯЗЫК»

Ответа на свое письмо от Фатимы Темирджановой я ждала полгода. Эта незнакомая мне женщина живет в Москве. Потеряв всякую надежду, что она откликнется на мою просьбу, я решила позвонить. Ее телефон мне дала сноха со словами: «Она очень слаба, воспоминания о прошлом ее слишком огорчат, сердце может не выдержать. Для нее это все равно, что беречь раны. Приезжайте, если сможете. Если встретитесь, кто знает, может быть, сам по себе получится нужный вам разговор».

Так я и сделала, приехала в Москву, устроилась в гостинице и позвонила Фатиме Темирджановой домой. А сама думаю, на каком языке с ней говорить. Может, за столько лет она забыла родной язык. Поздоровалась и представилась я по-русски. Она мне ответила по-карачаевски. Переходя с одного языка на другой, мы с ней, две Фатимы, по телефону говорили довольно долго. Беседа наша закончилась тем, что она меня пригласила в гости и добавила: «Доченька, приходи, мне захотелось посмотреть, какая ты. Ну, а я, от меня осталась только тень. В моей жизни, боюсь, ничего интересного для себя не найдешь. На фронте не была, подвигов не совершала, давно отбилась от своего народа. Что можно обо мне писать? Мои воспоминания мало будут тебе полезны. Вот народ наш! Какому насилию подвергся! Сколько людей погибло, а я

до сих пор живу... Мне стыдно, что я до сих пор жива».

– Все мы ходим под Богом, не ваша вина, что живы, нельзя так говорить, – попыталась я ее успокоить...

– Приходи. Будь моей гостьей. Единственное, о чем я тебя попрошу: слишком тяжелых вопросов не задавай, пощади старую горянку, – перебила она меня. И, видимо, не желая, чтобы наш разговор закончился на такой грустной ноте, веселым голосом добавила:

– Когда откроется дверь, ты можешь меня не заметить. Тогда посмотри вниз, я буду там. В последнее время расту вниз.

К моему приходу она приготовила хычины, наше традиционное национальное блюдо, был и наш айран.

– Хотя вы давно живете в Москве, но, по-моему, свой дом превратили в маленький карачаевский островок, – заметила я.

– Айран у меня в доме есть всегда, – сказала Фатима с гордостью. – Закваску постоянно меняю, родственники с Кавказа без айрана не приезжают. Хотя московский айран – это не карачаевский айран. Здешнее молоко ни идет не в какое сравнение с нашим.

Меня удивило то, что хотя эта женщина две трети своей жизни провела в Москве, в разговоре она постоянно делила все на «наше» и «здешнее».

А рассказ о себе она начала так:

– Мать моя умерла во время родов, с первого дня жизни я стала сиротой. Выросла без матери. Но Богу было угодно лишить меня и родных, и земли моих предков. Я родилась в ауле Каменномост, школу там окончила, потом училась в Микоян-Шахаре в педагогическом техникуме. После учебы год работала в школе аула Новый Карачай, потом меня направили в Кисловодск. Там для наших сирот в 1936–1937 годах открыли детский дом, куда меня назначили завучем. Сама знаешь: у нас своих сирот в детские дома не принято отдавать, потому мы туда принимали беспризорных детей, причем их собирали в разных городах. Но через год я опять вернулась в свой аул, учительствовала в школе.

Надо сказать, очень нравилась мне эта профессия моя и я с удовольствием преподавала.

Наступил 1940 год. К тому времени уже было понятно, что война неизбежна. Поэтому во время летних каникул учителей отправляли в лагеря, где они обучались владеть оружием, стрелять... А жизнь текла своим чередом.

В 1941 году в здании исполкома открыли госпиталь. Продолжая работать в школе, сама вызвалась проводить с ранеными бойцами лечебную гимнастику. В школе еще до войны я организовывала детские танцевальные ансамбли. Когда началась война, не желая омрачать жизнь детей, продолжала с ними занятия в кружке. Вообще я была очень веселым, жизнерадостным человеком, это потом жизнь согнула в дугу.

– И очень энергичная, наверное, были.

– Знаешь, тогда этого добра у всех хватало, мы были такими патриотами! Наступает 1942 год. С фронтов стали приходить неутешительные вести. Ушли на фронт все, кто мог держать оружие в руках. В то же самое время жители Москвы и Московской области были эвакуированы, и остались военные заводы без рабочих. И тогда начался призыв наших людей на трудовой фронт. Я тоже записалась. А вообще хотела в действующую армию. Меня поставили секретарем вербовки. Мы отправили четыре эшелона добровольцев, но недалеко от Азовского моря они попали под бомбежку, и ни один не дошел до места назначения. Я тоже могла уехать в одном из этих эшелонов, но меня задержали секретарские обязанности. Наш эшелон отправился из Баталпашинска через три дня после них. Мы по приказу Москвы прибыли в Тушино на авиазавод. Нам нужно было запустить этот завод.

Как сейчас, вижу перед глазами прибитуую к столбу доску, на которой черной смолой написано «Тушино».

Из Баталпашинска мы выехали в июне 1942 года, а в июле авиазавод уже заработал. Меня назначили техническим контролером в 10-м цехе. Так начался для меня трудовой фронт.

Вскоре мы узнали, что Ставропольский край и Карачаевская область оккупированы фашистами. Писем получала мало. И рядом никого не было, на кого можно было бы положиться. Время было трудное, в такие периоды жизни некоторые люди превращаются в зверей, идут на любое преступление. Очень много было преступников. В этой обстановке, если некому тебя защитить, очень тяжело существовать. К тому же, к концу 1943 года совсем перестала получать письма от родных. Через какое-то время узнала, что мой народ депортирован. Захлебнувшись этим нечеловеческим горем, мои родственники меня совсем забыли. И было у меня такое чувство, что на этом белом свете из всех карачаевцев я осталась одна. Всем моим существом овладела нестерпимо жгучая боль сиротства.

Со мной работал Василий Тимофеевич Ткач, украинец, тоже приехавший из Карачая. До этого он у нас в области был шахтером 11-й шахты. Мы с ним приехали в одном эшелоне в Москву. Видя, что я одна, Василий меня опекал, защищал. Хороший, спокойный человек... Коль суждено существовать, надо было как-то устраивать жизнь. И вышла я за земляка замуж. Родила троих детей. Они меня крепко связали с жизнью. Муж как начал работать в 1942 году электриком на авиазаводе, так и трудился там до конца своей жизни.

– А когда умер Василий Тимофеевич?

– Пять лет назад. Как я сказала, дети стали смыслом моей жизни, оставила работу, пять лет занималась только их воспитанием. Когда они встали на ноги, решила вернуться в школу. После войны в Тушино, в воинских частях, которые поднимали разрушенный город, открывались вечерние школы. В одной из таких школ начала работать и заодно поступила на двухгодичные учительские курсы им. Н.К. Крупской, потом заочно закончила Педагогический институт.

Как-то к нам в часть пришла комиссия Министерства обороны. Наш замполит Леонид Васильевич Агарков привел мне новых солдат и сказал, что они новые ученики. Эти «новые» неделю

ходили на мои занятия, а потом выяснилось, что это были передетые члены комиссии.

После их отъезда в газете «Красная Звезда» была опубликована обо мне статья.

– Не сохранился этот номер?

– Нет, доченька. Кто мог подумать, что эта газета когда-нибудь кому-то понадобится, – говорит Фатима. – Даже не помню, какой это был год. Года три назад упала и ударилась головой, и память совсем ослабла. Это, должно быть, начало 60-х годов. После публикации этой статьи позвонили из редакции и говорят мне: «Вас ищет брат. Если позволите, дадим ему ваш адрес».

– Мой брат?! Не осталось у меня брата. Мой народ был депортирован и уничтожен. Какой брат? Не знаю... – отвечаю им.

– Он тоже Темирджанов, военный служащий, уверены, что вы ему сестра!

– Меня ищет брат!

Буквально через два-три дня после этого я поехала, не помню зачем, в ГУМ. Иду по второму этажу и слышу – на чистом карачаевском языке мужской голос громко говорит:

– Мама, я не найду, как туда пройти!

– Как не найдешь? – удивленно спрашивает женский голос.

Меня как будто током ударило. Увидела юношу 17–18 лет недалеко от себя, а около фонтана внизу стояла женщина, которую я быстро нашла глазами. И она меня заметила... Я была в таком состоянии, что женщина с сыном пошли меня провожать, с ними была еще одна ногайка. Я, конечно, их не отпустила, и они остались ночевать, и всю ночь эта женщина рассказывала мне о том, что пришлось пережить нашему народу. Мы обе плакали. И в ту ночь мне стало впервые стыдно, что я еще жива и считала себя самой несчастной. Да, я очень тосковала по родным, по земле, где родилась, но меня в Москве никто не унижал, никто не издевался, я была свободным человеком, могла учиться...

В ту ночь родилась мечта, появилась надежда, что когда-нибудь найду кого-либо из родных и очень захотелось поверить, что

этот Темирджанов мой родственник. Кстати, к нам его привел тот самый Агарков. Он привел его, не предупредив меня. Только успели поздороваться, как тот молодой солдатик воскликнул:

– Это моя сестра! Это моя сестра! Это моя сестра!

Казалось, он забыл все слова, кроме этих.

– Мое сердце такое не выдержит, – сказал замполит и ушел, а я почему-то убежала на кухню. Соседи мои пригласили Казбека (так звали солдата) в дом. А я стою на кухне, ноги стали как свинцовые. Меня взяли соседки за руки и подвели к Казбеку... к моему двоюродному брату. Когда я уезжала, он был еще пацаном. А теперь – взрослый парень, совсем изменился, а меня он запомнил и сразу узнал.

После этого военные журналисты написали в газете о нашей встрече с Казбеком.

Представь себе: он служил совсем рядом, в соседней части, а я этого не знала. Мы могли встретиться на полгода раньше. После он заходил к нам часто, и я его с радостью встречала, угощала, отдавала ему всю любовь тосковавшей по родным души...

– Расскажите, пожалуйста, о первой поездке на Кавказ после стольких лет разлуки.

– Первый раз я поехала на Кавказ с семнадцатилетним сыном Колей. Доехали мы до конечной остановки поезда, до Усть-Джегуты. Когда из окна вагона увидела нашу Кубань, из глаз брызнули слезы, долго не могла успокоиться. Я безмолвно плакала, слезы не успевала вытирать. Одна совершенно не знакомая мне женщина, увидев мое состояние, спросила: «Дочка, на родине давно не была?» Как она догадалась, я не знаю: может от тоски по Родине именно так и плачется...

Меня встречали родственники, которых известил Казбек. Они меня сразу узнали. Я еще долго не могла успокоиться, продолжала плакать и в родном ауле Каменномостском. Видимо, нужно было выплакать всю боль, которая собралась за эти двадцать с лишним лет разлуки с родиной. К тому же я не застала многих дорогих мне людей: кто погиб на фронте, кто в годы

ссылки умер. Было о ком и о чем плакать. Не застала в живых бабушку, бесконечно дорогого мне дядю, маминого брата Ибрагима Джашаккуева. Жена его Уллучукъ, растеряв своих детей во время выселения, от горя была уже не в себе. Одна ее дочь, после возвращения нашего народа на Кавказ, приезжала, узнала дом, где они жили, но мать свою не признала, ведь ничего не осталось от той Уллучукъ, да и сама она не потянулась к ней, не приласкала. Она жила с женой брата, хотя ее дом и сохранился. Горе отняло у нее и разум, и красоту, и здоровье, и материнское чувство. Когда ее спросила, как она могла отпустить дочь, которая нашлась, она равнодушно ответила: «Не знаю, она признала все, но меня не узнала».

Из своих родственников я нашла трех братьев и единственную сестру Тамару. Родственники по материнской и по отцовской линии отдельно в честь меня устроили вечера. В тот день, когда мы собрались у Темирджановых, было большое застолье. Первый тост подняли за моего мужа Васю. Его благодарили за то, что он меня сохранил живой и здоровой, и объявили, что он впредь самый почетный зять Темирджановых. Мне тоже дали рюмку в руки. «Покажи, что ты рада нашей встрече!» – сказали мне. Тогда я взяла слово и, стараясь говорить на чистом карачаевском языке, сказала: «Где бы и как бы я не жила, я всегда поступала так, как меня учили предки. Меня не учили пить водку, и я никогда этого не делала. А если вам хочется посмотреть на меня опьяневшую, дайте стакан кубанской воды. Я двадцать пять лет тосковала по этой воде, выпив ее, я опьянею больше, чем от водки», – и передала рюмку тамаде. Он ее выпил, а мне дали стакан кубанской воды и под звуки старинной горской мелодии я выпила эту святую для всех нас воду, которая течет из сердца Эльбруса. Сразу после этого вышел в круг тамада, и я впервые за последние двадцать пять лет, пьяная от счастья, пошла танцевать. Вспомнились мне мои ансамбли, вспомнились горские праздники, вспомнилось, что есть на свете счастье... Во время танца была такая легкость в

теле, что сама себе казалась такой стройной, юной горянкой. Казалось, что сердце мое тает, как свеча. Не Коле моему, а мне было 17 лет в тот момент. Действительно, я опьянела от кубанской воды, окрылилась.

Земля, где ты родился... Нет ничего, что можно с ней сравнить. Она, как и жизнь, дарованная нам, одна, как и жизнь, бесценна. После того как впервые за долгие годы разлуки побывала в Каменномостве, каждый новый год начинала с мысли, что вряд ли до его конца останусь жить в Москве. И так прошло еще двадцать пять лет. Полвека живу я здесь, как в гостях.

Да, пятьдесят лет – в гостях.

Самое страшное и горькое в жизни – это подрезанные корни. Депортация моего народа подрезала их и мне. А я не хочу лишать корней своих детей. Они родились в Москве, выросли тут. Они москвичи. Они не меньше моего любят мой народ. Они носят мою фамилию, а не отцовскую. Не потому, что я их об этом просила. Это была идея дочери, потом и ребята ее поддержали. Старшая сноха – карачаевка.

Сыновья – музыканты. Ведь в Карачае нет человека, который не поет, не любит музыку, в них заговорила моя кровь. А дочь пошла по моим стопам, тоже педагог. Внуков у меня восемь. Не знаю, как внуки решат, а дети мои считают себя кавказцами, карачаевцами. А я... Земля моя – там, душа – тоже, а тело мое – с детьми. Что делать, дети мои тут пустили корни. Пока жива, буду с ними.

– Скажите, а на каком языке вы думаете? – задала я Фатиме последний свой вопрос.

– На обоих, – ответила она мне.

И мне подумалось: видимо, когда она думает о земле, где родилась, о молодости, проведенной в своем горном селении, о милых сердцу людях – родственниках, о своем народе, думает наверняка на карачаевском языке. Познавший прелесть, вкус родного языка не может думать о сокровенном на другом языке. Язык сердца – это родной язык...

«НА ПРАЗДНИЧНЫЙ МИТИНГ ПРИШЛИ В ЧЕРНЫХ ПЛАТКАХ...»

Лейла Аджиева теперь, как и перед ссылкой, живет в городе Карачаевске. Правда, он тогда назывался Микоян-Шахар. Она не захотела говорить о себе и попросила:

– Дочка, будет лучше, если я расскажу о тех, кто в те годы встретился на моем пути и помогал сохранить веру в добро.

Перед тем как дать ей слово, хочу сказать, что она, как и многие девушки, оказавшиеся во время выселения вне дома, разлучилась с родителями, и пришлось многое пережить, прежде чем найти их. Она тогда работала корректором в областной газете, а родители жили в Верхней Теберде. О предстоящей беде ей стало известно в полночь.

– Эта была страшная ночь, – рассказывает Лейла. – Всю ночь через наш городок шли автомашины, и от их фар было светло, как днем. Они уходили в наши горные ущелья, чтобы затопить их в людских слезах. Меня в полночь вызвали в редакцию. Первым, кого я встретила там, это был наш бухгалтер по фамилии Шапера. Он выдал мне зарплату, потом посоветовал обязательно взять с собой много карандашей и бумаги и сам предложил их мне...

Весь наш коллектив был в сборе, затем мы попрощались и разошлись по домам. Мы с подругой до утра простояли у окна и плакали. Беда всегда приходит неожиданно. Мы не готовились к ней, а жили в те дни подготовкой к празднованию 7 ноября. У меня везде были заказы – сапожник шил мне две пары туфель, в промкомбинате – платья, а знакомой армянке заказала связать жакет. Утром нам дали два часа на сборы, и я первым делом побежала к сапожнику. Он не стал со мной даже говорить, перед носом закрыл двери и ушел, хотя я заплатила ему все за заказ ранее. Оказывается, уже можно было с нами обращаться как угодно. В промкомбинате тоже дали не все, и я вернулась в квартиру. Собирать было нечего, я не у себя дома жила, взяла что было. Знакомый парень, Осман Текеев, тоже жил на квартире. Он только что

вернулся из командировки и вообще отказался что-либо брать с собой. Мы с подругой заставили его взять хоть что-то, а было топленое масло в небольшой кастрюльке. Почему я это запомнила, скажу после.

Самое жуткое было то, что с раннего утра на весь город из репродукторов разносилась песня «Прощай, любимый город». Плакали все. Я не знаю, кто крутил снова и снова эту пластинку и с какой целью, но эта песня только усугубляла наше горе.

Мы сидели уже в машинах. Смотрю, армянка, которой я заказала кофту, кого-то судорожно ищет. Она искала меня, и найдя, вернула мои шерстяные нитки, 75 рублей и извинилась, что не успела связать жакет. Эти нитки мне потом оченьгодились. Когда стало нечего есть, я вязала из них детские носочки и продавала. Так спасалась от голодной смерти.

При отправке нам вслед плакали старики-осетины. Когда проезжали черкесское село Хумара, увидели: на бугре у дороги стоит группа людей. Оказалось, что они вышли обменивать хлеб на какие-либо вещи. Осман, мой спутник, как узнал об этом, в такую ярость пришел, что выхватил свою кастрюлю с маслом и бросил ее прямо им на головы. Было, конечно, очень неприятно. Так неприятно, что и до сих пор помню, но что делать – разные бывают люди...

В Баталпашинске Осман пошел искать тебердинцев и не вернулся. Так мы друг друга потеряли, я его больше не видела. С подругой Марзият мы попали в село Амангельди, это в Свердловском районе Казахстана. Нас, бездомных, пригласил к себе домой юноша лет 17-ти. Дома оказались его мать и сестра (его отец и брат были на фронте), хорошие оказались люди, помогли немного прийти в себя. Их соседи приходили и смотрели на нас через окно. От испуга они нам показались очень страшными.

А однажды пришел к нам казах лет 26–27, немой. Он дал понять, что хочет нам помочь разыскать своих, что должен прибыть новый эшелон. Если мы ему дадим фотокарточки вместе с фамилиями и именами, то, быть может, среди вновь прибывших ока-

жутся те, кого мы ищем. Как он ни пытался нам помочь, все было тщетно. Но мы были ему благодарны!

Через полгода я узнала, где мои родственники. По пути в Киргизию много было такого, о чем больно вспоминать. Но я не об этом хочу сказать.

Когда уже прибыла в Беловодск (это в Киргизии), где, как мне сказали, живут мои родители, я стала их искать. Целый день крутилась около МТС в надежде от кого-нибудь узнать адрес своих. Не встретила ни с кем, кто бы их знал. Вечером пришлось вернуться на вокзал. Но оказалось, что в 12 часов ночи вокзал закрывался, и меня выгнали на улицу. Я пошла в полночь по селу искать себе ночлег. Стала стучаться в двери, где еще горел свет. Узнав, что я из ссыльных, люди сразу накидывали крючки на своих дверях. Шла, шла, вышла на окраину села и вижу поодаль огонек, направилась туда. Это оказалась сторожевая будка. Сторож – русский старичок с белой бородой до пояса. Открыл двери, пригласил войти. Угостил чаем из самовара, а я вытащила масло. Это все, что у меня было. Немного пришла в себя. Потом предложила ему отдохнуть, а я, мол, покараулю. «Нет, – говорит он, – я тебя сейчас отведу к своей старухе».

Когда его жена меня увидела, ахнула, так ей стало меня жаль. Обхаживала меня, как свою дочь. Когда я отказалась от ужина, все равно заставила выпить горячий чай и постелила мне на русской печи. Я легла на теплую, мягкую постель и почувствовала, будто я таю, растворяюсь в этом блаженстве, но сон пропал, и я при всей моей усталости не могла заснуть. Под утро пришли мужчина в военной форме и женщина и еще одна пара. Вернулись они с какой-то вечеринки, веселые, смеются. Сели ужинать. Тогда хозяйка дома им говорит: «Тише вы, отец привел такую красавицу, она там спит». Они тут же решили посмотреть на меня, приподняли занавеску, увидели меня «спящую» и спрашивают у матери: «Она цыганка? Действительно красивая!»

Утром собралась уходить, вижу, обувь моя стоит на печи сухая. Эта бабушка позаботилась о ней. Она же заставила хорошо

поеть, и мы с ней попрощались. Вышел проводить меня и ее сын в военной форме. Именно в тот день я нашла своих...

Для многих спецпереселенцев День Победы прошел без праздника. Мало кто из опрошенных мог вспомнить, что он делал 9 Мая 1945 года. А Лейла Аджиева так рассказывает об этом знаменательном дне:

Был митинг, посвященный Победе. Нас, подружек, которые работали вместе, было пятеро. Мы не договаривались, но все пришли на митинг в черных шелковых шالях. Начальник строительства Виталий Лещенко, увидев нас в этих шالях, выразил свое недоумение: «Что, не радуетесь Победе, почему так пришли?» Мы ему ответили: «Радуетесь мы, очень рады, но не настолько, чтобы забыть о нашем горе». Я думаю, нас можно было понять.

Безусловно, спецпереселенцы тоже радовались Победе, но горе – голод, смерть, унижения, бесправие – мечом висело над их головами, и они не могли с ним справиться. А радость – это крылья, это высоко поднятая голова, веселый смех, это сытый ребенок... Всего этого не было. В жизни спецпереселенцев того периода не было места для радости, она не вписывалась в их жизнь, она стала для них чужой и далекой.

– В то время, – вспоминает Лейла, – хотя обзаводились семьями, но свадьбы, как положено, никто не справлял. Только лет через 10 начали играть настоящие карачаевские свадьбы.

А мои родные с собой привезли гармонику сестренки Зубайды. Отец рассказывал, как солдаты сами просто заставили взять с собой швейную машинку и гармонь. Отец ее несколько раз откладывал обратно, но один из солдат настаивал, говорил, что пригодится. Видимо, он хотел верить, что праздники к нам еще вернуться.

Есть, есть хорошие люди! Сколько их было только на моем пути!

Говорят, что к катящемуся камню мох не пристанет. Так и мы. Выслали из родных мест, превратив нас в нищих, вернули к разграбленным очагам...

Сколько пришлось трудиться, чтобы стать на ноги! Но самое большое богатство каждого народа – это его люди. Оставшиеся в живых делали все что могли, дабы восстановить духовный потенциал народа, его численность. Стали опорой для нас и лучшие люди других народов.

Да, бывшие спецпереселенцы никогда не забудут тех, кто в те годы им протягивал руку помощи. Свидетельство тому рассказы, записанные мной, автором этой книги, в разных аулах Карачая.

Учитель из аула Джегута, отдавший народному образованию 50 лет своей жизни, теперь дедушка, Ойла Боташев вспоминает:

– Я вернулся с фронта раненым как раз в 1943 году, незадолго до высылки. Завучем школы у нас был выпускник Ставропольского педагогического института, биолог Николай Васильевич Красников. Он жил у нас. Я еще был на костылях, но мы на работу ходили вместе. Когда солдаты НКВД 2 ноября 1943 года пришли за нами, Николай Васильевич встал на нашу защиту. Он кричал на них: «Зная, что у этой женщины один сын убит на Ленинградском фронте, другой вернулся инвалидом, как вы можете требовать от нее покинуть свой дом?! Она и мне мать! Буду живым, не позволю свершиться такому бесправию! За что им такое наказание? Вы хоть понимаете, что вы делаете?! Разве вы люди?!» – кричал он.

Этот «монолог» закончился тем, что обученные солдаты связали Николая Васильевича и бросили на пол. Все равно он продолжал доказывать, что они насильники. Когда нас уводили, его надрывный голос, переходивший в рыдание, еще долго слышался вслед.

После нашей ссылки аул Джегута был заселен русскими, но мой друг не смог там остаться, уехал в Ростов. После возвращения Николай Васильевич приехал к нам, поздравил, больше нас радовался...

Вспоминает Адрахман Темирджанов:

«В 1947 году, когда приезжал в Микоян-Шахар, меня пригласил к себе домой мой бывший учитель (он преподавал русскую

литературу и русский язык в медицинском училище) Дмитрий Иванович Суздальцев. Я остался у них ночевать. В то время принимать опального – был подвиг. Его жена работала секретарем в облысполкоме. Как сказал партийный идеолог Суслов, после выселения карачаевцев была поставлена следующая задача – истребить и дух этого народа. Поэтому уничтожались архивы, книги, растаскивались музейные экспонаты... В те годы эта женщина на чердаке своего дома прятала книгу «Советский Карачай» и, когда мы встретились, подарила ее мне. Как я был рад этому подарку!»

Лейла Аджиева, завершая свои воспоминания, не смогла не рассказать еще об одном человеке, которого помнят и любят многие карачаевцы.

– Если бы не Петр Евгеньевич Агринский, я бы не смогла получить свой диплом, – говорит Лейла, отдавая народному просвещению много лет. – В 1937–1938 годах я училась в педагогическом училище в Микоян-Шахаре. Петр Евгеньевич удивительно чуткий педагог, он к каждому из нас находил индивидуальный подход. «Артистка» – ласково называл он меня.

В те годы многих ребят, сняв с учебы, призывали в армию, а девушек отправляли на работу. Я тоже была одной из таких. Потом война. Депортация. Не сумели мы получить в свое время дипломы. Когда вернулись из ссылки, многие из нас хотели продолжить учебу. Но в архивах наших документов не было – все было уничтожено. Тогда нам посоветовали найти таких людей, кто мог бы подтвердить, что мы в свое время учились в педагогическом училище. Нам сказали, что если сможем заручиться свидетельством Агринского, то наш вопрос о зачислении в педагогическое училище, которое теперь находилось в Черкесске, будет решен.

Я и Шерифа Акбаева стали искать дом Агринского в Черкесске. Нашли. Как обрадовался нашему появлению Петр Евгеньевич! Обнял нас и заплакал, пригласил в дом к себе, угостил чаем, дал свидетельские документы. «Эти горы без вас осиротели, стали на себя непохожими», – говорил он нам. Провожая нас, просил заходить к нему в гости.

Так как я стала часто слышать фамилию Агринского в рассказах моих собеседников, решила, если он еще жив, встретиться с ним, где бы он ни находился. Поиски привели к тому, что мне стало известно о его смерти, еще в 70-е годы. Но мне сказали, что его сын много лет был директором музыкального училища, что он уже на пенсии и живет где-то в Подмоскovie. Нашла его адрес, написала о своем желании узнать как можно больше об его отце, Петре Евгеньевиче Агринском, потому что карачаевцы его хорошо помнят и очень любят, потому что он оставил добрый след после себя в их судьбах.

Владимир Петрович Агринский ответил мне сразу. Это письмо мне хочется привести здесь полностью.

*«Поселок Клязьма Пушкинского района Московской области.
Уважаемая Фатима!*

Письмо Ваше получено в два адреса. Во-первых, спасибо! Когда я увидел на Вашем письме до его вскрытия фамилию и имя отправителя – Байрамукова Фатима, то я подумал, извините, о другом лице. Я почти 8 лет был директором Черкесского музыкального училища, и там в моем штате была тоже Фатима Байрамукова. Правда, она мне стыдливо призналась, что, будучи высланной, ее «переделали» на Фаину. Она – преподаватель, дирижер-хоровик. Есть еще одна знакомая – Байрамукова. Это – Халимат, поэтесса. Она в дни своей юности по каким-то вопросам консультировалась с моим отцом, а вот училась у него или нет, этого я не знаю. Зато твердо могу сказать, что учился у отца в течение ряда лет Баучиев Аубекир. Он и переписывался с отцом. Надеюсь, он жив и здоров. Его квартира рядом с Черкесской центральной почтой. С его братом, Солтаном, я начинал учебу с первого класса в Верхней Теберде и завершал среднее образование на Микоян-Шахарском рабфаке в 1936 году. К сожалению, Солтан погиб в первые же дни войны под Брестом. Но вот Вам еще один, надеюсь, живой товарищ. Может пригодиться. Это – поэт Осман Хубиев. Он тоже учился у отца. Кстати, тоже в одном классе с ним мы кончали рабфак – сидели на последних партах и... и нередко занимались «своим делом» (один – стиха-

ми, другой – шахматами). Да еще и Осман Касаев, впоследствии Герой Советского Союза, тоже учился вместе с нами.

Отец наш привез семью в Карачай в 1928 году. Год преподавал в Верхней Теберде (Микоян-Шахар только начинал строиться, и там еще не было школы). Потом в Микоян-Шахаре – в педучилище, педрабфаке, пединституте. Мне кажется, карачаевцы очень ценили отца. Точно так же и других ему подобных просветителей, например, Нечесова Ефима Афанасьевича или Жарихина Андрея Даниловича. Я нашел их на старых фото, посылаю Вам эти фото, может, Вам пригодятся. Моими лучшими друзьями тоже были карачаевцы, например, Ислам Хубиев и Магомет Узденов. Еще вспомнил Назима Аджиева, он живет в Карачаевске, был преподавателем физвоспитания. А с сыном первого секретаря обкома, Солтаном, мы по очереди провозжали одну и ту же девушку. Понятно, вскоре получили отставку. Отец Солтана – Курман Курджиев. Судьба последнего известна (Курман Курджиев в 1937 году, как и многие передовые люди того времени, был объявлен врагом народа и расстрелян. – Прим. Б. Ф.), а вот о судьбе Солтана я не знаю.

Отношение к выселению карачаевцев у нас в семье всегда было однозначно. Крайняя несправедливость! Следовало наказать тех, кто сотрудничал с фашистами (как и русских, и украинцев и т.п.), а народ не трогать. Вам ошибочно сообщили – отец никогда не сидел в тюрьме. Но выселение карачаевцев тяжело ударило и по нему. Он стал безработным. С большим трудом удалось переехать в Черкесск (это же во время войны!), где нашлась работа в Учительском институте. Но вот там-то он очень и очень помогал карачаевцам. Сотни писем получил от них. И везде просьба: «подтвердите свидетельским показанием, что я там-то учился, то-то окончил». Отец (чаще всего с Жарихиным) шел всегда на встречу. Кто из выселяемых мог в день высылки подумать о документах, об образовании...

Карачаевцев выселяли, когда я был на фронте. Отец не мог из-за цензуры написать об этом прямо. И вдруг я читаю в его письме: «...Горные птицы аланы вынуждены покидать места проживания, ансамбль песни и пляски под гармошку сопровождал это плачущее, жуткое переселение, наш сосед студент-карачаевец уехал с одним лишь матрацем без всяких вещей...».

Я, конечно, все понял. Кстати, я в карачаевском языке имел некоторые успехи. К сожалению, сейчас помнятся только крепкие выражения. Отец, как специалист в области языкознания, знал карачаевский язык, хотя и не в совершенстве. Зато Ефим Афанасьевич Нечесов говорил по-карачаевски, наверное, лучше любого карачаевца.

Вот еще один эпизод. Отца хоронили 13 февраля 1967 года (1890–1967 гг.) на старом еще кладбище. Гроб везли на катафалке. И вдруг навстречу много автобусов и машин из Карачаевска. Соседка по квартире (Первомайская, 41) абазинка Тхохова Джулдуз Муссовна с дрожью говорит: «Смотрите, что делают карачаевцы!» А они сняли гроб с катафалка и на руках несли несколько кварталов до самой могилы. Среди них был, по-моему, и бывший ректор пединститута Кипкеев Къурман. «Я был любимцем у Пети», – это он сказал. Так за кулисами называли отца.

*Фото, если хотите, используйте. Можете их не возвращать.
02.02.90 г.*

*Всего, всего Вам наилучшего! Спасибо, что вызвали воспоминания.
Ваш Владимир Петрович!»*

Смотрю на фотографию Петра Евгеньевича. Сколько доброты излучают его глаза! Да, если бы не тепло сердец вот таких людей, наверное, только от солнца не сумела бы весенняя земля так расцвести. А добрые дела, они не уходят вместе с теми, кто их совершил. Они передаются из поколения в поколение, из уст в уста и со временем ложатся основой прекрасной легенды, которая опять продолжает служить людям, вдохновляя их на добрые поступки...

И еще хочется добавить. В народе говорят, что «друг познается в беде». Это правильно. Но не приведи Господь пережить подобное, чтобы познать друзей, людей добрых, сердечных, милосердных. Дай Бог испытать человеческое добро не через невзгоды, а в дни радости.

Глава шестая

ДЕНЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

«КОГДА ПРИШЛО ВРЕМЯ АРЕСТОВАТЬ ЛОКМАНА...»

Зарема Кипкеева, протягивая мне пожелтевшее от времени письмо с разорванными краями, начала рассказывать о своем дедушке:

– Мой дедушка Локман Чотчаев умер за 10 лет до моего рождения, в 1945 году. Я думала, что знаю о нем много, но оказалось, что нет. Недавно я вернулась из Турции, а мне мои родственники такой сюрприз преподнесли – дали письмо дедушки! Оно написано им в 1926 году, на русском языке! Прочитай!

Я стала читать. Локман приветствовал своего родственника, обращаясь к нему по имени и отчеству (у горцев это не принято, это было уже советское влияние), а после объяснял, кто из его близких жив.

Дальше он писал: «У нас на Кавказе, как тебе известно, занимаются скотоводством. Жизнь протекает благодаря Советской власти благополучно...

Пиши, если возможно, по-русски, ибо турецкая грамота у нас мало развита. Яхья, ты подписал свое письмо Исмаилу Сабанчиеву. Наверно, забыл свою фамилию, твоя фамилия – Теунаев, а Сабанчы – это отец твоего отца...

Я, Локман Чотчаев, тоже передаю тебе салам. Сам тоже состою на службе, хорошо грамотный по-русски. К сему Локман Чотчаев.»

Исцунь протекает впадою в Свет
Сей в асти в асти
Мы в асти тебе в асти картосек
но сейчас кету нулем през асти в асти
дней Смишны и ты в асти Свсро
Грех твой млет в асти по с асти
твое маленьким шорок в асти в асти
и в асти в асти в асти в асти в асти
Ишии земли возаю мю по русским
ибо нурусская граишта в асти
мало развита А в асти ты пас асти
Свое твелью Мел асти Св асти
Наверно задки Свое твелью граишине
твоей граишине Мел асти а
Св асти твелью твелью от асти

Ишии твелью твелью в асти в асти
Св асти твелью твелью в асти в асти
Лом асти в асти в асти в асти
Перед асти твелью Св асти в асти
Св асти твелью твелью в асти в асти
Ишии твелью твелью в асти в асти
К Св асти твелью твелью в асти в асти

Ишии твелью твелью в асти в асти
Св асти твелью твелью в асти в асти
Лом асти в асти в асти в асти
Перед асти твелью Св асти в асти
Св асти твелью твелью в асти в асти
Ишии твелью твелью в асти в асти
К Св асти твелью твелью в асти в асти

Зарема продолжила свой рассказ:

– Отец Гульсар, той самой женщины, которая принесла письмо, в 30-х годах из Турции написал письмо в аул Мара, разыскивая своих родственников, но им пришел ответ по-русски. Не смогли они его прочесть, (письмо пролежало более шестидесяти лет), пока туда не прибыла я, внучка Локмана. Когда мы читали это письмо, мы плакали, настолько оно нас растрогало. История моего дедушки горькая.

Локман Чотчаев действительно был человеком новой Советской власти. С 1918 года он был активным ее проводником. После окончания гимназии он с 1918 по 1922 годы работал в Маре заведующим избой-читальней и вел большую просветительскую работу. Последующие пять лет в Хумаринском округе (ныне Карачаевский район) курировал вопросы хозяйственного земледелия. А в 1927 году был направлен на учебу в Москву. Там он окончил высшую юридическую школу, год стажировался в Москве и вернулся на родину высококвалифицированным юристом.

– Насколько я знаю, на всем Северном Кавказе, кроме Локмана не было члена коллегии Верховного суда страны, – говорит ветеран войны, хорошо знавший его Ислам Чотчаев. – Локман Чотчаев был человеком основательным, коммунистом высшей пробы. Несколько лет он являлся председателем областного суда и очень болезненно реагировал на уже имевшиеся в то время политические перекосы.

– Его очень беспокоили и перегибы коллективизации, – вспоминает о Чотчаеве писательница Аминат Урусова, которая работала с ним в суде, – он как-то поведал мне такую историю: «Видел своими глазами, как у одной семьи забирали в колхоз единственную корову, и женщина горько плакала, глядя ей вслед. Плохо была она одета», – переживал он. Он вставал на защиту тех, кого безосновательно обижали.

Но и он стал жертвой клеветников, прикрывавшихся Советской властью, определивших, кто враг, а кто друг народа.

Два брата Локмана были арестованы без всяких оснований, как кулаки. Брат Джукарт, организовавший ТОЗ в Маре (впоследствии преобразован в колхоз), умер, так и не узнав, за что его арестовали. А когда задумали арестовать Локмана, то не знали, что вменить ему в вину. Поэтому сначала назначили его в 1936 году председателем колхоза, а спустя несколько месяцев обвинили в том, что на небольшом участке не произведена прополка. В 1937 году его арестовали.

Букмин Герюгова, младшая сестра Локмана, вспоминая своих безвинно погубленных шестерых братьев, так рассказывает об этом времени:

– Я поведаю не о том, что я слышала, а о том, чему сама была свидетелем. В 1937 году из Микоян-Шахара на 14-ти крытых грузовиках были вывезены арестованные. Это были лучшие наши люди. Среди них был и Локман. Это произошло как раз в тот момент, когда я подошла к воротам тюрьмы. Увидев происходящее, спряталась и смотрела на все это тайком.

Локман восемь лет провел в тюрьме, но, как известно, неволя этим не закончилась. Освобожденный в 1944 году, он, как и многие, поехал домой. Но, к счастью, его дальше Баталпашинска не пустили. Там его привели к фронтовикам, которых собирались отправлять в Среднюю Азию.

– Мой брат Ляллю тоже был среди них, – вспоминает ветеран войны Ибрагим Байрамуков из аула Новая Джегута. – Ляллю рассказывал о том, как Локман, увидев их, отчаявшихся, голодных, ушел в город, нашел своего старого русского друга и принес всем им еды. Это на него очень похоже. Он был очень мягким человеком, доброты в нем было бесконечно много.

– По приезде в Среднюю Азию его два месяца отхаживала жена брата, пока он немного не пришел в себя, – продолжает свой рассказ его сестра. – Бедные мои братья: Умар без вести пропал в Архангельске, Джукарт, объявленный кулаком, умер в Баяуте. Норий тоже пропал без вести в Средней Азии. Его отправили куда-то рыть канал, он после этого возвращался домой и в Са-

рыгаче зашел со своим попутчиком на базар, чтобы детям кое-что купить, и оттуда оба не вышли. Не были найдены даже тела. Осман «ушел» от нас в 14 лет. А Локман... Он умер в 1945 году от укуса какого-то ядовитого паука...

– Бедный мой дед, – вздыхает Зарема. – Люди, жившие в то время рядом с моими родителями, утверждают, что если бы даже не этот случай, все равно его надолго не хватило бы. Он на глазах таял как свеча, он как будто онемел, не произносил ни слова, умер, потеряв все, без надежды, без мечты, безмолвно.

Мне вспомнилась строка из его письма: «...Благодаря Советской власти благополучно...»

ИСЧЕЗНУВШИЕ СЕЛЕНИЯ

Наверное за 14 лет высылки карачаевцы написали друг другу писем больше, чем за всю свою историю. Не имея возможности свободно передвигаться, ездить друг к другу, искать тех, кого растеряли, спецпереселенцы использовали для общения почту. Но, к сожалению, этих писем сохранилось очень мало. Причина тому невыносимые условия, в которых люди существовали. Кроме этих писем, еще много всего навсегда потеряно, очень дорогого и бесценного.

У меня хранится одно письмо, «пришедшее» из того страшного времени. Его мне передала **Зурум Деккушева**. Его написала в 1955 году Хаджият Хазгериева:

«...Зурум, слезы застилают глаза, и я не могу писать. Узнав, что вы возвращаетесь, очень обрадовалась. Спешите выехать... Где думаете обосноваться? Кто уезжает вместе с вами? Пиши обо всем. Даст Аллах, и счастливо встретимся в столице Карачая и назовем ее городом Карачая...»

(I)

Здравейте ти, мои дорогие
Карсей, Зурци и мамочки,
Привет от Духи Вам всем.
Сообщаю что мы живы и здоровы,
а дадиме что вы пишете о себе.
мое счастье и горе касимам Згада
Биз маджиники, раоки, проводиме время
Зурци джаматадан, джаматадан,
сиде сиде табак, бамама бир кеме
етиме джаматадан, кетиме
газми еттиме бирда бен
мардаме кычандама, кетиме
ноз, Пармаше Ванары, мажине кычандама,
джаматадан. Ибагда тохтарома унут
ебелем? Ибагда кетиме? Кимле табак?
... етими Бил?
Зурци сабытими, джаматадан да Ханды
джам. Лич... 7 ай болуч бир...
... Биледа джаматадан...
... Биледа...

Бог благославил эти слова Хаджият – они обе живут в городе Карачаевске.

Зурум с мужем Зулкарнаем Деккушевым вернулись на Кавказ в 1956 году. От того Микоян-Шахара, который они знали и любили, остались контуры, если можно так сказать. Новые жильцы его не только переименовали в Клухорий, но и превратили в «умирающий» городок.

– Давнишние знакомые русские женщины, когда мы приехали, рассказывали мне о том, что тут вытворяли новые хозяева – волосы дыбом вставали, – вспоминает Зурум. – Да и видно было, как они надругались над нашим любимым городом. Хотя Сталин и Берия им подарили эту землю, она была для них чужой. Они это и доказали. Почти все было разрушено. Остались многоэтажные дома, где они сами жили, а частные дома обворовали, превратили в руины.

Мы возвратились на родину с первой группой. Массовое же возвращение переселенцев было осуществлено в 1957 году. Глядя на то, во что превратили город, думалось: неужели не будет конца нашей трагедии? Единственное, что нас тогда спасло и давало нам силы жить, восстанавливать все разрушенное, была радость возвращения на родную землю.

Наша семья вначале остановилась в Кисловодске. До войны там был наш районный центр. Супруг мой, военный врач, фронтовик, не смог там устроиться на работу даже в качестве фельдшера. И не потому, что не было работы. Нежелательно было возвращение бывших ссыльных в этот курортный город. Делать было нечего, пришлось уехать в бывший Микоян-Шахар (а тогда он назывался Клухорий, потом – Карачаевск). Муж устроился заведующим районным отделом здравоохранения. В нынешней нашей квартире жил грузин, на место которого назначили моего супруга. Этот человек вынудил нас возместить ему затраты за три оконные рамы, доски на подоконнике и старый стол, который он, видимо, где-то подобрал. Он нам заявил, что если мы за все это не уплатим 200 рублей, то он квартиру не освободит. Пришлось дать ему деньги. Это было такое время, когда законы не действовали, к тому же перед выездом у спецпереселенцев взяли расписки, что они свои дома и

имущество не будут требовать обратно. Некому было нас защитить. Сейчас об этом никто не говорит. Всем моим родственникам свои дома пришлось выкупить.

О «нашем» грузине рассказывали, что всегда в его доме было много народу, что он часто устраивал праздники, что все время пьянствовали и танцевали, поэтому на полу вокруг стола была стерта краска.

Мало того, что присвоили добро, оставшееся после нас, после возвращения под разными предлогами выудили из нас все деньги, заработанные в ссылке. Ведь многие возвращались ни с чем, не сумев продать свои дома, бросали их и уезжали, таким пришлось взять ссуду уже здесь, на Кавказе. Когда грузины уезжали, забрали все, даже собак грузили в самолеты...

Все перетерпели. Превозмочь все эти унижения, бесправие помогли нам высота наших гор, хрустальные волны наших рек, чистый воздух и красота наших ущелий...

Слушая рассказ Зурум, я вспомнила декабриста Бестужева. Помните, как он писал в «Письме к доктору Эрману»:

«Кто видел Кавказ... тот может умереть, не завидуя Швейцарии. Вдали, как исполинские волны застывшего океана, встали горы над горами, увенченные алмазной пеною снегов; угрюмо, как минувшие столетия, висели надо мной громады, и над ними сверкал снежный Перун, готовый низринуться от жаркого луча солнца, от крыла ветра. Далеко под стопами моими бродили облака, подобаясь стадам золоторунных овец.

Какой переход от края, где нет роз, ни соловья. Я упивался зрением... Я любовался Казбеком, на ледяных раменах которого отдыхали облака, ненаглядной цепью опаловидных гор и голыми утесами ущелья – все было так мирно кругом, все, кроме кровавого человека...»

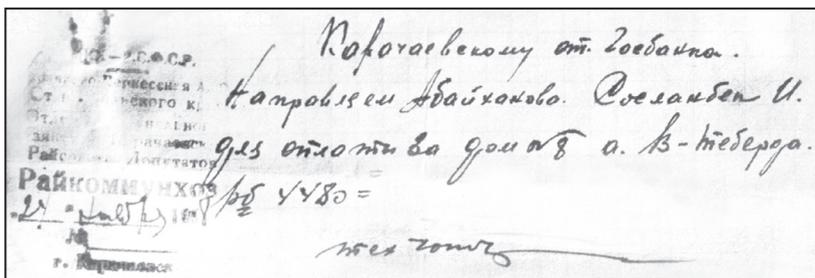
Да... именно кровавый человек сделал этих людей ссыльными и несчастными.

Но вернемся к воспоминаниям очевидцев. Они в этой главе будут рассказывать о том, в каком состоянии была их малая, по-

руганная родина. Эта уже другая страница той трагедии, которая называется депортацией.

Вспоминает **Сосланбек Абайханов** из Верхней Теберды:

– Когда мы вернулись, в нашем доме жила некая Голополова. Она не собиралась уезжать, потому не захотела и продавать нам наш же дом. Пока ее уговаривали, пришлось с пятью малыми детьми до самой глубокой осени полгода ютиться под навесом. А в Теберде, как сами знаете, и летом очень холодные ночи. По-няв, что мы от нее не отстанем, ибо нам некуда идти, она наш дом уступила нам за 4480 рублей.

Типовой договор

О продаже в рассрочку гражданам вновь построенных или из существующего жилищного фонда одно- и двухэтажных домов с числом комнат от 1 до 5 включительно.

1995 года, город, поселок, село 13402433 - Жеззоз

наименование предприятия, строительства, учреждения

в исполком местного Совета депутатов трудящихся
 в лице Боткина Усманова Шотабала Шотабаевича
 фамилия, имя, отчество, должность

действующий на основании Доверенности от 31.05.1982 №5-35
 устава положения или доверенности, в

последнем случае указать № и дату выдачи доверенности

именуем мы в дальнейшем „продавец“, с одной стороны
 и Аббасжанов Сасанбек Уарисович
 фамилия, имя, отчество покупателя, а при наличии нескольких

покупателей фамилия, имена и отчества всех их

именуем мы в дальнейшем „покупатель“, с другой стороны, заключили
 следующий договор купли — продажи:

1. „Продавец“ продал, а „Покупатель“ купил жилой дом Деревянный
Двух этажей и четыре комнат
 в городе, поселке, селе 13402433 - Жеззоз по _____ улице
 № 8 расположенный на земельном участке размером _____

2. Указанный жилой дом продается за четыре тысячи четыреста
восемьдесят рублей, каковая сумма уплачивается
 „Покупателем“ следующим образом _____
 _____ рублей наличными деньгами, которые вносятся покупателем
 при заключении договора Карахасевиной Айденемиш
Товарищу доход бюджетный
 _____ прованцу, если продается
 _____ выстроенный дом для продажи, в доход бюджета — если продается

и _____ дом из существующего жилищного фонда.

и _____ рублей в рассрочку в течение _____
 _____ лет.

В обеспечение суммы — рассрочной _____ и _____
 _____ „Покупатель“ выдает одновременно с заключением настоящего договора обязательство на имя _____ банка о погашении
 этой суммы в течение _____ лет равными частями по _____
 _____ рублей в месяц.

3. В течение одного года со дня заключения договора купли — продажи дома, выстроенного
 предприятием, строительством или учреждением для продажи, „Покупатель“ может заявить претензии
 или об обнаруженных недостатках и недоброкачественности строительных материалов. Если правильность
 этих претензий будет подтверждена комиссией в составе представителей „Продавца“ местного
 органа коммунального (жилищного) хозяйства и „Покупателя“, то „Продавец“ обязан устранить
 выявленные недостатки за свой счет и своими средствами в срок, установленный комиссией.

4. Озеленение и благоустройство участка, установка ограды и устройство тротуаров в пределах
 участка, уход и содержание в надлежащем порядке как участка, так и прилегающих к нему

троуаров и проездов, а так же присоединение к уличным сетям водопровода, канализации, электросетям, газовым и другим сетям производится „Покупателем“ за его счет.

5. „Покупатель“ обязан:

- производить необходимый ремонт дома; ~~обязательно все технические, санитарные, противопожарные и другие правила жилищно-домовладельца;~~
- сохранять на участке и по фасаду участка все зеленые насаждения, за исключением подлежащих переносу или вырубке на основании письменного разрешения соответствующих органов местного Совета депутатов трудящихся, а так же производить на участке по установленному местным Советом плану посадку зеленых насаждений;
- вносить платежи по обязательному страхованию и уплачивать все налоги и сборы по дому и участку;
- не производить перестройку дома и не возводить на участке новых строений без разрешения продавца и соответствующих органов местного Совета депутатов трудящихся.

6. Право собственности на дом „Покупатель“ приобретает после полного погашения платежей банку по выданному обязательству (п. 2 настоящего договора).

7. До полного погашения платежей банку по выданному обязательству и приобретения права собственности на дом „Покупатель“ имеет право передать все свои права и обязанности по настоящему договору другому лицу с согласия „Продавца“.

8. В случае неуплаты „Покупателем“ банку двух очередных взносов по обязательству „Продавец“ предъявляет к „Покупателю“ в суде иск о расторжении настоящего договора и возмещении причиненных убытков, а в отношении домов, выстроенных для продажи — так же и о выселении „Покупателя“ из дома.

В случае расторжения договора сумма, подлежащая возврату „Покупателю“ устанавливается судом, исходя из того что „Покупатель“ имеет право на возврат платежей, внесенных им по настоящему договору и по обязательству, выданному банку, за вычетом сумм, соответствующей установленной квартирной плате, за время проживания в доме, и сумм причитающихся с „Покупателя“ возмещение причиненных им убытков.

9. В случае смерти „Покупателя“ все права и обязанности по настоящему договору переходят к его наследникам.

10. Расходы по настоящему договору производятся за счет „Покупателя“.

11. Договор подлежит обязательному удостоверению в нотариальном порядке и регистрации в отделе коммунального хозяйства исполкома местного Совета депутатов трудящихся или в поселковом Совете депутатов трудящихся, по принадлежности.

12. Настоящий договор составлен в трех экземплярах, из которых первый остается в делах нотариальной конторы, второй выдается „Покупателю“, третий „Продавцу“.

Юридические адреса сторон:

„Продавец“ Кар. г-р. Абт. обл. в. Караганский район № 03

„Покупатель“ Кар. г-р. Абт. обл. Караганского района с Вост.-Зисбурга

Подписи: Зотков Абашаюкова

13. Января 1954 г. Настоящий договор нотариально удостоверен мной Секретарь С/совета государственным нотариусом _____

_____ нотариальной конторы от имени Зисбург-Зисбурга Караганского района Кар. г-р. Абт. обл. Ставрлинского Край

Договор подписан сторонами в моем, нотариуса, присутствии собственноручно. Самоличность, правоспособность и дееспособность покупателя, а так же правоспособность продавца и самоличность и полномочия его представителя проверены.

Высказано сорок пять руб. госпошлины

По реестру № 3 _____ экземпляра три

Договор должен быть под страхом его недействительности представлен для регистрации в отделе коммунального хозяйства исполкома местного Совета депутатов трудящихся или в поселковом Совете по принадлежности.

Секретарь и начальник
Нотариус
Сельсовета

– А почему мучились так долго, тем более с детьми – почему не купили другой дом?

– В Верхней Теберде, – говорит Сосланбек, – из 860 домов, оставленных нами, сохранились только 146 домов. Остальные дома были разрушены, и как стройматериал (кровельное железо, лес) проданы жителям Невинномысска. Это первая причина. Вторая причина: этот дом был нашим родовым местом. Здание клуба, которое стоит стенка к стенке с нашим домом, тоже было построено моим отцом. Его, как тогда говорили, отобрала Советская власть, как у кулака. После нашего изгнания к клубу сделали пристройку в шесть метров.

– Его грузины строили?

– Да. Они строили ее из надгробных плит. Привезли их с нашего кладбища, положили эти гладкие плиты вместо опор для балок. Есть они и в стенах, в фундаменте. Чтобы не было заметно, обмазали глиной.

– А как это потом выяснилось?

– Как-то в трещины фундамента зашли куры и стали там нестись. Пришлось снять несколько досок с пола и залезть в подполье. Смотрю, там все заложено надгробными плитами! Мы, как приехали, сразу пошли к могилам своих родственников на кладбище. Оно было вспахано, поэтому не смогли поклониться праху своих близких. Но до этого дня, пока я не залез под пол, мы не знали, куда исчезли надгробные камни. Сами же грузины, которые не успели выехать до нашего прибытия (они не все были безбожниками, способными надругаться над могилами, и, я уверена, первыми уехали те, на чьей совести были эти кощунства)... рассказывали, что когда перепахивали кладбище, ударила молния. И тогда они поняли, что прогневили Бога. Не стали там ничего выращивать, посадили деревья, но и они не прижились. Тогда стали там пасти скот. Вокруг ограждение, удобно было это им делать.

– А с надгробиями как вы поступили?

– Перевезли на кладбище, на вспаханном кладбище трудно было найти могилы своих близких, но они там и стоят. Для новых

могил эту часть кладбища не используем...

Да, первые три года возвращения, с 1956 по 1959, никак не назовешь годами только радости, скорее это был период новых испытаний, испытаний на любовь, на терпение, на прощение...

– По возвращении мы в нашем ауле не увидели ни одного фруктового дерева, – вспоминает односельчанин Сосланбека Энвер Байчоров. – В «Саду Таурия», так мы его называли, фруктовых деревьев было около ста. Хоть бы одно осталось! Новые жильцы Верхней Теберды не утруждали себя заготовкой дров к зиме, не сочли необходимым ходить за ними в лес, которым покрыты склоны наших гор, они пустили на дрова дома из срубов, все деревянные строения, фруктовые деревья. Не желая освоить новые места под огороды и сады, вспахали сельское кладбище. Но вездесю есть. Тот горе-пахарь вскоре после того, как вспахал это святое место, не просто умер, он сначала сошел с ума. Это мне рассказывал Сергей Папасири, у которого я купил дом своего дяди по матери за 13700 рублей.

Вот что я вам еще расскажу. После возвращения из Средней Азии меня назначили заведующим клубом, – продолжает Энвер. – Через какое-то время он загорелся. Во время ремонта под обугленными досками пола на сцене мы увидели надгробный памятник Хауа Байрамкуловой, дочери Мырзабека.

И вот недавно решили превратить старое здание клуба в ковровый цех, началась реконструкция здания, и – опять эти надгробные плиты. В местах, где отваливалась штукатурка, можно было увидеть арабскую вязь на мусульманских памятниках.

Трудно передать, в какое состояние мы впали, когда все это увидели. Грузины продолжали разрушать дома, чтобы продавать на стройматериалы. К моменту нашего приезда ломали дом Азамата Текеева.

– Что, даже при вас они позволяли себе такое?

– Мы приехали раньше других, не могли ждать организованного возвращения. Как получили право на выезд, своими силами решили уехать. Так вот, посмотрим, как они ломают дом, тут моя

сестра Разият, вне себя от возмущения, выхватила огромную палку и пошла на грузина. Он быстро слез с крыши, а брат Сослан к последней машине, на которой уезжали грузины, привязал большую старую метлу: мол, выметайтесь отсюда. Уехали, разворовав все наши ценности и разрушив дома...

Совет-Джан Кипкеева очень тяжело вспоминает впечатления от вида города Теберды того периода, когда она только вернулась. Этот уголок земли для нее – земной рай, где гнездятся орлы, это единственное местечко, где течет Живая вода, где сам воздух врачует, где... Она о каждой скале, о каждой тропе в горах знает легенды. Здесь вершины гор подпирают собою небесный свод, а сосны, стараясь дотянуться до седых вершин, растут и растут. Здесь мать пела ей колыбельные песни.

– В нашем доме жил человек по фамилии Жмоткин. Он нам не разрешил ступить ногой во двор. Временно остановились у знакомых. Когда проходили мимо нашего дома, он со двора кричал: «Проходите быстро, не заглядывайте сюда!». Мама никак не могла смириться с тем, что мы не можем зайти в свой дом. И она сильно заболела. Мы думали, что она уже не жилец. Единственным ее спасением был дом, в котором она прожила много лет счастливо со своим мужем, моим отцом. Дом, в котором я, единственная ее дочь, родилась, где были гостями многие тогдашние знаменитости Советского Союза, – рассказывает Совет-Джан.

– Сумели забрать свой дом у этого Жмоткина?

– Супруг мой, видя, что мама может умереть, пришел к нему и сказал: «Или по-хорошему продаешь, получаешь деньги и уезжаешь, или я на тебя найду управу». Мародер, столько добра он там натащил, семь грузовиков ему понадобилось, чтобы вывезти все награбленное добро. Только одних «Зингеров» – швейных машин, сепараторов было по нескольку штук. Ему, имевшему столько добра, не хотелось, конечно, все это терять. За наш дом он взял 8 тысяч рублей...

Ущелье Большого Карачая. Жителям этого ущелья тоже есть

о чем рассказать. Самые старинные карачаевские аулы – Къарт Джурт, Хурзук, Учкулан – расположены здесь. Они были до войны очень густо заселены. Это Родина Карчи, легендарного родоначальника нашего малочисленного, но гордого народа. И это понимал декабрист Бестужев, который писал: «О, люблю я горы, там только чувствует человек, что он свободен и преданный для защиты, для своего бытия даже... он ценит себя и гордо смотрит в лицо каждого, гордо попирает утесы, ибо каждый шаг по ним он купил опасностью... природа – мать и любовница моя, она меня вознаградила за скуку. Я глядел на нее и сердце таяло, я забывался, я расплывался душой по божьему свету, не помня света и зол, его населяющих...» Это Родина Карчи, о народе которого другой декабрист Якубович писал так: «Народ свободный, храбрый, трудолюбивый, отличные стрелки из ружей. Скотоводством предпочтительно занимаются. Самая природа своими красотами и ужасами возвышает дух сих горцев, внушает любовь к славе, презрение к жизни и порождает благороднейшие страсти...»

Возвращаясь к нашей главной теме, нужно сказать, что в Большом Карачае или, как его еще называют, в Учкуланском ущелье, находятся три аула: Хурзук, Учкулан и Къарт Джурт. Вот что рассказал о том периоде, который нас интересует, директор Учкуланской средней школы **Сосланбек Джанибеков**:

– До выселения в Учкулане было четыре тысячи дворов. После возвращения целыми застали лишь 200 домов. Те, у кого были разрушены дома, не смогли здесь обосноваться. Были, видимо, чисто психологические и материальные причины, не стали здесь вновь отстраиваться. Поэтому мало сейчас здесь живет людей. Знаете, есть среди нас такие, которые всю жизнь занимаются только тем, что строятся. Есть такие, которые четыре раза строили для своей семьи дома. У кого-то насильно отбирали, других обстоятельства вынуждали оставить все и уехать. Вернулся, а дома нет. Сначала поставил временку, но семья большая, надо опять строиться. Человек на протяжении всей жизни не ел, не одевался нормально,

все, что зарабатывал, уходило на строительство домов.

В родной аул с чужбины я возвращался один. Не мог себя заставить переночевать где-то, дожидаться утра и приехать на следующий день. Приехал ночью, и сердце мое жалось в комок – я не узнал родного аула. Даже в темноте я понял, что остались от него «рожки да ножки». Он был разграблен и разрушен. Некоторые кварталы аула были превращены в груды камней. Проданы железо, лес, и все, что можно было вывезти, исчезло. Если бы можно было продать эти камни, то и их бы не оставили. Оказывается, каждый квартал аула принадлежал какому-то одному свану, когда они тут жили. И каждый что делал?! В одном доме жил сам, другой превращал в сарай, а остальные дома разрушал, продавал в виде леса, жести, стройматериала.

– Как вы думаете, новые хозяева, кроме разборки домов и их продажи, еще чем-нибудь занимались? В Карачаевском районе (ведь этот район был передан Грузии) везде рассказывают о том же, что и вы. Или это была для них единственная работа?

– Знаете, это не так просто – разбирать сотни, тысячи домов, находить себе покупателей, – горько усмехается Сосланбек. – Видите, на той стороне реки груды камней, они все от разрушенных строений. Этим камням покупателей не нашлось! Половина населения аула жила на той стороне. Это родовые фамилии: Дотдаевы, Байчоровы, Семеновы, Шидаковы, Батдыевы, Эриккеновы, Долаевы, Текеевы, Тамбиевы, Каппушевы... Тяжко смотреть на эти груды камней. Они лежат памятником четырнадцати годам нашей боли.

Я попросила Сосланбека рассказать о доме местного жителя Османа Бостанова. Об этом большом (9х13 метров) особняке я слышала от нашего известного ученого-историка Ибрагима Шаманова. Он говорил, что это здание построено из могильных плит.

– Гости наши, – усмехнулся Джанибеков, – разрушившие более тысячи домов, построили в нашем селении вот этот один особняк. А строил его грузин, он был агрономом. Насчет стен

не знаю, но своими глазами видел, ступени лестницы дома были сделаны из могильных плит...

Мы с моим собеседником постучались к Бостановым. Осман пригласил нас в дом, но мы не стали заходить, попросили рассказать о том, что ему известно по интересующему нас вопросу. Его дом стоит против старого кладбища, и двор отделяется от него низкой каменной оградой.

– Пьяные грузины, выясняя от безделья, кто из них самый меткий, стреляли с этого двора в надгробные памятники, как по мишеням. Если подойти поближе, то увидите очень много обстреленных камней. А надгробный камень Адрахмана Джанибекова от множества пуль треснул пополам, – рассказал Осман, а потом и показал это. Действительно, раненых камней на этом старом кладбище много. Не зря безымянный поэт-изгнанник писал:

*Не в добрый путь вышел мой народ,
Каких невзгод он стал началом!
Души родной тут не остается,
Кому же поручить наши могилы?*

Без особой охоты говорил Осман и о своем доме. Видимо, его смущает, что живет он в доме, который сельчане как-то не очень приняли душой. Он сам из Дуута, до выселения это было цветущее село, теперь одно из мертвых селений в одном из красивейших уголков республики, в Дуутском ущелье Большого Карачая. Видимо, из учкуланцев никто не захотел жить в этом доме, потому, наверное, он и достался ему, дуутцу.

Разглядывая дом с фасада, я вдруг увидела гладкий камень с арабской вязью. Он, заметив мое замешательство, поспешил объяснить, что это камень от бывших ворот мечети, что к нему привязывали лошадей. Безусловно, этот старик, прошедший через огонь войны и изгнание, ни в чем не виноват. А человек, построивший этот особняк, пусть ответит перед Богом. Видимо, он планировал в нем прожить свой век, да жизнь по-другому рас-

порядилась.

В тот день, обойдя дом со всех сторон, я думала: «Купить бы его у Бостанова, создать бы здесь музей, в котором рассказывалось бы и о том времени Учкулана, когда он назывался Маднехеви...»

Кисловодчанка **Роза Узденова**, вспоминая 1956 год, поведала о другом ауле этого ущелья – о Хурзуке.

– Мы, несколько молодых семей, не дожидаясь грузовых поездов, предоставляемых государством, на пять-шесть месяцев раньше остальных вернулись на Кавказ. Мы добирались на пассажирских поездах. Остановились в Хурзуке. Грузины еще не успели уехать. Потому перезимовали вместе. Не понравился им наш преждевременный приезд, видимо, были на то причины. А когда стали собираться, они откопали из могил своих умерших и вместе с нажитым в Карачае добром забрали их с собой. Почему они так сделали, я думаю, понятно. Во что они превратили наши кладбища! Я не буду об этом говорить, потому что это очень тяжело вспоминать.

– Много грустного рассказывала нам чета Данашевых, – продолжает Роза. – Они карачаевцы, но фамилия у них не карачаевская, поэтому они не подверглись изгнанию и все годы депортации оставались жить в Хурзуке. «Каждой грузинской семье досталось по несколько подворьев, – рассказывали Данашевы. – Грузину, который занял дом Тохтара Касаева, досталось в долю и здание мечети. В один из дней я увидел, что он ломает мечеть, дабы продать доски. До вечера он очень усердно занимался этим, а утром следующего дня прибежал к нам и говорит: «Ночью вышел во двор, смотрю, горит минарет мечети. Подумал, что кто-то поджег, прибежал, смотрю – а там нет пожара и все на месте. Понял, что мне почудилось, вернулся к себе во двор, оглянулся, опять горит минарет! Так испугался, что всю ночь не спал. Что за странности, Солтан?» – спросил он меня. Я ответил, что Бог его предостерегает от богохульства, предупреждает. В этой мечети столько молитв прочитано. Если он не прекратит ее разрушать, Бог его покарает.

– Этот «огонь» напомнил тем богохульникам, что Он есть,

что Карачай вернется в свое гнездо, что эта мечеть откроет свои двери верующим в Него, что она будет им нужна, – закончила свой рассказ Роза Узденова.

Я где-то читала, что в период смуты, оказавшись между жизнью и смертью, человек проявляет свою суть полностью: честный человек остается таким же, трус становится предателем, подлец становится палачом.

Среди тех, кто прошел через перевал в Хурзук и переименовал его в Зедваке, были и честные люди, и предатели, и палачи.

Хурзукчане, как и многие бывшие изгнанники, упивались радостью возвращения пока ехали, пока были в пути, пока шли в свои дома. Потом эта радость была омрачена. Причин было немало, одна из них: ужасные случаи, когда в своих подвалах стали находить человеческие скелеты.

– Это были кости солдат, вернувшихся с войны. Много было таких, которые не зная о депортации, возвращались к своим родным очагам, – говорит **Боташева Зурият**, уроженка Хурзука. – Было бы лучше, если бы они свою смерть нашли на поле боя, от пуль фашистов, чем вот такая бесславная смерть. Тогда бы их заживо не замуровали в подвалах, а похоронили бы в братских могилах. Каково было фронтовикам, вернувшимся с войны живыми, умереть мученической смертью в подвалах собственных домов?!

После встречи с Зурият я в одной из школ города Усть-Джегуты видела стенд, посвященный Герою Советского Союза хурзукчанину Осману Касаеву. Там была такая справка: из Хурзука на фронт ушло 850 человек, из них 350 погибли на фронтах Великой Отечественной войны, 300 человек вернулись, 150 солдат пропали без вести.

Прочитала это и подумала: те 150 солдат, которые пропали без вести, неужели это они замурованы в подвалах? На этот вопрос, хоть косвенно, но стал ответом рассказ другой женщины, жительницы села Терезе, что в Малом Карачае. Зовут ее **Кеписхан Чомаева**. Она поведала о своем муже Махамете Гочияеве та-

кую историю:

– Его арестовали в 1937 году. Через четыре года я от него получила письмо из Кемеровской области. В тот день как раз началась война. Потом оккупация, затем высылка... Через все пришлось пройти. Когда вернулись в свой аул, женщина, жившая в нашем доме, не стала даже разговаривать с нами. Просили ее продать дом, а она ни в какую. Что было делать, уехали в Гум, стали там жить. Прошло два года, услышали, что она кому-то продала наш дом и уехала. Племянники мои по моей просьбе купили наш дом у нового хозяина, он не стал сопротивляться, уступил его нам. Дом был небольшой, захотели расшириться и потому, не трогая его, рядом решили сделать пристройку и начали копать фундамент.

Был воскресный день, я возвращалась с базара. Смотрю, у нашего дома – толпа, крики, плач. Подбежала. Моя дочь была беременна первым ребенком и вот-вот должна была родить, я подумала, может с ней что-то стряслось. Нет. Оказалось, строители, копая яму для фундамента, наткнулись на какой-то бункер. Как раз на том месте, где та женщина держала большого пса. В этой закрытой яме в сидячем положении в военной форме с медалью на гимнастерке находился солдат. Поперек скелета лежала большая палка, которая рассыпалась при прикосновении. Остались только кости и полуистлевшая одежда.

Дочь моя поняла, что это ее отец, собрала в охапку его кости и, как выжившая из ума, не ведая, что делает, бросалась из стороны в сторону. Загубила она в тот день свое сердечко. Кости эти забрали якобы на экспертизу и медаль тоже взяли, чтобы определить по номеру, кому ее вручали, но нам ничего о выясненных результатах не сообщили.

Не стали мы никого теревить. Да и что бы это дало? Но поняли, что нашего родственника заживо замуровали в подвале собственного дома, после того, как он прошел и тюрьму, и войну. Очень тяжело жить, зная это.

Разве все что пережито, объяснишь словами?!

Встреча с **Нюр-Ахматом Джуккаевым** произвела на меня неизгладимое впечатление. Это было 4 сентября 1988 года в Хурзуке, около его дома. Он был немногословен и, как бы показывая, что разговор будет кратким, не пригласил домой.

То, что произошло с ним, является уникальным фактом. Такого второго случая никто не знает. Поэтому мне очень хотелось поговорить с ним. Но мне это удалось с трудом. В день высылки он вместе со старшим братом Пахатом был на высокогорных пастбищах. Так случилось, что даже длинные руки НКВД не дотянулись до них. И остались они в горах на все 14 лет. Им было о чем рассказать, знали много такого, что другие не могли даже предположить.

В моей памяти остался необычный облик этого сгорбленного старого человека с огромными, как лопаты, кистями рук и потухшим взглядом. Хотя было довольно жарко, в тот день на нем были ватные брюки и телогрейка. А рассказал он вот что:

– Мой брат, увидев из леса, как «новые хозяева» богохульствуют на кладбище, выстрелил дважды из ружья. После второго выстрела они покинули кладбище.

– А почему вы не появлялись на людях? Как вы могли все эти годы оставаться в лесу? – спросила я.

– Поверь, сестра, не от хорошей жизни мы провели столько лет в лесу, как дикие звери. Все нас пугало – шорох листвы, грохот сорвавшегося со скалы камня, свист птиц. В первое время после изгнания наших за каждую карачаевскую голову органами НКВД было обещано вознаграждение в две тысячи рублей. А когда «бандитских голов» стало больше (ребята с фронта стали возвращаться), цены спустили до одной тысячи. Появились охотники за этими головами. Тогда ходил такой рассказ, что какие-то два брата из пришлых передали органам 118 «бандитских голов». На самом деле это были головы фронтовиков, возвращающихся домой. Зная это, мы не могли вернуться в наш аул. Глупо было бы так бесславно умереть...

О самих братьях Джуккаевых более полно поведала мне ба-

бушка **Лиза Гочияева:**

– После нашего возвращения они вышли из леса. И Пахат обошел всех своих родственников, хотел всех увидеть. Был и у нас в селе Знаменке. Он рассказывал, что все эти годы они одевались и обувались в шкуры. Долгое время скитались по лесам, жили под открытым небом, потому что было опасно ставить где-то шалаш, долго оставаться на одном месте. Сваны днем и ночью бродили по окрестным горам и лесам в поисках «бандитской головы». И братья Джуккаевы, подобно горным козлам, взбирались по уступам склонов на вершины гор и прятались там.

Бабушка Лиза вспоминала руки Пахата с болью: «Здоровые, как лопаты, руки с ногтями, более похожими на когти животного. Еще бы, чем только не пришлось быть этим рукам: и топором, и молотком, и посудой, и подушкой, и всем. Пахат не мог ложиться на спину. Как-то зимой, когда запасы подходили к концу, Нюр-Ахмат ушел один на охоту. Пахат, оставшись один, потянулся за мясом, которое было припасено на самый крайний случай. Оно висело на скале. В этот момент сорвался камень, ударил Пахату в поясницу, отчего он получил перелом. Тем временем снежный обвал преградил Нюр-Ахмату путь обратно. Так они потеряли друг друга на полгода и жили врозь. Как говорят, беда одна не приходит. После этого, говорил Пахат, они ни на минуту не разлучались, всегда ходили вместе. Ютились в горах Балкарии, ближе к источникам нарзана.

Все это было. Основная часть вернувшегося населения с весны до осени 1957 года жили на фермах, в кошарах, в шалашах, под навесами, но вблизи своих разоренных очагов. И строились. Ставили временки и очень торопились, чтобы к осени своих детей собрать под крыши. Сначала делали саманы, все – вручную.

Известный писатель и поэт, автор романа «Четырнадцать лет» Халимат Байрамукова в своем стихотворении «Отеческий дом» о тех днях, полных радости и боли, пишет:

Бураны тебя заматали зимой,

*весна пригревала приветно.
Травинки на крыше твоей земляной
качались от горного ветра.*

*Ах, где ты, мой старый отеческий дом?!
Издревле знакомый с бедою –
ты крепко держался, отеческий дом,
покуда мы были с тобою.*

*Недуг стариковский тебя не точил,
очаг твой – седой и священный –
спокойно дымился. И вдруг разлучил
нас вихрь морозный, военный.*

*Я долго скиталась в далеком краю,
и прежней вернулась тропою, –
и вот – над мощами твоими стою...
Я плача стою над тобою.*

Бывшие спецпереселенцы не пошли к соседям, которые радушно приглашали в свои дома, предоставляли свои жилища. И этим вызвали недовольство братьев-соседей.

– Мы, узнав, что карачаевцы возвращаются, освобождали часть своих домов для них. Радовались, встретили с распростертыми объятиями, а они не захотели прийти ни в ногайские, ни в абазинские, ни в черкесские аулы. Вернувшись в свои разрушенные аулы, разместились где попало и стали кое-как строить себе жилища, – выразила свое недоумение одна ногайка.

Она, да и многие другие, не понимали одного: народ, который прозябал столько лет на чужой стороне, не мог себе позволить после всего пережитого, теперь у себя на родной земле быть опять чьим-то, пусть даже желанным, кунаком. Не мог. Ему хотелось быть у себя дома, пусть даже от него остались одни руины. Пять тысяч дней он был чьим-то «нежеланным гостем», он устал от это-

го, ему надо было исцелить уставшую от боли душу, и от этого нет другого лекарства, кроме тепла родного очага. Многие этого не понимали, удивляясь «гордыне» бывших спецпереселенцев. Но не их вина, что их действия были восприняты именно так.

В республиканском архиве сохранились документы, где зафиксировано имущество, оставшееся от депортированного народа. Но, пролистав акты, составленные в 1943–1948 годах, я поняла, что они далеко не соответствуют истине.

В актах не отражено, что этот народ занимался животновод-

А К Т

19. Ноябрь 1943 года село г. Кисловодск
 Мы нижеподписавшиеся комиссия по населенному пункту г. Кисловодск
 района, в лице уполномоченного

Исполкома Ставропольского Крайсовета т. Максименко
 Крайземотдела т. Зайца
 Крайуполнаркомзага т. Свердлов
 Крайзаготскот т. Мирошницкино
 Треста Совхозов т. _____
 Крайфинотдела т. Сукманов

Составили настоящий акт в том, что после переселения гражд-на Кубанова
У. Тебердзиевский 17 колхозника, единоличника, рабочего, служащего
 (подчеркнуть)
 осталось следующие имущество и ценности:

I. Постройки и сооружения

№ п. п.	Название построек и сооружений	Количество	Оценочная стоимость	ПРИМЕЧАНИЕ
1	Жилой дом <u>с 5 комнатами</u>	1	20700	
2	Сарай <u>каменный</u>	1	20.000	
3	Амбар - - - - -			
4	Навесы - - - - -			
5				
6				
7				
8				
9				

II. Сельскохозяйственный и прочий мелкий хозяйственный инвентарь			
№№ п. п.	НАИМЕНОВАНИЕ	Количество	Оценочная стоимость
1	Палки копыте	-	
2	Борозды -	-	
3	Веялки -	-	
4	Ходы линейки -	-	
5	Арбы, двуколки -	-	
6			
7			
8			
9			
10			
11			

III. Рабочий скот, крупный рогатый скот, овцы, козы, птица, свиньи и пчелы			
№№ п. п.	НАЗВАНИЕ	Количество	Оценочная стоимость
1	Лошадь -	-	
2	Волы -	-	
3	Водики -	-	
4	Коровы -	-	
5	Молодняк -	-	
6	Овцы -	-	
7	Козы -	-	
8	Ослы -	-	
9	Птица -	-	
10	Пчелы -	-	
11			

IV. Грубые корма			
№№ п. п.	Наименование кормов	Количество	Оценочная стоимость
1	Сено -	-	
2	Солома -	-	
3	Силос -	-	
4			

V. Сельхозпродукты			
№№ п. п.	Наименование	Количество	Оценочная стоимость
1	Пшеница -	-	
2	Кукуруза -	-	
3	Прочие зерновые -	-	
4	Подсолнух -	-	
5	Мясо -	-	
6	Картофель -	-	
7			
8			
9			
10			
11			

VI. Домашние вещи и утварь			
№№ п. п.	Наименование	Количество	Оценочная стоимость
1	Швейн. маш.	2	420.
2	Моб. ради.	28	905.
3	Домаш. утв.	124	305
4	Домаш. вещи	5	25
5	Корич. утв.	10	16.
6			
7			

Означенное в акте имущество и ценности даны на ответственное хранение Склад 4
Варварга по акту № 50. Сельхоз № 2 издуч.

Уполномоченный исполкома Крайсовета _____
 КОМИССИЯ: " Крайлимодела _____
 " Крайфинотдела _____
 " Крайуполнархозмага _____
 " Краевой Конторой Заготсоюз _____
 " Итм Советов _____

ством, что он депортировался осенью, а значит, в его подворьях должны были быть домашний скот и заготовленное на зиму зерно, другие припасы...

Например, имущество сел Джегутинского ущелья описали в 13 томах. Эти тома составлены в 1947 году в ноябре, то есть через четыре года, к четвертой годовщине депортации. Зачем и кому это было нужно? К этому времени села были полностью разграблены. Самое удивительное, что согласно этим актам, в четырех селах Джегуты не было дома, который оценили бы выше 500 рублей. Но и такая цена редкость, в основном дома оценивались по 100 рублей. А после возвращения бывшие спецпереселенцы купили свои же некогда «сторублевые» дома, отдавая за них по шесть, восемь, десять тысяч рублей.

Удивляет и тот факт, что, судя по описи, в доме каждого джегутинца стояла только одна кровать (а ведь семьи в основном были многодетные), а стола и другой мебели вообще не было. И не все семьи имели коров, только овец не пожалели горе-летописцы – каждая семья имела, как отмечено в актах, от трех до пяти овец.

Короче говоря, по этим актам можно составить портрет нищего народа, что совершенно не соответствовало действительности.

Завершая эту главу, необходимо вспомнить о тех горных селениях, которые исчезли с лица земли нашей республики. Это **Джеганас**, рассказ о жителях которого начинает эту книгу, потом **Дуут**, **Джазлык**, **Схауат**, **Къызыл Карачай**... К ним не вернулись их жители после депортации. Почему? Точный ответ дать сложно. Может быть потому, что некому было. Наверняка, их осталось так мало, что они не смогли возродить свои села и разбрелись по другим аулам, где обосновались их родственники. До войны Схауат насчитывал более 500 дворов. Это было одно из самых богатых карачаевских селений. Располагался он на хорошем месте, в Малом Карачае. В настоящее время начали его возрождать, открыли начальную школу. Но пока он производит впечатление мертвого города: полуразрушенные дома, остатки фундаментов, заросшие бурьяном улицы.

Не могла навести справки о том, сколько семей было выслано

Сводная ведомость
На имущество спец. переселенцу по гур. (Исходная)

№ п/п	Фамилия имя и отч.	Всего книг		лица		всего		Всего	Итого	Итого	Итого											
		под списку																				
1	Павлов А.	200	100	1	526	-	-	1	250	-	2	75	1	97	6	19						
2	Угрюмов И.	300	240	1	330	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-						
3	Медведев А.	400	320	3	1290	1	300	-	-	-	-	-	-	-	-	-						
4	Васильев Л.	300	240	1	630	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-						
5	Мухомов В.	250	200	1	480	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	175	12	84			
6	Чумаев А.	300	240	1	450	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	120	3	18	-			
7	Ванданов Н.	400	320	1	480	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	97	-	-	-			
8	Чумаев Н.	200	160	1	480	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	50	5	80	2	14	
9	Самоев С.	150	120	1	555	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
10	Бурманов Ф.	500	400	1	600	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
11	Мухомов А.	600	480	1	450	-	-	2	500	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
12	Кубарев М.	15	12	1	445	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
13	Бурманов М.	100	80	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
14	Сережов А.	250	200	2	915	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
15	Израев С.	150	120	1	420	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
16	Безобразов	500	400	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
17	Кубарев С.	400	320	1	600	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
18	Самоев М.	1000	800	1	540	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
		567	452	10	5590	1	300	3	740	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

из Дуута и Джазлыка. Но из переписи 1913 года известно, что в Дууте тогда жили 124 семьи или 846 человек, в Джазлыке – 199 семей или 1304 человек. В природном отношении это были самые красивые аулы. А теперь они лежат в руинах, как укор насилию.

– В Дууте и сегодня стоит восьмиугольное строение XVIII века, – рассказывает профессор-историк Къази Танаевич Лайпанов. – Оно принадлежало Акбаевым. Джазлык и Дуут – места курортные. В Дууте перед войной проживало около 160 семей.

Когда думаешь об исчезнувших селлах, то невольно приходишь к мысли о том, что есть и фамилии, которые исчезли, роды, которые некому было продолжить.

Возвращаясь к тому, с чего начинали эту главу – к нашим селениям – хочу еще выразить такую мысль: выселение уничтожило не только депортированных, изменило не только их «портрет». Оно загубило души и тех, кто приказал свершить этот суд, и тех, кто исполнял это с усердием.

Еще считаю своим долгом сказать о том, что мы не можем быть манкуртами и обязаны знать свою историю. Мы обязаны помнить те трагические для нашего народа годы, мы должны знать и не забывать о том, что наши родители в то время, когда потеряли землю, на которой родились, больше всего боялись, что их дети, вырастая в условиях унижения, насилия, не потеряли бы Бога в душе. И они делали все, чтобы этого не случилось, потому что понимали, что это было бы гибелью для народа. Этот народ во все времена был силен, прежде всего своими нравственными устоями, верой в добро. Это все я говорю поколению, которое сейчас подрастает, то есть тем, кто родился уже на земле предков, и говорю затем, чтобы предостеречь от нелюбви к какому бы то ни было народу, выходцами из которого были наши подневольные палачи. Но, думаю, их уже нет среди нас. Если даже кто-то жив, он стар и слаб: годам, судьбе и смерти мы все подвластны. Плохих народов не бывает. И над всеми народами одно Небо, у всех одна Земля.

Если прав писатель Г. Фрейтаг, утверждавший, что в серд-

це каждого человека маленький портрет его народа, то как изменился он у тех, кто пережил депортацию?! Безусловно, теперь он другой. Все замечают, что у народа нашего нет былой радости. Посмотрите, как проходят наши торжества. Они превратились в застолья. Мало стало гармонистов, певцов. Зачастую, даже под хмельком, мало кто осмелится и станцевать.

А каким веселым был наш народ до войны, до ссылки! Таковы и сейчас наши братья-соседи. Народ наш разучился превращать свадьбы, другие хорошие события в праздники, как это было раньше.

Забота о дне завтрашнем обернулась для многих кнутом, который заставляет забывать обо всем другом. Многие не могут уже остановиться и подумать о том, что надо бы пожить по-человечески сегодня, что не дай Бог, может, для него не наступит завтра.

Страх... Вирус страха загнан так глубоко, что он стал передаваться по наследству. Избавиться от этого вируса – дело не одного поколения. Он изменил, исказил портрет народа, но, надеюсь, не навсегда, и нашему народу хватит сил вернуться к своим истокам и идти вместе с другими народами в будущее.

Погибшие в период ссылки – это горькая память народа. Вирус страха, подорванный генофонд, украденные и присвоенные кем-то, а значит, навсегда исчезнувшие предметы материальной культуры, сожженные архивы, библиотеки, обесцененный нравственный потенциал – это наш сегодняшний день. И здесь вспоминаются строки поэта М. Волошина, в которых говорится о том, что он плачет не о тех, кто ушел (умер), а о тех, кому предстоит долго и трудно жить.

Вспоминается рассказ художника Муссы Абайханова о том, как во время одной из поездок в Среднюю Азию по местам поселений спецпереселенцев на встретившейся ему надгробной плите он прочитал слова: «Аллах, спаси мой народ!» Эту надпись рядом с именем ушедшей из жизни молодой своей дочери высек на камне спецпоселенец Гочияев (имя неизвестно).

ПЕРВАЯ КАРАЧАЕВСКАЯ СВАДЬБА

В своем дневнике я записала: «На чужбине первая карачаевская свадьба...»

Чья это была свадьба? Когда это было? Узнать!»

Должно было пройти долгих четыре года, прежде чем мне стало известно, что это была свадьба моих родителей.

Сегодня 6 декабря 1989 года. Прошло ровно 46 лет с того дня, как Ибрагим Унухович Байрамуков и Софья Османовна Байкулова, мои родители, справили свадьбу. 46 лет! Значит, это было в декабре 1943 года. Если сказать иначе, то это на 14-й день по прибытии на место ссылки.

Хотя мама сегодня стесняется, что в те трагические для всех дни она создавала семью (ей тогда было 16 лет), я, оглядываясь назад, это событие оцениваю совсем по-другому. Если в те роковые для ее народа дни, когда было отнято все – и родина, и дом, и имущество, и прошлое, и настоящее, и счастье – они соединили свои судьбы, то это было знаком небес, что они свое будущее никому не отдадут. Я так расцениваю эту свадьбу. Они показали, что карачаевский народ невозможно поставить на колени, что будут создаваться новые семьи, будут расти новые поколения, что народ сумеет сохранить свое лицо, свои корни, свой язык... Конечно, это не была та горская свадьба, которая сопровождалась танцами, песнями, застольями и продолжалась три дня и три ночи. Нет. Но все же это была свадьба.

Мне пришлось долго уговаривать родителей, прежде чем они согласились рассказать об этом. Воспитавшие девятерых детей и прожившие долгую совместную жизнь отец и мать с трудом начали рассказ о своей свадьбе. Их смущала я, дочь, ибо у горцев не принято рассказывать своим детям о личном.

– Еще не наступил роковой для спецпереселенцев 1944 год, – вспоминает мама. – Какая тебе свадьба! И врагу не пожелаешь такой свадьбы, без веселья, без своих близких. Но, как говорят у

нас, рядом с человеком человек не умирает. То есть все, кто оказался рядом – знакомые, незнакомые – постарались нашу свадьбу превратить в праздник, насколько в тех условиях это было возможно. Только приехали, прошло всего 14 дней, еще не закончились крохи запасов, что сумели взять с собой, деньги кое-какие были. Он, ваш будущий отец, купил одного барана и другую какую мог снедь для свадебного стола. Застолье было скромное.

– Что-нибудь было сделано по нашим обычаям? Гости со стороны невесты, ты в подвенечной своей шали, традиционные обряды?.. Гармошка, танцы, песня? Ну, как должно быть на свадьбе!

– Какие танцы, доченька! Люди от шока не оправились. Хлеб свой не могли проглотить без слез. А отец ваш был депортирован отдельно от матери, две снохи с детьми были с ним, братья его были на фронте. Мои родственники, его снохи, соседи наши были на свадьбе. На этой свадьбе больше всего было пожеланий добрых, искренних...

Я, глядя на жизнь моих родителей, думая об их судьбе, убеждаюсь в том, что добрые пожелания, прозвучавшие в тот далекий декабрьский вечер, почти все исполнились. Мне кажется, им пожелали долгой счастливой жизни и много детей.

Я думаю, меня никто не осудит, если одну из глав этой книги я посвящу своим родителям – Ибрагиму Байрамукову и его жене Софье. Их тоже не пощадила депортация. Мне кажется, они выжили и живы до сих пор потому, что тогда встретились и стали друг для друга опорой.

– В самом начале, когда еще не знал, где моя мать, если бы рядом не было человека, который меня как-то поддерживал, я бы долго не протянул, умер бы от разрыва сердца, – утверждает отец.

Ссылка была для него не первой, но самой тяжелой раной. С чего же начать? О чем рассказать?!

Не о том ли, что он, призывник 1939 года, участвовал в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, завершив срок службы, собирался демобилизоваться, когда началась Вели-

кая Отечественная война, и, в то время оказавшись на границе с Польшей, принял со своими товарищами первые удары фашистов?! Или о том, как, попав в немецкое окружение в болотах Белоруссии, несколько дней без пищи стоял в воде, обгаренной кровью погибших от немецких пуль товарищей?!

Он был одним из семерых, кому посчастливилось выйти живым из этого окружения. Потом долгие месяцы провел он в госпиталях Белгорода, Сочи, Краснодара и Микоян-Шахара.

Тема этой книги обязывает рассказывать больше о ссылке, потому попросим их вспомнить именно это. Тем более отец был одним из тех, кто попал под неофициальный приказ, по которому уже в 1942 году представителей будущих спецпереселенцев не призывали на фронт. Моего отца, после выздоровления, по неизвестным ему причинам не отправили на фронт.

– В 1943 году население области, испытав на себе все ужасы оккупации, с большим энтузиазмом работало для фронта, – вспоминает отец. – Той осенью, как никогда ранее, был собран богатый урожай. Хызыр Хыбыртов, житель аула Мара, радостно констатируя этот факт, вдруг сказал: «Позволит ли Аллах нам воспользоваться этим добром?» Его предчувствия оправдались. Это добро досталось не нам, вырастившим его.

В то утро, когда выселяли, мой отец был в ауле Дзегута. Он туда приехал накануне. Привез зерно на мельницу и должен был вернуться с мукой на Прирезки. Так называли полевой стан, где трудилась и жила вся работоспособная карачаевская молодежь. В настоящее время это пашни Прикубанского района. А в те годы все колхозы имели там участки.

На рассвете, как и все карачаевцы, отец, вчерашний фронтовик, вдруг стал подневольным. Солдаты, которые осуществляли этот зверский акт, особенно были жестки в тех домах, где были мужчины.

– Я не успел натянуть на себя брюки, когда они ворвались в дом брата, где я остановился в ту ночь. Брюки вырвали у меня из рук, обыскали карманы, забрали ножик. «Я фронтовик и не

позволю со мной так обращаться», – сказал я им. Посмотрев мои документы, они немного успокоились и объяснили, что «нас, карачаевцев, переселяют в равнинные районы по приказу Совета Министров страны». Разрешили взять все, что можно, да и сами помогли. Мне нечего было брать, кроме зерна, которое привез на мельницу, я был в гостях. А сноха взяла, что было. Сама молоденькая, дети совсем маленькие, муж на фронте.

А мать с сестрой жили в Маре. Муж сестры тоже был на фронте, и у нее на руках четверо детей...

В Джегуте всех вывели из собственных домов и согнали на кладбище. Не знаю, как и кто решился на это чудовищное решение. Было понятно только одно – вокруг кладбища каменное ограждение, и конвоирам легче нас охранять. Уже там дали понять, что мы для них никто. Никак не забуду: нас в тот день не смогли вывести из аула и мы ночевали под открытым небом, недалеко от него, прямо на кладбище. Помню, девушки группами, по 3–4 человека, вышли за ограду, видимо, хотели пойти по личной нужде, тут солдаты, угрожая им автоматами, вернули обратно, а один кричал: «Не хотели же нас слушать!»

Эту ночь, со второго на третье ноября 1943 года, мои будущие отец и мать (тогда они еще не знали друг друга) провели рядом на кладбище. Первая ночь выселения – на кладбище. Это был зловещий знак для всех переселенцев. Какая это была ночь!

До утра был слышен вой собак. Этот вой и могильная тишина сводили людей с ума. Казалось, что сами могильные камни плачут. Да, все это было. В ту ночь было нарушено спокойствие мертвых. В ту ночь впервые живые, оказавшись у могил, плакали не об усопших, а стонали о собственных своих душах...

В отличие от тех, кто выселял, домашние животные тонко чувствовали душевное состояние этих людей. Над аулом стоял «стон» животных: коровы жалобно мычали, лошади отчаянно ржали, овцы блеяли, как будто потеряли своих ягнят. А кошки и собаки превратили этот протест животных в горький плач, слышать который было нестерпимо больно.

– В то утро, когда нас выводили, самое горькое, пожалуй, было то, что не успели мы покинуть наши дома, как их присвоили новоявленные хозяева. Хорошо помню, как одна женщина заняла наш дом. Она вошла, спокойно окинула все взглядом. Сняла пальто, повесила его на вешалку, взяла ведра и пошла за водой. Мы еще были в доме. Было все предусмотрено, чтобы сделать нам как можно больнее. А я не взяла ни одежды, ни свои украшения, ни еду, прежде всего приготовила в дорогу фотографии своих близких, – вспоминает мама. – Младшая сестренка Мариям тоже вышла в дорогу не с пустыми руками – она взяла с собой свою куклу...

Люди ехали не умирать, никто не хотел забыть свой вчерашний день. Люди не собирались отказаться от Бога, родного языка, от своих песен, сказок, от мечты, веры в добро. Они тогда еще не могли предположить, что ностальгия – это смертельная болезнь...

«Къалмукъ Хапаева из Нижней Мары в день выселения взяла с собой свирель сына Мухтара, который был на фронте» (Аскер Кочкаров).

«Когда все старались взять с собой побольше еды, моя мать взяла свой Коран» (Билял Лайпанов).

«Мама, думая, что скоро вернемся, замкнула свой дом и ключи от дома увезла с собой в Среднюю Азию» (Сослан Байчоров).

А моя мама с того рокового дня еще запомнила такой эпизод:

– В то утро к нам пришли четверо военных. Среди них была одна девушка. Они требовали, чтобы мы вообще ничего не брали с собой, были очень грубы. Мама хотела взять ковер, но они не разрешили. Тогда она побежала к сундуку, где хранилось мое приданое. Оттолкнув маму от сундука, девушка в военной форме сама стала сортировать вещи. То, что ей нравилось, она откладывала в сторону, а остальное бросала на пол. В сундуке лежал совершенно новый костюм, сшитый для меня на заказ. Мама не давала его носить – хранила для особого случая. И когда девушка достала этот костюм и стала рассматривать, я не выдержала, выхватила его из ее рук и, плача, сказала: «Это мой костюм!» Видимо,

я была в таком состоянии, что она не решилась потребовать его обратно. А остальное они распределили по своему усмотрению: лучшее присвоили, остальное досталось нам. Так мое приданое, которое так тщательно собирала моя мамочка (у меня уже давно не было отца) досталось мародерам в военной форме...

И еще меня по сей день удивляет то, что когда военные остановились в нашем ауле и прожили у нас чуть ли не месяц, пошел слух, что будут нас выселять, но хоть бы кто насторожился, испугался, задумался. Нет. Или мы такой наивный народ, или, когда за собой не чувствуешь никакой вины, и в голову не приходит опасаться!

У карачаевцев есть пословица: «Бойся не того врага, который на тебя идет открыто, опасайся скрытого врага». Но когда скрытый враг – само государство, в котором ты родился и живешь, то трудно в это поверить и принять это. Поэтому так много у карачаевцев песен-плачей. А в одной из них есть такая строка: «Моя страна напала на мой народ».

На ум приходят многочисленные карачаевские пословицы и поговорки о родине, об отчизне, о земле отцов. Вот некоторые из них: «Отчизна – золотая колыбель», «Кто не любит свою Отчизну, тот не будет любить и отца родного», «Кто защитит Отчизну, тот возвысится, кто не защитит – унижится», «Отчизна дороже отцовского дома», «Нет земли лучше Отчизны, нет аула лучше, чем тот, в котором ты родился».

– Мама, вернемся к началу нашего разговора. Где и когда ты увидела в первый раз отца? – спросила ее.

– Ну зачем тебе это?

– Отец говорил, что ты его заметила по пути в Среднюю Азию. Мама, это же твоя судьба. И не твоя вина, что человека, с которым проживешь много лет, увидела не на празднике, не на каком-то вечере, а в самые тяжелые для всего нашего народа дни, среди стона и горя...

– Поезд изредка останавливался, и в это время народ выходил из душных вагонов, чтобы набрать воды, подышать свежим

Здесь не будет лишним вспомнить, что отец мой в те трагические годы так самоотверженно трудился, что был удостоен медали «За трудовую доблесть».

Как бы трудно не было в первый год депортации, главной болью отца оставалась мать, и любой ценой ему надо была найти ее и сестру с детьми. Мать, у которой четверо сыновей ушли на фронт, была депортирована и от голода и унижений где-то в чужом краю могла умереть. Ему, бывшему фронтовику с недолеченными ранами, эта мысль была невыносима. Целый год не было весточки от них. Когда узнал, что они должны быть где-то в районе Пахта-Арала, решил все бросить и поехать за ними. Но не тут-то было. Комендант категорически отказался выдать разрешение на поездку. Видя, что фронтовик все равно не останется от него, он в залог потребовал воинские документы. Что было делать, получив взамен документов разрешение на выезд, Ибрагим уехал за родственниками.

– Я вышел из поезда на станции Сыр-Дарья, хотя не знал, куда дальше ехать, – вспоминает он. – Смотрю, большая толпа. Голодные люди стояли за молоком. В той толкотне купить мог только тот, кто посильней. Молодая женщина с ребенком на руках тоже пытается протолкнуться, но никому до нее нет дела – все злые, голодные. Пошел, протиснулся одним боком в толпу, купил молоко, подошел к той несчастной, протягиваю бутылку, говорю: «Не мучай ребенка, напои». Она не проронила ни слова, но из глаз рекой хлынули слезы. Одна с ребенком, совсем молодая. Стал расспрашивать, откуда она, почему одна? Она рассказала не только о своей беде, оказалось, что знает о местонахождении моих родственников. И мы с ней приехали в Пахта-Арал, она меня довела прямо до дверей барака, где жили мать и сестра с детьми.

Мама, уже ослабевшая от голода, лежала, как тень, а сестра стояла у печки. Как у той молодой женщины, с которой встретился на вокзале, у мамы и у сестры при виде меня из глаз полились слезы. Когда очень плохо, плачут безмолвно. Я в этом много раз убеждался. Мама не жаловалась, не упрекала меня, что я так долго шел к ней, у нее лились слезы, и она не успевала их вытирать...

Когда собрались ехать обратно, я с собой взял не только своих – мать, сестру и ее четверых детей, благо, все они были живы, но еще одну женщину с ребенком, сейчас и имени не помню, Азамата Байрамукова с женой и пятерых их детей. Всех я приписал к своему пропуску и двинулись в путь.

В Ташкенте нужно было пересесть на другой поезд, – продолжает свой рассказ отец. – Помню, шел мокрый снег. Надо было ждать. Подходим к вокзалу, во дворе стоят много людей и мокнут, среди них были и карачаевские семьи. Спрашиваю, почему стоят на улице, не заходят в вокзал. Они говорят, что нужна справка от врача, о том что прошли санитарную обработку. Без нее в здание вокзала не пускают. Пришлось тогда пойти на хитрость. Подвел своих родственников к женщине, которая пропускала в вокзал, и

говорю: «Бумаги у меня, пусть они пройдут». Когда они прошли внутрь, я отошел назад и сам остался стоять на улице. Что сам мок – это была не беда. Главное – все мои были в укрытии. Когда пришел наш поезд, мы сели и поехали...

Вернувшись с родными домой, отец первым делом пошел в комендатуру, чтобы засвидетельствовать свое возвращение и забрать свои документы. «У нас они не пропадут. Когда будут нужны, возьмешь, а пока пусть хранятся у нас», – ответили ему. Но бывший фронтовик стал настаивать, комендант с ухмылкой процедил сквозь зубы: «Ты не только на документы, но и на мечту не имеешь право. Они тебе не пригодятся, они тебе не нужны». А когда Ибрагим еще раз зашел в комендатуру, ему с «сожалением» сообщили, что воинские документы отца пропали...

И мой отец из-за того, что не было у него этих документов, до 1990 года не мог считаться ветераном войны. В наших горных аулах таких людей, как мой отец, еще немало.

– После того, как ваш отец нашел и привез мать, сестру и ее детей, конечно, стало трудно прокормить всю семью, – вспоминает мама. – Отец ваш мне говорил: «Если из них кто-нибудь умрет с голода, мы этого себе никогда не простим, это будет нашей вечной болью. Продай все, что можно, если будем живы, все наживем». И я все продала: вещи свои, одежду, чтобы их прокормить. Все меняла на продукты. Я была уже беременная, когда отец ваш продолжал меня брать с собой в горы, где паслись овцы. Киргизка по просьбе отца с вечера заквашивала овечье молоко, а утром я приезжала на лошади к ней и забирала этот айран. Когда я, не разлив ни одной капли, верхом на лошади привозила этот айран, свекровь моя, всегда удивляясь, спрашивала: «Как же ты умудряешься так аккуратно довести!»

И так я проездила верхом на лошади, пока не родила сына. А отец ваш трудился не только днем, но и ночью не спал. Так он в самые трудные первые 3–4 года сумел всех нас сохранить. Но никто досыта не наедался. Чтобы не терять шелуху (мы не могли

позволить себе выбросить ее), овсяную сечку бросали в кипящую воду, тогда шелуха не всплывала.

Так готовили баланду...

Вот еще несколько блюд, придуманных спецпереселенцами:

«Зерна хлопка ставили под пресс и выжимали масло. Нам доставался жмых. Мы этот жмых резали на маленькие куски, держали над огнем и ели. Кто ел неподжаренный жмых, сразу умирал» (Насу Абайханов, село Джингирик).

«Делали очень жидкую похлебку из муки и давали нам. Если находили, туда бросали мелкорубленую свеклу, чтобы как-то утолить голод» (Букминат Мансурова, аул Новая Джегута).

«В растолченную свеклу добавляли овсяную муку, месили тесто, делали из него хлеб. Получалось что-то ужасное, но мы его ели» (Мамурхан Хаджиева, село Октябрьское).

«С голоду, уже не зная, что делать, один спецпереселенец, чтобы хоть что-то съесть, обрезал уши семи быкам, за которыми смотрел. Так как срезали их уши до самого основания, все быки сдохли. А этого несчастного посадили, он так и не вернулся из тюрьмы» (Назир Хубиев, г. Карачаевск).

«Я был выслан шестимесячным ребенком. Из-за нехватки пищи стал болеть рахитом. Хотя в умственном развитии не отставал, физически был очень слаб и стал ходить только в три года. Мать рассказывала, что ее брат то, что ему давали на работе на обед, сам не ел, а приносил домой мне. И когда он появлялся вечером, я его радостно встречал. «Из него человека не будет, лучше бы он умер» – говорили обо мне. А я жил – не живой и не мертвый. И сегодня не приходится говорить о здоровье» (Азрет Кечеруков, г. Карачаевск)».

– Там, куда мы попали, – рассказывает мама, – Таласский район Киргизии по природным условиям близок к кавказским. Карачаевцы стали пахать, сеять, держать скот, но даже когда жизнь наладилась, все же не могли успокоиться, смириться. Встретившись, обязательно спрашивали друг друга: «Что-нибудь известно о возвращении?» Только об этом бредили, мечтали, слагали песни:

*Таласские горы очень похожи
На высокие горы Кавказа.
Для умерших все потеряно,
Хоть бы посчастливилось живым.
Когда-нибудь придет такое время и
Живые вернуться на родной Кавказ.
И они расскажут могилам нашим,
Что солнце справедливости взошло.*

В последующие годы некоторые сами себя обрекали на голод. Они в надежде на скорое возвращение не сажали, не сеяли, ждали каждый день разрешения на выезд. Но в основном, конечно, рассуждали по-другому: «Если из-за добра, оставленного на Кавказе, не умерли, и огород, оставленный здесь, переживем, лишь бы разрешили уехать». Потому пахали и сеяли... И это тянулось до 1957 года. Наше население испытало вначале голод, после нищету, – говорит мама.

То, что не во что было одеться, это было полбеды. Люди доходили до отчаяния оттого, что не находили, во что обернуть своих покойников. Умирало много людей, а на погребальный саван не было куска какого-либо сукна. И для моей бабушки, четверо сыновей и два зятя которой воевали на фронте, когда она умерла в 1947 году, не нашелся нормальный саван...

– В том году, к нашему счастью, мы собрали хороший урожай, и ваш отец отдал десять пудов кукурузы за две белые ситцевые простыни. В них и завернули ее, – вспоминает мама.

От бабушки, матери отца, Айшаджан Канаматовой, которая умерла совсем еще не старой, не осталось даже могилы. А хотелось бы поклониться и сказать: «Бабушка, у тебя много внуков, они не голодны, живут на земле предков. Прости нас, что ты осталась на чужбине. Хотя мы родились после твоей смерти, мы тебя любим и помним». От нее нам достались одна фотография и слова, которыми она утешала своих детей в то жестокое время.

– Во время высылки мы всегда жили в страхе за завтрашний день. Сегодня что-то нашлось, до завтра как-нибудь продержимся, а потом что? Каждый день этот вопрос мучил нас. Тогда она, успокаивая, повторяла: «Да не оставит Аллах вас с тем, что у вас на руках. Да не уменьшит Аллах ваше богатство, скрытое от глаз. Аллах не забудет вас, и завтра найдется, что поставить на стол. Не отчаивайтесь». Эти слова ее часто вспоминаю и теперь, – говорит моя мама.

«Пока не переживешь то, что тебе отпущено, не обретишь покоя», – говорят в народе. Так и моей бабушке пришлось многое пережить. Один из ее сыновей попал в немецкий плен. Вернулся, то есть приехал в Среднюю Азию незадолго до смерти бабушки Айшаджан.

– Когда мы с Хамитом вошли в комнату, где сидела мать, – рассказывает мой отец, – она не признала сына. Даже когда он встал перед ней. И я сказал: «Мама, это же Хамит!» Она, прикрыв рот рукой, как будто боялась проронить слово, как окаменевшая, оставалась сидеть – она совсем не нашла сходства с тем сыном, которого шесть лет назад отправляла на фронт. И только после того, как сам сын сказал «мама» и улыбнулся, она встрепенулась и выдавила из себя три слова: «О, Боже мой!» После говорила, что узнала его по улыбке...

Знаю, с высоты 80-х годов женщинам, пережившим депортацию, не вправе я задавать эти вопросы. Но вместе с тем, что было бы, если... О, несчастные женщины! Когда, не слушая ваших просьб, стенаний, вас выводили из собственных домов, не разрешая взять детские колыбели, разрушая ваши семейные очаги, в то осеннее холодное утро сгоняли всех вас на кладбища, когда на ваш вопрос «почему?» никто не дал ответ, в тот роковой день ведь только вы были защитниками детей, стариков, вы были единственной реальной силой Карачая, так почему же не открыли бабий бунт против тех насильников? Если не нашлось другого оружия, почему не разгрызли руки этих палачей своими зубами, которыми потом в изгнании пришлось жевать жмых, сырую

свеклу, корни клевера? Почему на солдат, которые, не стесняясь, повернули свои автоматы на детей, а не на фашистов, как ваши мужья, не пошли все врукопашную? Что было бы тогда? Да, их жизни стоили куда дороже ваших. Они открыли бы огонь. Этому есть много примеров. Отец рассказывал: в ту ночь, когда они остались на кладбище, среди этих новоявленных «бандитов» был один блаженный по имени Хамыз. Он, несчастный, не понимал (да и другие плохо соображали, что происходило), зачем их туда собрали. И он решил вернуться домой и побежал. Солдаты знали, что это душевнобольной человек, но все равно выстрелили ему в спину и убили.

Нет, конечно, бабьим бунтом ничего не добились бы женщины. Наши матери в этот мир пришли не прерывать кому-то жизнь, а, наоборот, давать жизнь, стать основой жизни. Именно оно, материнское сердце, вместило в себе «всю радость и все горе мира, всю нежность и все тревоги на земле». Женщины это доказали и в изгнании. Как бы боясь, что прервется колыбельная песня, которая всегда звучала в народе, в те бесконечно трудные годы наши матери рожали детей, воспитывали их. Моя мать тоже родила десятерых...

Вопросы, вопросы, вопросы...

Я думаю, еще немало живых из тех, кто участвовал в осуществлении изуверских акций против целых народов. Все они теперь уже в преклонном возрасте. Если старость действительно живет воспоминаниями, то та девушка, лейтенант, которая дала приданое моей матери по принципу: «Это мне, это тоже мое», как она этот день вспоминает? Я бы хотела посмотреть ей в глаза. Нет, не со злобой. Хотела бы увидеть, какой след оставляет такая жестокость на лице у человека. Но, как сказал кто-то: «Страдает больше не тот, кто вершит зло, а тот, кто понимает, что есть зло». Я думаю, что эти солдаты понимали, что вершат зло, хоть и не по своей воле. Но и в тех обстоятельствах многие из них оставались людьми, достойными уваженья, о чем свидетельствуют рассказы наших женщин.

Я думала и о том, чем бы депортация народов закончилась, если бы те, чьими руками это совершалось, отказались бы подчиняться приказу, и возможно ли было это? Если бы они не осуществили депортацию карачаевцев, позже, в 1944 году, не стонал бы весь Северный Кавказ от насилия. Ингуши, чеченцы, балкарцы, карачаевцы, калмыки не проложили бы своими трупами путь от Кавказа до Средней Азии. Тогда и не стонала бы осиротевшая, израненная кавказская земля...

Я сама родилась в Киргизии. Есть у меня стихи об этом.

Моя мать вышла замуж на четырнадцатый день выселения и четырнадцать лет (пять тысяч дней!) жила, испытывая на себе муки унижения, боли и обиды. Она на родную землю вернулась, похоронив и оставив на чужбине двух своих детей (6-летнюю Любу и 4-летнего Магомета). Нас еще было у родителей четверо, а пятую она привезла под сердцем, и она, сестра Зухра, – может быть, первый ребенок, родившийся на родной земле после ссылки. Мы, дети, были подарком матери той земле, которая ждала нас, разоренной, неухоженной, но доброй. Да, подарок любой женщины и народу, и стране, и людям – это ее дети! Да, только дети помогли стать им, этим хрупким женщинам, такими сильными, выносливыми, живучими, самоотверженными. Именно страх за судьбу детей заставил превозмочь все унижения, лишения депортации, все тяготы, которые легли именно на их плечи.

В моей детской памяти (в 4-летнем возрасте) почти ничего не сохранилось о Киргизии. Единственное, что запечатлелось, когда ехали на Кавказ, из маленького окна поезда я увидела бескрайнее красное маковое поле. На горизонте оно сливалось с небом, и от него и край неба был пурпурным. И захотелось мне тогда пробежаться по этому полю, собрать маки, но поезд мчался, а люди, сидящие в нем, совсем не хотели, чтобы поезд останавливался, потому что их ждала родная земля, земля отцов. Они очень торопились.

В мою память навечно врезались слова отца, которые он часто нам, детям, повторял: «Самое главное богатство человека –

это его знания. У человека можно отнять все, но знания, кроме самого Бога, никто не отнимет. Человека могут лишить и дома, и богатства, и даже родины... Единственное богатство, счастье, которое будет всегда с тобой, чего у тебя никто не сможет украсть, насильно отобрать – это знания». Как я потом поняла, это был горький опыт депортации. Наверное, поэтому еще не обустроенные люди начали думать о школах для своих детей.

Я свой рассказ о родителях начала с их свадьбы. Думаю, будет правильно, если свое повествование завершу тем же. В дни их свадьбы у спецпереселенцев еще были подвенечные вышитые белые шали. И на моей маме в день ее свадьбы была такая шаль. То, что говорится в песне-плаче, происходило потом – в 1944, 1945 годах:

*На привезенные с Кавказа вещи
Мы выкупили жизнь свою...*

После, когда голод косил людей семьями, когда маме пришлось обменять на зерно все до последней нитки, она все же сохранила две вещи: свою подвенечную шаль и серебряный нагрудник, который купил ее отец, умерший совсем молодым. В нашем доме хранятся три вещи, пережившие депортацию: старинные фотографии, серебряный нагрудник и шелковая шаль. Шаль сейчас черная. Я не видела ее белой.

– Когда жизнь довела до отчаяния, начинает казаться, что и впредь в твоей судьбе не наступит счастливой поры. «Навряд ли в изгнании когда-нибудь понадобится белая шаль», – думала я и попросила, чтобы ее перекрасили в черный цвет, – рассказывает мама.

Горькое чувство, не правда ли? Что испытывала бабушка Абида, перекрашивая белую шаль своей дочери в черный цвет? Как хорошо, что они не обменяли ее на килограмм какой-нибудь крупы. Когда была так обесценена человеческая жизнь, что говорить о цене пусть даже самых дорогих для тебя вещей?

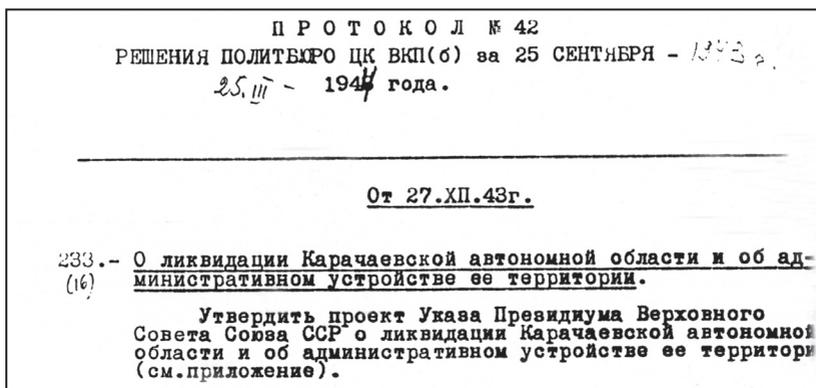
А сегодня эти семейные реликвии, как амулеты, хранятся у меня. Черная шаль – как свидетельство этих горьких четырнадцати лет. Серебряный нагрудник – как добрый знак продолжающейся жизни. А фотографии – как доказательство того, что корни народа живы.

Как тут не вспомнить замечательные стихи известного поэта Назира Хубиева, написанные в 1964 году, «Родина» (перевод г. Орловского):

*Без тебя я – бескрылый орел,
Без тебя я – ущелье безводное,
Без тебя я давно бы умолк,
Без тебя я – растение бесплотное.
Без тебя я – потухший очаг,
Без тебя я – что сакля пустая,
Без тебя я давно бы зачах,
А короче – ничто без тебя я.*

КОГДА ГОВОРЯТ АРХИВЫ...

Думаю, будет уместно начать эту главу с Указа, с издания которого для карачаевского народа начиналась дорога смерти длиною в четырнадцать лет.

№ 115/136.

НЕ ДАВАТЬ ПЕЧАТЬ.

У К А З

Президиума Верховного Совета СССР

О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории.

В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Карачаевской автономной области многие карачаевцы вели себя предательски, вступали в организованные немецкие отряды для борьбы с Советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы на Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь, - Президиум Верховного Совета СССР **п о с т а н о в л я е т:**

1. Всех карачаевцев, проживающих на территории области, переселить в другие районы СССР, а Карачаевскую автономную область ликвидировать.

Совету Народных Комиссаров СССР наделить карачаевцев в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. В связи с ликвидацией Карачаевской автономной области:

а) Оставить в составе Ставропольского края Зеленчукский, Усть-Джегутинский и Мало-Карачаевский районы бывшей Карачаевской автономной области, подчинив эти районы Ставропольскому краевому исполкому Советов депутатов трудящихся.

Мало-Карачаевский район переименовать в Кисловодский сельский район.

Handwritten notes and signatures:
1. Карачаевцы
2. 11/4
3. 11/4
4. 11/4
5. 11/4
6. 11/4
7. 11/4
8. 11/4
9. 11/4
10. 11/4
11. 11/4
12. 11/4
13. 11/4
14. 11/4
15. 11/4
16. 11/4
17. 11/4
18. 11/4
19. 11/4
20. 11/4
21. 11/4
22. 11/4
23. 11/4
24. 11/4
25. 11/4
26. 11/4
27. 11/4
28. 11/4
29. 11/4
30. 11/4
31. 11/4
32. 11/4
33. 11/4
34. 11/4
35. 11/4
36. 11/4
37. 11/4
38. 11/4
39. 11/4
40. 11/4
41. 11/4
42. 11/4
43. 11/4
44. 11/4
45. 11/4
46. 11/4
47. 11/4
48. 11/4
49. 11/4
50. 11/4
51. 11/4
52. 11/4
53. 11/4
54. 11/4
55. 11/4
56. 11/4
57. 11/4
58. 11/4
59. 11/4
60. 11/4
61. 11/4
62. 11/4
63. 11/4
64. 11/4
65. 11/4
66. 11/4
67. 11/4
68. 11/4
69. 11/4
70. 11/4
71. 11/4
72. 11/4
73. 11/4
74. 11/4
75. 11/4
76. 11/4
77. 11/4
78. 11/4
79. 11/4
80. 11/4
81. 11/4
82. 11/4
83. 11/4
84. 11/4
85. 11/4
86. 11/4
87. 11/4
88. 11/4
89. 11/4
90. 11/4
91. 11/4
92. 11/4
93. 11/4
94. 11/4
95. 11/4
96. 11/4
97. 11/4
98. 11/4
99. 11/4
100. 11/4

НКЧМ Секретариат Наркома		
ГРУППА ПРАВИТЕЛЬСТВЕН. ПОЧТЫ		
Дата	Входящий №	Индекс
2/2	111-1	2
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ		

2.

б) Включить Преградненский район бывшей Карачаевской автономной области в состав Итумовского района Краснодарского края с Юга, Запада и Востока в существующих границах, а на Севере определить восточную границу района по линии, начиная от селения Куньша Краснодарского края, далее через высоты 1194, 1664, исключая селение Круглый, высоты 1274, 1225, с выходом на границу пастбищ Черкесской автономной области в районе высоты 1913

Остальную территорию Преградненского района со станцией Преградной включить в состав Зеленчукского района Ставропольского края.

в) Передать Учкуланский и часть Микояновского района бывшей Карачаевской автономной области в состав Грузинской ССР, образовав из указанных районов новый Клухорский район с центром в г. Микоян-Шахаре.

гор. Микоян-Шахар переименовать в город Клухори.

Установить в Клухорском районе следующую границу между РСФСР и Грузинской ССР: с Запада – по существующей границе б. Микояновского района, далее на Восток – севернее города Клухори, и далее по реке Мара, исключая селение Н. Мара, с выходом на границу б. Учкуланского района, южнее селения В. Мара и далее на Юг по существующей восточной границе б. Учкуланского района.

Остальную часть территории и населенные пункты б. Микояновского района включить в состав Усть-Джегутинского района Ставропольского края.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР - М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР - *А. Горкин*
(А. Горкин)

Москва, Кремль.

12 октября 1943 г.

д.ж. 803/1.

зс70

ПРИЛОЖЕНИЕ
к вх.д. № *11-1*
НКЧМ Советский Народ

Для выселения карачаевцев были задействованы 60 тысяч солдат и офицеров НКВД. Депортированных было 69267 человек. Из них 53,9% – дети, 28,1% – их матери и 18% – старики и инвалиды. Депортированные вместились в 36 эшелонов, а рассеяны были по всей Средней Азии и Казахстану, всего в 480 населенных пунктах.

Художник Мусса Абайханов, чье детство тоже было омрачено унижением и болью, много лет занимался составлением карты населенных пунктов, где жил подвергшийся депортации карачаевский народ. Это были в основном южные области обширного Казахстана и северо-восточные районы Киргизии. Вот неполный перечень этих сел:

В Казахстане:

Арыс, Бугун, Чаян, Тамерлановка, Ленинту, Октябрьский, Джунсансай, Чубаровка, Байркум, Ходжатогай, Сюткент, Кызылкум, Плодосовхоз, Коксу, совхоз Чардара, райцентр Чардара, 8 отделений с. Чардара, Енбекши, Большевик, Кировское, Куйбышево, Пахта-Арал, Новый путь, село 30 лет Казахской ССР, Славянка, Джетысай, Коммунизм, Ждановское, Свердловло, Кызылту, Великая Алексеевка, Молотов, Сталин, Калинин, Маяковский, 20 лет Казахстана, Энгельс, Абай-базар, Дмитриевка, Джолбасшы.

Карл Маркс, Агабас, Сарыагач, Манкент, д/о «Манкент», Белые Воды, Авгань, Опытное поле, Кызылкыстау, Совстепь, Николаевка, Покатиловка, Красноводск, Черноводск, Сайрам, Лангер, Самсоновна, Киров, Кызылту, Кызыл Жулдыз, Билик, Старый Манкент, Свердлов, Салинкент, Тюлькубас, Ванновка, Къарамурт, Задарья, Касык, Успенровка, Къара Къонгуз, Шор Тёбе, Къаратау (Чолакътау), Луговая станция, Луговое село, Чу, Карагата, Мерке, Мунке, Кенес, Талас, Михайловка, Трудовик, Кишмиш, Айнагуль, Крупская, Ернек, Ворошилов, Конзавод, Ахтаган, Подгорный, Калинин, Ленин, Свердлов, Кегезек, Сахзавод, Жантурмыс, Сазкудык, Ташчулак, Каменка, Красная Звезда, Кызыл кишлак, Победа, Гродикова, Камышановка, Дехкан Береке, Красногорское, Колхоз им. Куйбышева, Актёбе, Талапты, Спеной, Октябрь Чарва, Кызыл Чарва, Караганда, Ильичевка.

В Кыргызстане:

Талас, Станция Курдай, райцентр Курдай, Маймак, Кант, Беловодск, Ленинполь, Токмак, Чалдобар, Тельман, Юрьевка, Орловка, Стретинка, Къзылту, Маловодное, Гавриловка, Биликум, Грозное, Кировское, Чондали, Карл Маркс, Романовка, Чапаев, Панфиловское, Чаткул, Свеклосовхоз, Мырзагул, Къзыл Аскер, Сокулук, Къарабалта, Калинин, Конзавод-80, Новотроицкое, Военно-Антоновка, Джани Джер, 1-е отделение, 2-е отделение, 3-е отделение, Нижне-Чуйск, Белогорка, Фрунзе, Новониколаевское, Петровка, Полтавка, Петропавловка, Ключека, Вольное, Шверник, Иоганесдорф, Калиновка, Красноречив, Кенеш, Ротфронт, Ивановка, Къаратёбе, Васильевка, Васильевский, Лубзавод, Вильгельм Пик, Конзавод-145, Нижне-Чуйский, 1-е отделение, 2-е отделение, 3-е отделение, Александровка, Садовый, Прогресс, Романовка, Сахзавод, Чу...

В Узбекистане:

Келес, Чиназ, Сырдарья, Вахт, Джизак, Къзылкъум, Тимирязева, Чимкурган, Байрамкул, Янгиюль, Баяут-1, Баяут-2, Баяут-3...

Чтобы полнее и глубже понять, что вместило в себя это злое слово «депортация», я дважды ездила в Киргизию, изучала архивы КГБ, МВД Киргизии, была и в Киргизском государственном архиве.

В Бишкеке в архиве Министерства внутренних дел Киргизии мне сообщили, что у них хранятся архивы Таласской и Фрунзенской областей. Я, сказав о том, что родилась в Таласе, очень удивила сотрудников музея. Они с особым усердием мне представили архивные документы моей родины, земли, где я впервые увидела солнце и глаза своей матери.

Надеюсь, что здесь будет уместно привести написанные мной в 1990 году стихи «В день рождения» (перевод ростовского поэта И. Елисеева):

Не пришлось мне родиться –
нет тягостней груза –
на земле моих предков,
у подножья Эльбруса.
Но к судьбе обращаюсь я без укоризны.
В кишлаке у киргизов –
Манаса потомков –
я на свет появилась и крикнула громко
слово первое всех народившихся – Жизнь.

Я тебе благодарна, старушка-киргизка:
рядом с мамой моею сгибалась ты низко,
пеленая меня в знойном августе том.
Ты молилась, прося у Аллаха утрату
ей вернуть, потерявшей отчизну когда-то,
мне – ее обрести не сейчас, так потом.

Нартов древних земля, ты добра и сурова!
По тебе тосковала я снова и снова,
словно мать, что под сердцем носила меня.
Да, еще не родившись, я все-таки знала:
лишь к тебе все дороги ведут изначально,
и все ближе друг к другу мы день ото дня.

Знала я и стремилась к тебе неустанно,
Словно птицы, летящие в теплые страны,
не сбивалась я ни на минуту с пути.
О, родная земля! Что все в мире утраты,
коль народа была своего лишена ты!
Но сумела ты все же его обрести.

Мое чувство к тебе – это радость и мука,
это слитые вместе любовь и разлука.
В ту далекую пору отчизна Карчи,

*о тебе пела мать над моей колыбелью,
В песне плакала горная речка в ущелье,
сакли нашей окошки светились в ночи.*

*В песне видела я очертания мгlistых
гор далеких, росинки, как слезы
на листьях
старой яблони – росшей –
безумная даль! –
у покинутого, у родного порога.
Много слышалось в песне
и виделось много.
Так впервые мне сердце сдавила печаль.*

*Камень нартов лежит у Эльбруса, нетленен,
перед ним становлюсь я, грустя, на колени.
На каком языке, мелодично звуча,
я услышала – вспомнить бы! –
первое слово?
Но в сознании звучит оно снова и снова,
как название земли, где родился Карча.*

*Не пришлось мне родиться,
не выпало счастье,
на земле моих предков. Но слышала часто
я от мамы: две родины есть у меня.
И пускай вспоминаю я прошлое с болью,
но обязана жить с добротой и любовью,
Никого не виня, никого не кляня.*

*Потому что причиной война и разруха,
и товарным вагонам, в которых старухи,
дети, женщины ехали – их ли вина? –
на Восток под конвоем*

*навстречу невгодам,
страшной осенью той сорок третьего года.*

Да, причиной война... и не только война.

Стала изучать «личные дела». Они были заведены на каждого спецпереселенца.

Не знаю почему, но они все датированы 1949 годом. Жизнь спецпереселенцев к этому времени была более-менее налажена. Либо документы, составленные с 1944 до 1949 годов, представляли собой слишком страшные свидетельства и потому были уничтожены или еще не рассекречены, либо их в те годы еще не составляли. На этот вопрос мне никто не ответил.

В представленных мне «личных делах» было много «интересного». Почти во всех были: личный листок, анкета, расписки, справки, а в некоторых – «постановление», «объяснение», «разрешение», «подписка». Это были документы, специально составленные для ссыльных.

РАСПИСКА	
Мне выселенцу _____	(фамилия имя и отчество по годам рождения)
проживающему в селе _____	района _____
_____ Таласской области, Киргизской ССР, объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26-го ноября 1948 года о том, что я выселен на спецпоселение навечно, без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд (убег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ.	
• _____	194 года
Подпись поселенца _____	
(Должность став. с подписью работника органа ВД отобретшего от вас _____)	
_____ (фамилия и подпись переводчика)	

На некоторых «личных листках» сохранились маленькие фотографии спецпереселенцев. С этих фотокарточек смотрели несломленные насилием, унижением, голодом гордые горцы.

Документы, документы, документы... Сколько их было! Бесчеловечных, жестоких, страшных...

Место для фотокарточек

ЛИСТОК ЯВОК НА РЕГИСТРАЦИЮ № 139
на 1953 год

Байрамкунова Саиде Овсановна, 1920г. рождения
Женщина, зам. супруга, год рождения и национальность

Живет по адресу: Вил. (Виллаевского) район
№ 21-4 квартира, в кем-либо извещаясь в установленном порядке

Стр. Виллаевск. Район. Сов.
№ 21-4 квартира, в кем-либо извещаясь в установленном порядке

Месяц	Дата явки	Расписка соседско-ленца	Месяц	Дата явки	Расписка соседско-ленца
Январь	10	Байрамкунов	Февраль	10	Байрамкунов
Март	11	Байрамкунов	Апрель	22	Байрамкунов
Март	5	Байрамкунов	Сентябрь	9	Байрамкунов
Апрель	10	Байрамкунов	Октябрь	3	Байрамкунов
Май	6	Байрамкунов	Ноябрь	19	Байрамкунов
Июнь	9	Байрамкунов	Декабрь	10	Байрамкунов

Самое трудное для выселенцев было получить разрешение на выезд. Немногим удавалось, как Абукадыру Семенову, получить такое разрешение.

действительно только один день

Разрешение № 6

Выдано спецпоселен Семенову Абукадыру
(фамилия, имя, отчество полностью)

Хамитову в том, что ему разрешается выезд с места поселения в город В. Ивановский рн
в связи за продуктами

К месту поселения в с. Дружба района обязан возвратиться 28-го февр. 1954 г. года.

Разрешение действительно при наличии на руках паспорта или справки № _____ и подлежит возврату в спецкомендатуру.

Начальник ком. с/к
Ушма Усманов (подпись)

26-го февраля 1954 г.

—255—

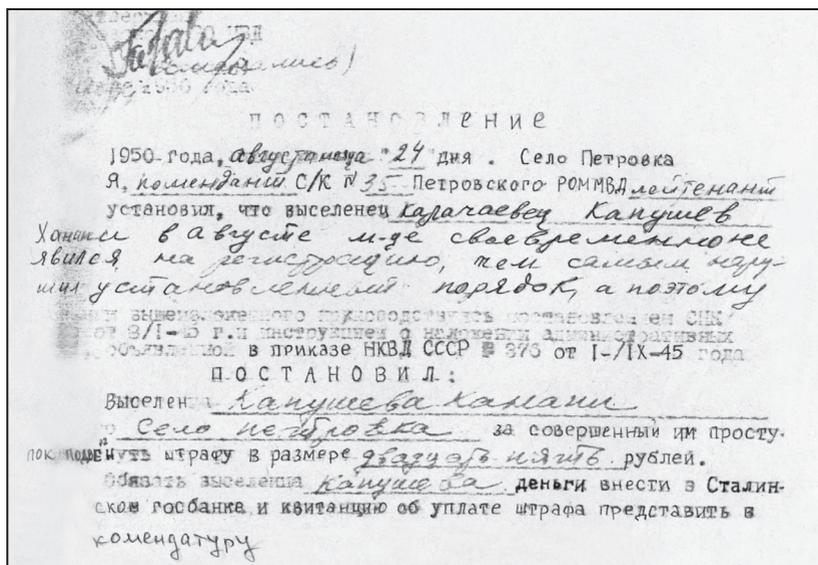
По таким анкетам спецкомендатуры МВД выявляли, кто есть кто. Как будто это имело какое-то значение, как будто все спецпереселенцы были для них не на одно лицо.

«Регистрационные листки» встречаются в каждом личном деле. Чтобы в них расписаться, каждый ссыльный приходил в комендатуру один раз в месяц.

В личном деле бывшего уроженца аула Джегута Сапара Атабиева одних «разрешений» я насчитала несколько десятков. Этот молодой человек был шофером, и каждый раз, когда ему по служебной необходимости нужно было выезжать за пределы колхоза, где он работал, приходилось идти к коменданту за «разрешением». Среди его бумаг был и акт о его смерти, и мне подумалось тогда, что он наверняка умер от болезни сердца.

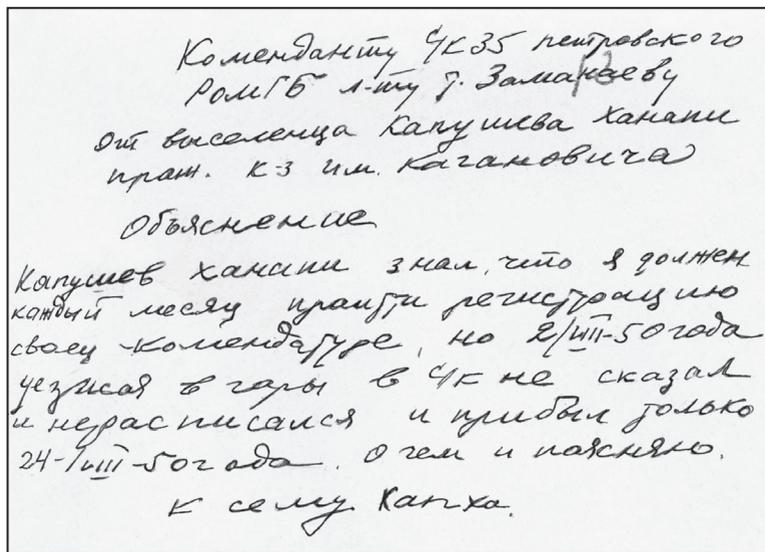
Но те, кто искал своих близких, шли даже на то, что отдавали комендантам последние копейки, чтобы добиться разрешения.

А кто нарушал этот «распорядок», тот наказывался. Об этом свидетельствует документ в личном деле Ханая Каппушева, датированный 1950 годом.

Этот молодой человек жил и работал в Кагановичском районе. Не расписавшись в комендатуре 2 августа, уехал на ферму и вернулся 24 августа, за что был наказан таким образом, как указано в приводимом выше документе.

Среди спецпереселенцев было немного тех, кто мог по-русски излагать письменно свои мысли. Те, кто им помогал, выполняли тяжелую, на мой взгляд, работу. Каких только документов не пришлось придумать! Вот какое «объяснение» пишет Ханапи коменданту:

Коменданту ЧК 35 петровского
РомГБ 1-му г. Замаряеву
От высленца Капушова ханани
прап. КЗ им. Кагановича

Объяснение

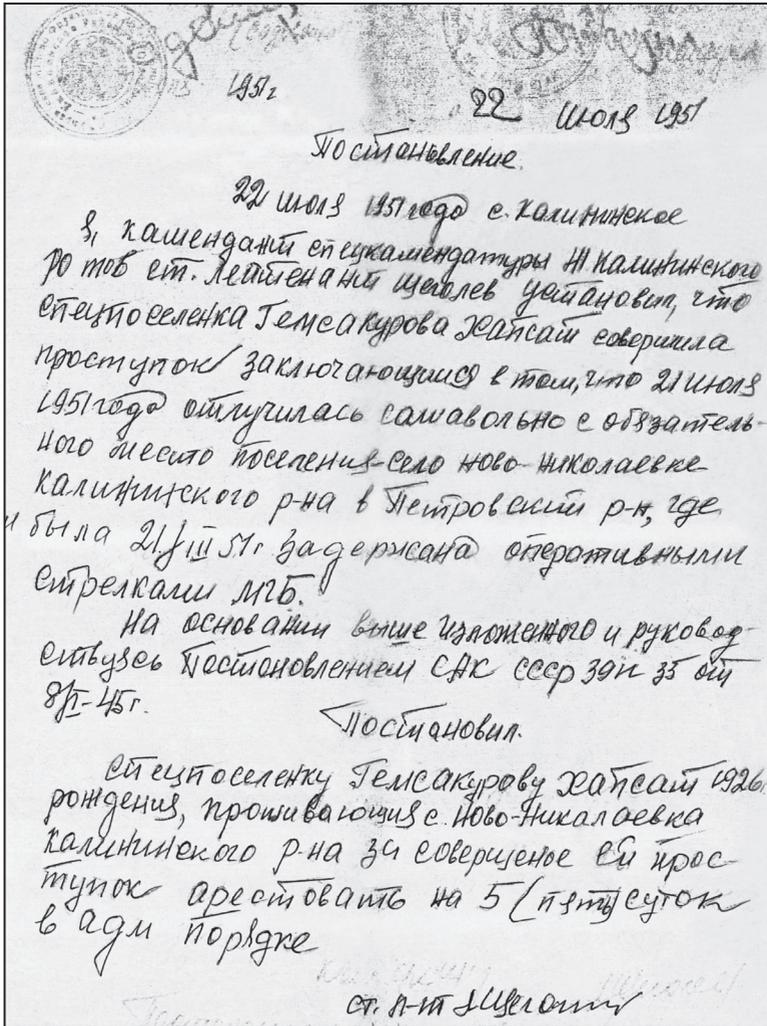
Капушов ханани знал, что в долнен
каждый месяц прапги регистрацию
своей комендатуре, но в 1947-го года
чезшая в горы в ЧК не сказал
и не расписался и приобрел золото
24-11-1947-го года. От тем и поехали.
К селу Катха.

Теперь изучим другое личное дело. Оно принадлежит Хапсат Гемсахуровой. Она, как и другие высленцы, дала «расписку» о том, что за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения будет осуждена на 20 лет каторжных работ.

Несмотря на это, выехала из одного района в другой. Зачем она это сделала? Какая нужда заставила ее пройти по лезвию ножа? Об этом нет информации в личном деле.

Но, слава Богу, отделалась легко. Вот какое постановление было принято в отношении этого случая.

Перебирая разного рода архивные материалы выселенцев в Государственном архиве Киргизии, я наткнулась на «личные дела» моих родителей. В «личном деле» отца Ибрагима Унуховича Байрамукова, призывника 1939 года, участника Великой Отечественной войны, комиссованного из-за тяжелого ранения солдата, депортированного, как и все карачаевцы, было много расписок, справок, разрешений, заявлений, постановлений... Сколько изобретательности, фантазии нужно было иметь, чтобы создать столько новых документов.

Государственная машина разработала формуляры на все случаи жизни депортированных. Документы с холодным равнодушием рассказывали о том, что было сделано со стороны партийных, советских и общественных организаций для спецпереселенцев.

Невозможно осмыслить всю меру унижений вчерашнего воина, защищавшего ценой собственной крови свою страну, судьба которого всецело стала зависеть от комендантов. Что должен был испытывать отец, когда своей раненой рукой выводил слово «спецпереселенец» и писал это заявление?!

«...Прошу Вашего распоряжения выдать мне право на выезд в город Джалалабад Киргизской ССР сроком на десять дней. Поездка связана с моим семейным положением. Я должен погасить ссуду в сумме 2875 рублей в Таласском областном сельхозбанке. Без поездки в Джалалабад невозможно погасить эту задолженность. Имею картофель. Если его продам в Джалалабаде, то смогу отдать долг. В моем хозяйстве кроме картофеля продавать нечего. Потому прошу выдать мне разрешение. Прилагаю справку от Таласского сельхозбанка.

Подпись»

Вот какие приговоры подписывали наши родители сами себе.

СЕКРЕТНО

СПРАВКА

Ботрашуква София Осиповна
(фамилия, имя, отчество)

бывающего на спецпоселении в Шамасском

районе Шамасский оклагу, кирг. аар.
(область, край, республика)

В соответствии с постановлением СНК Киргизской АССР
(постановление ГОКО или СНК СССР)

№

14, октября 1943 г.

Ботрашуква София Осиповна
(фамилия, имя, отчество)

с лица (или член семьи) Каракаевых

происхождении 2, ноября 1943 г.

Ботрашуква София Осиповна в области переселен в

Шамасский район Шамасский

области и на основании Указа Президиума

в местах обязательного поселения выселенцев без права возврата к
прежнему месту жительства.

Начальник Шамасского ГО РО МВД

Л. П. Ждановичева
(подпись)

21, мая 1949 года

(подпись)

За этим заявлением следует просьба другого плана:

от вселенца Байрамукова Ибрагима
Унухова проживающего в к-зе
им. Шверник

Заявление

Убедительно прошу Вашего распоря-
жения выдать мне разрешение пере-
ехать с семьей из Колхоза им. Шверник,
в колхоз им. Пик на постоянное место-
ожительство соединиться с братом
Байрамуковым Ялимом. Мы произвели
покупку дома. Купленные дома нахо-
дятся рядом. После покупки мне
необходимо переехать и соединиться с
братом. Учитывая вышеизложенное
мое положение убедительно прошу
дать разрешение, переехать и соединиться
с братом.

Касим Байрамуков (Байрамуков)
2/11 50 года (см. на обороте)

Кстати говоря, мой отец за свою жизнь вынужден был по-
строить четыре дома – два в Киргизии и два – на земле отцов.

Когда разрешили вернуться на родину, он, как и большинство бывших депортированных, бросил дом и уехал. Как и многие, он нашел дом своей матери разрушенным. Опять нужно было строиться.

Я сохранила детские воспоминания о том, как родители строили времянку, а потом – дом. Помню: с весны до осени 1957 года, как и многие, мы жили в шалаше, семья из семи человек. До зимы необходимо было успеть построить хоть какую времянку. Успели. Перезимовали в ней.

Четвертый дом, в котором вырастили свою большую семью, родители начали строить уже с весны 1958 года...

Следующее заявление, которое приводится ниже, тоже было написано отцом от имени моей бабушки по материнской линии.

Спец-комендатура №49.
Маласекало РО М. Р. Б.
Д-тнч тов.

от спец-поселенки Аношкин.
в колонии им. Шверник.
Научизовей Абдулга

Заявление.

Уведит семью т.рушу Вас разогреть по существу
данного заявления, что в Покровском районе
проживает родной брат Турбеков Шибес К.
с которым произошло несчастие т.е. Умер в лагере
с/г. по обычай и родственные отношения мне не обходимо
поехать проведать и оказать семье его помощь.
На основании выше. изложенного прошу Вашего
разрешения на права выезда в Покровский р-н. с сроком
на 5 суток

14.11.58
[1-1X500]

Видимо, молодому человеку Анварбию Лепشوкову нелегко было решиться на письмо к Ворошилову, но он уже дальше

не мог и не хотел жить в унижении: написал и отправил в Москву письмо. Увы, оно не дошло до адресата, да и не могло дойти. Об этом было кому заботиться. Спецкомендатуры, которые зорко следили за передвижением спецпоселенцев, безусловно, проверяли письма этих бесправных людей.

Письмо Лепшокова лежало среди остальных документов в его личном деле.

250
 24-11-4
 1947

 Председателю Президиуму
 Верховного Совета Союза ССР
 товарищу Н.В. Ворошилову
 от коллегиянина проживающего
 Кургиз. с/р Франзекской обл.
 Пейровский район к-з. ил.
 Кагановига ул. Озерная 35
 Лепшоков Анварби Саитбиевич

Уважаемый товарищ
 3 а. в. Ленин:
 4 Дорогой уважаемый товарищ и учитель,
 соратник Ленина-Сталина разрешите
 обратиться к вам ниже. Следующим заявлениям:
 Я Лепшоков с 1929 года рожденный по национальности
 Карагаевец спец. переселенец из Северного Кавказа
 отец мой с начала советской власти и по
 настоящее время работал на ответственной
 работе. Наш нация и мы по решению
 партии и правительства были переселены в
 Кургизскую ССР где и живем 10 лет под распоря-
 жение спец. комендатура.

Дорогой председатель:
 Я как крестьянин в средней Азии мне исполнилось
 13 лет с того времени все время работал
 не считая день и ночь. И так же работал
 бригадиром полеводческой бригаде в к-з. ил.
 Кагановига Пейровского р-на.
 Работал бригадиром комсомольской бригады на
 строительстве Ворошиловский ТЭС (г. Фрунзе)
 Все время не считая свои молодости старался
 на выполнение и перевыполнение Сталинского
 пятилетнего плана и укрепление нашего великого
 родина.

Мне великое счастье жить в дуге Коммунистической партии и окантовать среднее образование на отлично.

1-й
Эск.
Трост.

Дорогой вождь, Илим Ерленович!

Именно большое желание Служить в рядах Советской армии. Учиться в техникумах. Сельско-хозяйственная школа и иметь специальность и быть честным гражданином СССР все время моей работы, и так, как на учебе мне не было ни какое замечания, работаю полезными работами для великой Родины.

Дорогой отец и председатель! Наши великие попутчики к коммунизму!

Я в 1952 году работал бригадиром в к-зе и.п. Казанов и получил на 25 гектара оз. пшеницы 310 га на площади 310 га на поливных районах все старался и старался быть самым честным передовиком Среди Каратаевцев. И буду стараться еще быть честным воспитателем нашей великой цветущей Советской Родины.

Дорогой Илья Иванович товарищ председатель!

Прошу и прошу вас Великого вождя и учителя Саратовского Ленина-Сталина. Дорогой Илим Ерленович освободить меня от Спец. Командировки. Как честного молодого гражданина СССР. Обязуюсь через Коммунистической партии через ваши руки быть и быть честным гражданином Советской Родины и считать себе честным гражданином СССР.

Дорогой председатель!

Прошу вас. Удовлетворить мое заявление с приветием!

Киринь, сер

С. Петровка Петровский район
к-з и.п. Казановича Фрунзенской области.
Летчиков Анварби Салтбекович.

Илим

28/11-53г.

Председателю Президиума Верховного Союза ССР
товарищу К.Е. Ворошилову
от гражданина проживающего Киргиз.ССР,
Фрунзенская обл. Петровский район к-з им. Кагановича ул.
Озерная, 35
Лепиокова Анварбия Сеитбиевич

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогой, Уважаемый вождь и учитель, соратник Ленина-Сталина разрешите обратиться к Вам нижеследующем заявлением:

Я, Лепиоков с 1929 года рождения по национальности карачаевец спецпоселенец из Северного Кавказа. Отец мой с начала советской власти и по настоящее время работал на ответственной работе. Наша нация и мы по решению партии и правительства были переселены в Киргизской ССР, где и живем 10 лет под распоряжение спецкомендатуры.

Дорогой председатель!

Я как приехал в Среднюю Азию мне исполнилось 13 лет с того времени все время работал не считая день и ночь. И так же работал бригадиром полеводческой бригаде в колхозе им. Кагановича Петровского района.

Работал бригадиром комсомольской бригады на строительство Ворошиловским ГЭС (г. Фрунзе). Все время работал не считая свои молодость старался на выполнение перевыполнение сталинского пятилетнего плана и укрепление нашего великого родина.

Мне Великое партия учил в духе Коммунистической партии и окончил среднее образование на отлично.

Дорогой вождь, Клим Ефремович!

Имею большое желание служить в рядах советской армии и учиться в техникуме сельскохозяйственном, иметь специальность и быть честным гражданином СССР. Весь период моей работы, также на учебе мне не было никакого замечания, работал для великой Родины.

Дорогой отец и председатель! Наши великие попутчики к коммунизму!

Я в 1952 году работал бригадиром в колхозе им. Кагановича и получил по 25 центнера озимой пшеницы с 1 га на площади 310 га на поливных районах. Все старался и старался быть самым честным передовиком среди карачаевцев. И буду стараться еще быть честным воспитанником нашей великой цветущей Советской Родины.

Дорогой многоуважаемый товарищ председатель!

Прошу и прошу Вас Великого вождя и учителя и соратника Ленина-Сталина дорогой Клим Ефремович, освободить меня от спецкомендатуры. Как честного молодого гражданина СССР. Обязуюсь перед Коммунистической партией, перед Вами быть и быть честным гражданином Советской Родины.

И считаю себя честным гражданином СССР.

Дорогой председатель!

Прошу вас удовлетворить мое заявление.

С приветом!

Кир. ССР

*с. Петровка Петровский район
к-з им. Кагановича Фрунзенской области
Лепшиков Анварби Сеитбиевич.
26.07. 1953. подпись*

Удивительно, что молодой человек решился на это письмо (орфография подлинника сохранена – прим. Ф.Б.). Бесчеловечные условия, в которых он вырос, не убили в нем веру в справедливость. Воистину, надежда – добрая спутница человека.

Ждал он ответ на свою просьбу-исповедь. Но до того счастливого дня, 16 июня 1956 года, когда Председатель Президиума Верховного Союза ССР К.Е. Ворошилов подпишет Указ Президиума Верховного СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев, членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» необходимо было жить в унижительных, бесчеловечных условиях высылки еще три года!

Киргизский Государственный архив хранил много интересных, проливающих свет на жизнь-бытие выселенцев, как их любезно называли в спецкомендатурах, документов. Оказывается,

все было предусмотрено с момента прибытия депортированных: куда, на каком транспорте их доставить, сколько для этого потребуются бензина, людей и т.д.

В одной из толстых тетрадей я прочитала докладную записку, написанную **Аскером Чеккуевым** на имя секретаря Таласского обкома партии Назарбаева и председателя облисполкома Чернышева. Этот документ назывался: **«Материалы о трудоустройстве спецпереселенцев в Таласской области»**. Вот некоторые фрагменты этого документа.

СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА КП (Б) КИРГИЗИИ
тов. Назарбаеву
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛСПОЛИСКОМА
тов. Чернышову.
г. Талас

«...Спецпереселенцы не имеют приусадебных участков для постройки домов, не используются кредиты, отпущенные на приобретение домов и надворных построек, остаются без индивидуальных огородов, не используется лес, предназначенный для спецпереселенцев.

Как факт, мы имеем следующие случаи:

1. ...

2. В Колхозе «Карасу» (председатель к-за Шатманов) в августе под видом посылки спецпереселенческих семей на уборку, отправил в отдаленное место 17 семей и заставил их жить под открытым небом с детьми более полутора месяцев, а тем временем их квартиры в селе заняли под скот и другие мероприятия и исправил это положение при вмешательстве НКВД.

3. В колхозе имени Ворошилова (председатель Есеналиев) весной 1944 года 10 мая выделил для СП (спецпереселенцев), вспахал и засеял 4,5 га земли под индивидуальные огороды, а в сентябре, когда всходы были хорошие, отобрал. И на жалобы СП на неправильное его действие, ответил: «Вам огороды дадим после войны».

9. Спецпереселенцы братья Узденовы, Мусос и Хаджибий, были из колхоза мобилизованы для распиловки леса для строительства клуба в райцентре, где они находятся 1,5 месяца. Рас-

пилили 60 куб.м. и заработали 305 рублей. Эти деньги им не уплачены Риком.

10. Выдача зерна государственной помощи переселенцам производилась в районе за деньги и в райпо этой суммы скопилось более 4000 рублей. Эту сумму райпо переводит на имя колхозов по переселенцам, колхозы не возвращают этих денег.

Переселенцев не включают в общий учет колхозов, не записывают им трудоводни и даже не знают, сколько семей или человек в данном колхозе.

Примеры:

1. В колхозе «III Интернационал» расселено было 126 человек, в данное время осталось 30 семейств (60 человек): умерло – 17, выехало – 27. Оставшиеся спецпереселенцы нигде на учете не стоят, в общих списках не числятся. Приняты в колхоз только 42 человека. Они трудовых книжек не имеют, не имеют представления сколько ими выработано трудовых.

2. В колхозе им. Тельмана (председатель Такиев) нет сведений о наличии СП, они не включены в книги колхоза и похозяйственный учет. Тем не менее, установлено, что первоначально в колхозе было 62 семей или 267 человек. В данное время их там – 36 семей или 89 человек, по неточным данным умерло 150 человек. В колхоз не принят ни один из них.

По линии районо первоначально в начале учебного года было учтено детей школьного возраста спецпереселенцев 324 человек. В данное время по учету районо в школу, ввиду плохой обеспеченности обувью и одеждой, посещают только 180 человек. Учителей имеется в районе 12 человек, но работают 3 человека, остальные не находят себе работы.

Не проводится в жизнь решения ЦК КП и СНК Киргизии от 11 сентября 1944 года по вопросу проведения политмассовой разъяснительной работы среди спецпереселенцев и сельского актива о том, что не должно быть по отношению к СП грубого унижительного отношения и что они пользуются одинаковыми правами наравне с другими...

(Материалы о трудоустройстве спецпереселенцев в Таласской области).

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА тов. Шепелеву

Совнарком Киргизской ССР располагает материалами о неудовлетворительном выполнении решения Совнаркома и ЦК КП(б) Киргизии о мероприятиях по хозяйственному устройству переселенцев.

В результате слабого контроля имеют место факты разбазаривания продовольствия, использования стройматериалов не по назначению и затяжка с выдачей скота.

В Кировском районе Таласской области не по назначению израсходовано 537 кг. муки и зерна, в том числе выдано больницы 200 кг.

В колхозе имени Кирова из полученных 100 кг. муки, 30 кг. – на общественное питание.

В Чуйском районе за июль месяца недополучили по 5 кг муки 1000 человек переселенцев.

В колхозах Ошского района лес, полученный для строительства жилищ переселенцев, израсходован на ремонт конторы колхоза и строительство клуба, конюшни, а к строительству переселенческих домов не приступили.

Исполком Ошского облсовета депутатов трудящихся решил отпуск леса из поступивших для переселенцев фондов организациям, не имеющим никакого отношения к переселенческому строительству.

По всем областям республики крайне медленно идет выдача скота и лошадей переселенцам. Из 24472 голов крупного рогатого скота, 6000 овце-коз, подлежащих выдаче по республике, выдано только 1037 голов.

**ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОРГКОМИТЕТА ВС Киргизской ССР по Таласской области от 30 декабря 1944 года
«Об обеспечении продовольствием спецпереселенцев с Северного Кавказа».**

...Выдать за наличный расчет наиболее нуждающимся СП по следующим нормам на одного человека в день: муки – 100 грамм, крупы – 25 грамм, соли – 15 грамм, сахара – 5 грамм (только детям до 10 лет).

**Председатель оргкомитета Чернышев
Секретарь оргкомитета Зелюткин**

СПЕЦЗАПИСКА

...В колхозе «Комсомол» отпущенные продукты весной 1944 года полностью не розданы спецпереселенцам, в результате умерло от голода 170 человек.

...В колхозе «Сталин» вместо муки спецпереселенцам выдали овес по 100 грамм в день на человека. Ввиду этого в колхозе умерло 255 человек.

ГАЛИЕВ.

СПЕЦЗАПИСКА

«...На местах расселения СП продолжает иметь место пренебрежительное и оскорбительное отношение к ним со стороны местного населения и отдельных сельских активистов. В колхозе «Беи Таи» и «Сары Курай» Ленинопольского района спецпереселенцы в количестве 65 семей – 233 человека – расселены очень скученно, по 4–5 семей в маленьких, к жилью не пригодных, сырых и ветхих землянках и находятся без топлива в зашивленном состоянии. В совхозе «Каинды» в результате нечеловеческого отношения директора, которое выражалось в избиении, невыплате заработной платы, лишении продовольственных карточек, умерло и выехало 28 семей, из оставшегося общего числа СП 70 процентов от истощения болеют дистрофией.

ГАЛИЕВ».

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ

«О ходе хозяйственно-трудоустройства выселенцев, расселенных в районах Фрунзенской области по состоянию на 1-е января 1949 года».

Трудовое участие выселенцев:

18058 человек, учтенных трудоспособными в 10800 семьях, являющимися членами колхозов, в основном принимали активное участие во всех политических и хозяйственных мероприятиях в колхозах и предприятиях, что подтверждают следующие данные:

Из этого количества, принимавших участие в трудовом производстве колхозов, совхозов, промышленных предприятий, 436 человек за достойную работу награждены правительствен-

ными наградами и 320 человек премированы ценными подарками, так в Ивановском районе:

1. Чабан колхоза Ворошилова Айбазов за сохранение и выращивание молодняка в порядке дополнительной оплаты получил 16 ягнят.

2. Завфермой этого же колхоза Байрамкулов за выполнение плана развития животноводства получил телку, 2 головы баранов.

3. Чабан колхоза «Красный путь» Текеев Мусса получил 34 голов овец.

В Кантском районе:

1. Чабан колхоза «Рассвет» Хабов А., работая с 1944 года, ежегодно премировался и в 1948 году премирован 12 баранами.

2. Бригадир полеводческой бригады колхоза «Интернационал» Боташев за обработку сахарной свеклы получил 8 центнеров сахара.

3. Чабан колхоза «Пламя труда» Наурузов, работая с 1944 года, получал ежегодно по 10 баранов, в 1948 году – 12 баранов.

В Сталинском районе животновод колхоза «Путь к коммунизму» Семенов Т. за достигнутые успехи в развитии животноводства Президиумом Верховного Совета награжден орденом Ленина.

Таких тружеников колхозного производства немало. Из них 29 человек награждены медалями за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Аналогичных результатов добились выселенцы и в Петровском районе, где 13 человек награждены медалями и около 100 человек премированы деньгами и другими подарками.

В колхозах области числится 22 бригады, организованных из числа выселенцев, 132 звеньев, работают бригадирами 41 человек, звеньевыми 196 человек.

Но, как рассказывает журналист Магомед Салпагаров, награжденные за заслуженной наградой шли под конвоем:

«По итогам работы за 1947 год Семенова Тильмека Шамевича наградили орденом Ленина. «Он довел суточные привесы молодняка крупного рогатого скота до 911 граммов». Торжественное вручение состоялось в городе Фрунзе, и было приурочено к 30-летию Октябрьской революции. Чтобы поехать в город, нужно было получить у коменданта пропуск, но его на месте не

оказалось. А помощник коменданта хоть и мог наказывать каждого взрослого карачаевца за самовольный выезд за пределы района, но вот выписать пропуск не имел права. Не мог этого сделать и первый секретарь РК ВКП /б/, но выход он все же нашел: отправил Тильмека Семенова под... конвоем.

На следующий день в село прибыла легковая машина и остановилась возле дома Тильмека. Из нее вышел Магомет Семенов, отец генерала армии Владимира Семенова, мальчику тогда было семь лет. Семенов привез жирного барашка на курманлык. Состоялся большой праздник, на который собрались все карачаевцы, жившие в селе Садовом. Впервые за четыре года люди по-настоящему радовались.

Но веселье быстро закончилось. Пришел помощник коменданта, положил руку на гармонь и громко сказал:

– Кончайте танцульки! Приехал комендант, идите расписываться!

– Лучшие бы вместо ордена дали разрешение ездить куда хочешь и быть свободным, – ответил на это Тильмек.

Читателю наверняка будет интересно изучить и эти цифры. За каждым из них чья-то горькая судьба.

До 1946 года не было сведений, как нам сказали работники архива, о рождаемости и смертности выселенцев. Думается, это не случайно. Слишком страшной была бы даже в сухих цифрах картина первых трех лет депортации. Говорить о рождаемости не было смысла, а умирали семьями.

СПРАВКА о рождаемости и смертности спецпоселенцев с Северного Кавказа

Родилось – 2230, умерло – 44652, взято на учет детей 1978.

Всего спецпереселенцев в 1946 году родилось 17795 чел., умерло – 44391 чел., взято на учет детей – 14062 чел., в 1947 году соответственно: 20847, 39104, 25825; в 1948 г. – 33838, 46162, 58746; в 1949 г. – 54113, 34940, 47301; 1950 г. – 62001, 33514, 54473. за 1945-1950 годы, таким образом, родилось – 196633, умерло – 287770, взято на учет детей – 204109.

СПРАВКА
о рождаемости и смертности
спецпереселенцев, а также количество детей,
достигших 16-летнего возраста

<i>с Северного Кавказа</i>	<i>родилось</i>	<i>умерло</i>	<i>всего на учете детей</i>
<i>За 1945 г.</i>	2230	44652	1978
<i>За 1946 г.</i>	4971	15634	4584
<i>За 1947 г.</i>	7204	10849	7268
<i>За 1948 г.</i>	10348	15182	16041
<i>За 1949 г.</i>	13831	10252	15763
<i>За 1950 г.</i>	14973	8834	14317

Начальник 4 отделения 3 отдела МВД СССР
Майор Курочкин

Еще один архивный документ, не требующий комментариев или объяснений:

СПРАВКА
о численности спецпереселенцев,
ранее служащих в Красной армии. Март 1949 г.

<i>Наименование контингента</i>	<i>офицеры</i>	<i>сержанты</i>	<i>рядовой состав</i>	<i>итого</i>
<i>Карачаевцы и балкарцы</i>	238	495	1810	2543

Время шло и, казалось, забрезжил свет в конце тоннеля. Вышло постановление об освобождении спецпоселенцев из-под административного надзора, но оно радости не принесло.

РАСПИСКА

«14» января 1956 года, мне Алиеву Харуну объявлено, что я снят с учета спецпоселения и освобожден из-под административного надзора органов МВД на основании постановления Совета Министров СССР №1963-1052 с от 24/XI 1955 года.

Мне также объявлено, что и после освобождения из спецпоселения имею право проживать в любом пункте страны кроме Бывшей Карачаевской Автономной области, где я проживал до выселения.

Жилой дом и другие помещения, принадлежащие мне по прежнему месту жительства до выселения ВОЗВРАЩЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖАТ.

В чем и расписываюсь Алиев _____

Расписку отобрал комендант спецкомендатуры № 40

В архиве Бишкека во всех подобных «расписках», попавших мне в руки, была запись коменданта о том, что спецпереселенец отказался расписаться. Видимо, эти люди уже устали выносить себе приговоры.

Р. С. С. С. Р.

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**
Карачаево-Черкесской автономной области, Ставропольского края

Ставропольский край Кбарачан-Черкес автономной области урушлаларана депутатларана област Советини ГОЛТУРУУЧУ КОМИТЕТИ	Ставропольский край и Карачаево-Черкесский автономный области и Ставропольский край и депутатком и област советини ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
---	---

№ _____ 22 мая 1956 г., г. Черкесск.

СПРАВКА

Выдана гр-ну (гр-ке) Урусовой Балдан Ис. в том, (фамилия, имя, отчество)
что он (она) со своей семьей в составе 12 человек следует из Армизенской обл. на постоянное местожительство в Карачаево-Черкесскую автономную область, гор. Карачаевск район, аул (село, станция) _____

Председатель исполкома облсовета
депутатов трудящихся (З. КАРДАНОВ.)

В них отражены народная боль, трагедия простых людей, ставших жертвой насилия и жестокости.

Этих песен-плачей очень много. Мне порой кажется, что не было такого ссыльного, который не создал песню-плач. Только мною собрано более ста песен. Они – летопись депортации. Насильственно переселенный народ о творимом в отношении него произволе мог говорить только в песнях-плачах.

Да, человека можно согнуть, поставить на колени, даже отрезать язык, но никто не властен над его чувствами. Чувства – это его душа. Пока она не покинет человека, чувства его живы. Депортация превратила в прах много такого, что должно было жить вечно. Но она не смогла убить великое чувство любви к Земле предков.

Карачаевцы говорят: «Счастье человека – это его родина». Какая бы она ни была. И трудное у них это счастье. И всегда было так. Потому что жить в горах – значит орошать своим потом каждый клочок земли. Здесь ничто не дается легко. И вместе с тем, преданность ей, земле предков, – вот та неприступная скала, которую не смогли уничтожить насилие, клевета, унижение.

Любовь к горам, к родному языку, к своим истокам, помноженная на веру в справедливость – вот что помогло выжить в том кромешном аду. Над этими чувствами и годы неподвластны. Чтобы понять психологию любого народа, надо постараться почувствовать его любовь и скорбь.

У меня на столе 181-й номер газеты «Красный Карачай» за сентябрь 1938 года. Она напечатана на латинице. Это газета, пережившая депортацию, старая, с порванными краями – она свидетельница многих слез. Ее часто брал в руки молодой человек, когда особенно тоскливо было у него на душе. Для него она превратилась в символ потерянной родины, в символ родного языка, на котором пелись прекрасные колыбельные песни, провозглашались тосты, принимались мудрые решения...

Иногда более красноречиво говорят не слова и не глаза, а сами вещи. Их немота не становится препятствием. Разглядывая эту маленькую, протертую до дыр газету, понимаю, чем

карачаевцев большим событием. А в газете «Путь к коммунизму» был Указ Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, в котором сообщалось о том, что награждены почетными грамотами 13 человек, а среди них трое были соплеменниками Абуадыра: скотник Хыйса Тебуев, бригадир полеводческой бригады Юсуф Текеев, звеньевая Муслимат Урусова. Прочитав это, как мог равнодушно отложить газету в сторону Абуадыр? Ее тоже хранил.

Нужно отметить, что среди спецпереселенцев были даже награжденные орденом Ленина с присвоением звания Героя Социалистического Труда. Это свекловоды Нузула Кубанова, Патия Шидакова и Тамара Абдуллаева. Также орденов Ленина были удостоены Патия Айбазова, Каракыз Джатдоева, Асият Лайпанова, Фатима Умарова, Мариям Хапаева, Маруа Шаманова, Балбу Эриккенова. Сотни спецпереселенцев-карачаевцев были награждены орденами и медалями за трудовую доблесть.

Меня заинтересовала одна фотография в архиве Абуадыра Семенова. Она была снята после встречи с делегированными в Москву товарищами, которые ходатайствовали о возвращении карачаевцев на Кавказ. Молодежь с большим нетерпением ждала этого дня. В их душах надежда уступала место мечтам, на крыльях которых они, свободные, счастливые, уже парили над родной землей. Воздух родины, вода Кубани и свобода – это дары Божьи, говорили они.

В те роковые для народа годы тем, кто помогал друг другу, кто не забывал о милосердии, кто отдавал тепло своей исстрадавшейся души другим, кто делился последним куском, говорят, что таким сам Аллах помогал.

Еще говорят, что в поезде, следовавшем на Кавказ, девушки вышивали себе белые шелковые подвенечные шали. И говорят, что многие пели, пели много. Нет, не песни-плачи, которые создавались на чужбине. Пели они в пути на Родину ийнары (лирические песни). Девушки и парни сочинили их сами, живя под конвоем. Потому что даже в эти тяжелые годы неволи в душе народа

рождались и задравные песни, и звучала орайда в честь невесты. Нельзя сломить народ.

А матери из любви, мечты и тепла своих сердец «вышивали» прекрасные колыбельные песни...

Колыбельная песня... Ийнар... Орайда... Задравная песня...

Ступив на родную землю, люди первым делом спешили к реке Кубань... Чтобы засвидетельствовать свое возвращение после невольной разлуки, чтобы их слезы радости и говорливые струи реки слились.

– Здравствуй, Кубань, мать отцов наших, – говорили парни, губами касаясь ее чистых струй.

– Здравствуй, Кубань, боль и радость моя, – говорили девушки, подставляя лицо летящим брызгам бурной реки.

– Здравствуй, Кубань! – говорили все, кому посчастливилось вернуться...

1991–2001 гг.

Завершить работу над книгой мне хочется красивой легендой (в переложении писателя Муссы Батчаева) о родоначальнике карачаевцев – Карче, благородном и верном в дружбе, стойком и храбром перед врагами, преданном отчей земле, родному очагу. Мне хочется верить, что она согреет душу после столь горьких воспоминаний...

КАРЧА – ВОЖДЬ СВОБОДНЫХ

I. Рассказ о земле отцов

Ветер бежит по деревьям, и деревья шелестят листьями, но пусть ветер уснет и уснут деревья.

В степи звучным ржанием зовут жеребят кобылицы и храпят сытые кони, но пусть их звуки спрячет густая трава...

За шатром плещет сильное море, над морем кричат чайки и колышется песнь рыбаков, но пусть море застынет и замолчат рыбаки.

Весь мир до краев полон гула и звона, но пусть я буду глух ко всему, чтобы слышать только твой голос и твои слова.

Прилетел бы к тебе я раньше, но Трам отбил мои крылья, когда я мчался сегодня за раненым тигром, чтобы его огненной шкурой ты в дни без солнца мог греть свои старые плечи...

Ты послал Трама, и Трам долго кричал, чтобы я остановился, но не виден был мне он, потому что был за спиной, и не слышен был, потому что был далеко. Не смог Трам настичь меня ни скач-

кой, ни криком и послал за мной стрелу, которая быстрее и коня, и крика.

Резвее ветра был пламенный тигр, и я два раза хлестнул своего коня, я не видел, что в боку его торчит стрела, сделавшая его копыта тяжелыми. Конь мой остался лежать там, где догнала его смерть, а я примчался к тебе. Трам сказал, что ты хочешь видеть меня как можно скорее. Я бросил в пути свой тяжелый шлем, чтобы легче было бежать, снял стальную кольчугу, чтобы легче было дышать. На ногах моих раны и на дорогах кровь от ран.

«Открой же глаза, отец, и скажи, что хотел сказать...»

«Не могу открыть глаз, мой отважный батыр, – желтый туман смерти заполнил их, но я скажу тебе все, что запер в груди очень давно...»

Слушай слова о прекрасной земле и о тоске по ней, слушай внимательно, я тороплюсь.

Ты был не выше меча, воткнутого в землю, когда от яда стрелы уснул могучий алан Батырбий и мы насыпали над ним высокий курган. У этого кургана учил я тебя держать щит и владеть мечом, чтобы сила Батырбия вселилась в тебя.

Ты вырос воином настоящим и стал главою лучшей сотни стражников-телохранителей хана Аслан-Герия, потомка великих хазарских каганов».

Кровью был залит взор Батырбия, но и перед смертью он видел только одно, видел, как горит в упрямом огне и рушится белый, будто снег, город Ма-Асс, где он родился и жил бы до смерти, если бы не вынырнул однажды из-за крутых склонов его родины желтый бунчук узкоглазого хана Бату, внука Чингиза-завоевателя, поклявшегося приторочить весь мир к седлу монгольского коня.

Мчались по вселенной под желтым знаменем хана тысячи диких всадников, напоив себя яростью к чужим народам и кровью напоив чужие земли.

– Аланы! Откройте ворота, – кричали они, окружив дивный город Ма-Асс.

– Мы покорили множество близких и далеких от вас племен. Храбро бились и ваши соседи, но теперь их вожди – и кипчакский Бачман, и чиркезский Тюкбаш, и асский Иджис – все собирают кизяк для наших костров. Смиритесь, аланы, – склоненную голову меч не рубит.

– Склоненную голову топчут в грязи! – неслись им в ответ гневные слова вместе с тысячью длинных стрел.

Крепка была стена Ма-Асса, и высоки были его башни, звезды ночью ложились на них отдыхать, а полдневное солнце могло уходить выше их только на локоть. Но невиданное оружие было у неведомого врага: стрелы с горящими хвостами срывались с его тугих луков и несли в город пламя и чад; камни большие, как лошадиная голова, металы его деревянные чудища и разбивали вековые башни и стены Ма-Асса...

Сражались маассцы, пока могли стоять, а когда не могли, падали непокоренные, укрывая собой свой израненный город и ненавидя врага...

К колесам походных повозок поставил Бату детей аланов, приказав оставить в живых только тех, кто не выше колеса.

– К ним еще не пришла ненависть их отцов, – оказал он, – а сила и мужество к ним придут. Пали аланы, не упав передо мной на колени, и под пеплом будет земля их – Алания, пока буду живя, а дети их забудут, чьи они дети, и будут служить моей славе...

Развезли монгольские седла по горам и равнинам вселенной детей непобежденных. Батырбий был ростом с меня, а я был среди тех, кто не перерос колеса, но мы были не такими уж маленькими, потому что колеса были все же большие.

Тенью стал, прахом стал Бату-хан, а земля наша и теперь под пеплом, а сами мы умираем далеко от нее, под небом Хазарии (Крым), между водами двух морей. (Хазарское море – Черное море).

На синей реке Итиль (Волга) в богатом городе Саран-Берке сидит хан Узбек, еще выше поднявший знамя Бату.

Вьючат верблюдов баскаки (татаро-монгольские сборщики дани) хана слезами и потом народов от самого Хорезма до синих

пределов Рума (Византия) – оплота вечерних стран, и караваны по длинным дорогам везут в далекий Сарай золото...

Богата дань и из Хазарии, отправляемая на Итиль Аслан-Герием, коварным нашим владыкой и монгольским верным рабом. Богата дань бедного народа, тяжело везти верблюдам томящие грузы в чужие края, согнулись их горбатые спины. Еще ниже согнулись мы под бременем неволи в чужом краю.

Слушай, сын мой, теперь то, что нельзя было раньше тебе говорить, потому что ты был слишком молод, слушай то, что сейчас нельзя не сказать, потому что я ухожу туда, откуда нет возврата.

Я зову тебя сыном уже много лет, но отец тебе тот, кто лежит под курганом, а я его друг, учивший тебя всему у его могилы, чтобы ты во всем был похож на него...

Взгляни завтра утром на тусклое солнце, Хазарии – Батырбий проклял его, потому что его солнце было другим. Много раз собирал он аланов, чтобы их увести под свое солнце, но в последний раз стрела ударила ему прямо в сердце. Ее принес ветер, вылетевший из золотого шатра ничтожного потомка великих предков – Аслан-Герия, чью жизнь и покой до сих пор охраняли твои надежные руки.

Слышу – сжали пальцы твои серебряную рукоять меча, и меч гневно звенит. Пусть никогда не утихнет эта песня гнева.

В глазах твоих пламенем вспыхнула ненависть, пусть она никогда не угасает. Пусть она тебя греет, если в пути мороз, пусть она тебе светит, если в пути темно.

А путь твой будет далек – воды моря, семнадцать зеленых долин, столько же снежноголовых гор и еще тридцать рек отделяют тебя от Алании.

Собери своих земляков – ты их узнаешь по тоске в глазах – и разбей все живые и мертвые стены на пути к ней. Ты узнаешь ее, землю отцов, она отлична от всех, потому что прекрасней всех. Ты узнаешь ее по пахучему стеблю травы, спрятанной уже много лет в рукояти твоего меча, которую сжали сейчас твои железные пальцы. Разожми их, открути рукоять и теперь клинком

осторожно ее раскрой – видишь? Только в стране аланов растет эта трава, нигде ее больше нет. Мать Батырбия сорвала ее, расставаясь с родной землей, а Батырбий сберег ее в сердце меча и меч оставил тебе, чтобы крепкой была твоя рука и неугасимой была любовь твоя к потерянной родине.

Силен этот стройный стебель, сочны эти узкие листья, цепки эти длинные корни на родных склонах, ни зной, ни бураны там для них не страшны. Людям нужен сок стеблей и листьев. Сок этой травы, поивший твоих предков, был темно-красен, как кровь, почти черен, как чай, и ее называли Кара-чай.

Поэтому и тебя назвал отец этим звучным и сильным словом – Карачай, а я, чтобы стала длинней твоя жизнь, сделал имя твое коротким, и стал ты Карча.

Я сказал тебе все и могу умереть, тебе умирать желаю под небом Алании. Но живи много лет и будь похож в любви и ненависти на своего отца. Полюби свою землю и прокляни чужое, холодное солнце и чужие дожди.

II. Песня пастуха Таулу

В долине Бахсана в густом чинаре и орешнике лежал аул Карчи Эль-Джурт. В знойный полдень, когда Карча, со всеми мужчинами далеко за рекой жал ячмень, ворвались с боевым кличем в аул незнакомые всадники, опустошили дома и увязали всех красивых девушек поперек седла.

Четырех грабителей пронзил четырьмя стрелами молодой пастух Таулу, единственный из мужчин, кто им встретился.

До самого вечера вели на аркане пастуха, а когда пришла пора отдыху и загорелись костры, Абдулла, предводитель отряда, сильным взмахом ножа разрубил его путы и сказал гневно:

– Четырех орлов погубил молодой волк, но волк не умрет. Он будет стеречь лошадей и готовить нам пищу, пока не высохнет в нем кровь от жажды и голода. Сейчас он нам сварит своих лучших овец, а мы позабавим своих пленниц.

Связал десять любимых овец Таулу, поднял брошенный ему нож и нагнулся красить овечьи шеи. И когда запах крови пропитал его яростью, он птицей перемахнув через костер, вырос из пламени перед Абдуллой, схватил его за длинный ус, запрокинул голову и молча воткнул в горло нож.

Потом, крутясь вихрем среди набежчиков, Таулу стал делать то, что делает волк в отаре без пастуха. Долго он показывал гостям, как пляшет у вечерних костров смерть, а когда его снова связали и понесли к огню, он запел:

*Эх, как мучила жажда сегодня меня,
Эх, как вражеской кровью я жажду унял!
О-рай-да, рий-да-ра,
О-рий-да, рий-да!
Десять бедных овец я послал на тот свет,
Вдвое больше врагов им отправил вослед!
Так учил меня Он –
Так и сделал я!
Эх, мне тоже пора, – о-рай-да, – умирать,
Эх, на вражьих телах так удобно лежать.
Так учил меня Он –
Так и бился я!
Поднят я над огнем многим множеством рук,
На моем лице смех, а на вражьих – испуг!
Так учил меня Он –
Пусть Он здравствует!
Я недолго пожил, но пожил, как хотел,
Перед смертью теперь одного б я хотел,
Чтобы Он на коне
Показался вдруг.
Чтоб за склоном вдали Его шлем засверкал,
Чтоб Он видел конец мой и гордо сказал:
«Так учил я его –
Так и умер он!»*

– Одинаковой дорогой приходят все в мир – все с плачем, а уходят по-разному, – так сказали чужеземцы, изумленно внимая гортанным ритмам пастуха, висевшего уже под пламенным зевом смерти.

– Невиданной доблестью нас ослепивший пастух, чем защитил ты сердце от страха?! И какими сумел поразить стрелами наши ничем не смягченные души?! Скажи – о ком твоя последняя песня и допой ее до конца – смерть тебя подождет.

– Надо сердце заполнить любовью, чтобы не осталось в нем места страху, – так ответил Таулу, когда его развязали. – Песня моя о тех, кого я люблю; она очень длинна, но я ее допою, и пусть доживут свои дни те, о ком я пою.

Вырезал Таулу сыбызгы – свирель из бересты, наполнил грудь воздухом, и крутая, как подъем в горы, клокочущая, как река, густая и сильная песня понеслась далеко сквозь сердца суровых пришельцев, сквозь горы и туман на горах...

«Лес, не шуми – я пастух из Эль-Джурта, сейчас буду петь о народе своем и о Карче, Батырбиевом сыне, свободу нам давшем.

В далеком Крыму жил Карча беззаботно, но стала язвить ему душу тоска по отчизне; томить стали ветры и запахи трав синих гор, будить стали ночью Карчу стоны отчих полей, одичавших без добрых семян, без людей.

Созвал он однажды товарищей верных, которыми были и Трам меткоглазый, и сильный, как лев, Адурхай, и быстрый, как рысь, Будиян с Наурузом бесстрашным и сказал им эти слова:

– Без родины мы мертвецы все и между живыми, на родине мы и среди мертвецов все живые.

Потерявший глаза

может песню услышать,

Потерявший уши

может радугу видеть,

Потерявший руки

может на свадьбе плясать,

*Потерявший ноги
может друзей обнимать,
Потерявший все
может в родной земле лежать.
Потерявший родину
совсем ничего не сможет.*

Готовясь к побегу, собрали друзья всех аланов и лунною ночью, когда в тихом море стоял их корабль, напали они и разбили отряд безбородых крымчаков, которые посланы были Аслан-Герий-ханом с таким повеленьем: сначала дорогу отрезать аланам, потом за их головы взяться...

– Вах, чудо какое-то мчится в степи, – удивился Герий, на расвете разбуженный гулом, – синий туман перед чудом клубится, и светлые звезды и черные галки летят из тумана; слепящее солнце горит перед чудом, а позади серебрится луна.

– Ох, то не чудо, – сказали Герию его сыновья, – то несется к нам конь богатырский, туман из ноздрей выпускает; земля от копыт его стаями птиц отлетает, и искры из кремня подковы его высекают.

Ох, мчится на нем стальнорукий Карча, рассекая поднятым мечом небеса; на груди его латы сверкают, как солнце, а щит за спиной, как луна...

Беспощаден, как смерть, был Карча, злом карающий зло: юрт хищных Гериев, себя называвших Асланами-львами, вогнал он в могилы, как в норы шакалов, и со своими людьми уплыл в море.

Был долгод на родину путь – три дня и три ночи туда, где дневное светило восходит, несли паруса, как орлиные крылья, аланов свободных, их жен и сестер их, от счастья впервые запевших.

На утро четвертого дня на беду им всем внезапно разгневалось небо: щитом своим синим, оно загремело, и тучами черными солнце закрыло, и принялось огненно-желтые копыя метать.

Спокойное море, пронзенное болью, взбурлило, восстала вода, разбуянились волны, и крепкий корабль аланов на скалы прибрежные бросив, разбили, как щепку.

Судьба, что беду посылает, и помощь пошлет, когда нужно: надежную руку свою протянул потерпевшим крушение народ той земли – апсуа (так называют себя абхазцы).

В краю их цветущем, в горах Джеметея, прожили аланы, пока не окрепли, и через шесть лет по крутым перевалам, идя снова к солнцу, опустились в Архыз, что лежал за снегами и льдами большого хребта.

Был чист небосвод над долиной Архыза, богат был Архыз и зверями и птицей, и туры, и овцы там быстро плодились, но не росла там трава Кара-чай... В поисках этой травы исходили мы много земель и, наконец, до Басхана дошли, чтобы здесь отдохнуть, а потом ее снова искать...»

Так закончил свою песнь Таулу и спросил:

– А что ищите в этой земле вы, рожденные далеко от нее? Что пожать вы хотите осенью, посеяв весну своей жизни страхом и смертью?

И так ответили ему помрачневшие воины:

– С несчетными войсками идет по горам и равнинам сын Тарагай-амира Темир-Асхак, Железный Хромой, родившийся от матери с зажатым в кулаке сгустком крови.

Под его знаменем за одно это лето мы прошли, покрыв пеплом, и страну картвелей Гюрджю-стан (Грузия, Картвели – так называют себя грузины), и страну Огня – Азербайджан, и сейчас перед нами Темир-Асхак разбил возомнившего себя тоже железным Тохтамыша, великого хана Золотой Орды, и, не дав нам вытереть со лба пот этого боя, разослал нас по горам, чтобы и здесь, как и всюду, не оставалось племен, не склонивших перед ним головы.

Из другого конца света идем мы, земля наша далеко, мы забыли ее лицо, покоря чужие земли, а Темир-Асхак ведет нас все дальше, и там, где ступает его пята, надолго умирает трава и

перестают смеяться дети. Истерлись наши ноги в походах, истерлись наши сердца, устали мы от огня и крови, жаждем мы сеять и жать, как твои соплеменники, ячмень, и как они, возвращаться по вечерам под мирные кровли и качать на коленях сыновей.

Поэтому вчерашней ночью мы отстали от своего отряда – эти дремучие горы могут нас скрыть от Темир-Асхака.

Поэтому сегодня в полдень мы взяли себе в твоём ауле хлеба и жен.

И сказал тогда им Таулу, что не может награбленный хлеб дать телу соков, а похищенная жена стать матерью верных сынов. И еще сказал: просторна земля, щедры поля, добры люди в ауле Эль-Джурт – кров и тепло, мужскую дружбу и женскую любовь мог бы всякий найти в нем, открыв людям сердце, а меч оставив спящим в ножнах.

– И рады бы мы пристать к стае, – ответили ему, – да перья у нас не те. Красны наши руки от крови. Научатся ли они держать кетмень и пастушью ярлыгу вместо меча? Отмоют ли их пот дожди?

Отвагой блистающий юноша! Будь для нас, своих врагов, братом, усни мирно с нами, а утром помоги решить нашу судьбу...

Но неожиданное для них настало утро. Когда ушли последние звезды и разгорелась пламенная заря, из-за синих холмов вылетел на легконогом коне Карча, в светлых латах и сияющем шлеме.

А слева от Карчи и справа, вонзая копья во встречный ветер, выскочили все его воины.

Двое из них, Будиян и Боташ, вздыбили своих коней в самой середине похитителей и засверкали мечами над их головой.

Не дал Таулу пролиться крови: схватив и удерживая скакунов за уздцы, он начал свой рассказ о том, что в душах чужеземцев уже высыхают травы зла и вырастают цветы раскаяния и мира.

Слушал Карча пастуха, пронизывал долгими взглядами неподвижных воинов Железного Хромца, а потом сказал им, что они, сохранив честь похищенных ими девушек и жизнь смелого пастуха, сохранили свое право – жить, а всякий живущий должен быть свободен: незнакомцы могут направить своих коней в любую

сторону, а если решат войти друзьями в аул Эль-Джурт, никто никогда не напомним, как они вошли в него однажды врагами...

Когда взошло солнце, эльджуртцы, обнявшись с пришельцами, сидели вокруг утренних костров, костров дружбы, жарили овец, принесенных в жертву счастливому дню, и слушали новую песню пастуха Таулу.

III. На земле отцов

Удачлив был на охоте Боташ, не имел себе равных ни в силе рук, ни в меткости глаза, ни в быстроте ног. Охотился он обычно один, только сына Карчи – Джантугана иногда брал с собой, потому что Джантуган был также упорен и неумолим.

На высотах Садырла, за горой Минги Тау, подстрелив двух оленей, Боташ и Джантуган летним вечером разложили костер отдыха и, пожелав друг другу хорошей ночи, уснули богатырским сном.

Но несчастной оказалась ночь: бродяга-змея набрела на них и ужалила в грудь Джантугана.

Два дня вез Боташ юного друга, устроив на конских спинах носилки из веток березы и молодой травы.

Торопился Боташ, понукал лошадей неустанно, но не довез в Эль-Джурт Джантугана живым, а привез его холодное тело.

Нагнулся печальный Карча к остывшему сыну, сурово обнял его и хотел повернуться назад, как вдруг схватил в охапку траву с носилок и закричал:

– Боташ! Где ты ее нарвал?! Это она – трава Кара-чай, чей запах мучил нас всех столько лет, она, чей высохший стебель хранит в себе до сих пор рукоять отцовского меча, она, чьи соки текут в нашей крови! Скажи же, Боташ, где она растет?!

Карча прижался лицом к зеленой траве, и ее пучки, передаваемые из рук в руки, пахли его слезами.

– Она растет там, – ответил Боташ, – за великаном горой Минги Тау. Прекрасна и щедра ее земля. В прошлом году, когда, в первый раз там охотясь, я пустил лошадь пастись, посеяла она из

худой своей торбы несколько горстей ячменя, и в этом году я не поверил глазам, увидев, как хорошо он зацвел. И лесом, и дичью богат тот край, бродят в нем никем не пуганные стада оленей, туров и коз. Та земля так прекрасна, что не смог я ее проклясть даже в тот день, когда она влила яд в грудь моего друга.

– Это земля наших отцов, – сказал Карча. – И нет на свете ничего, за что можно проклясть отчизну. Я благословляю тот день, который отнял у меня единственного сына, но вернул мне единственную родину.

Похоронили Джантугана на высокой горе близ Эль-Джурта, которой потом дали его имя, и сразу же, не откладывая, Карча стал готовиться в путь.

Больше половины эльджуртцев ушло с ним. Прощаясь с оставшимися, Карча сказал, что и в разных землях будут они одним народом, между ними будет стоять великая гора Минги Тау, но не будет она преградой их любви и братству. Две ее вершины будут как две груди матери, и, как молоко одной матери, будут пить оба народа воду рек, стекающих с этих вершин в разные стороны – к восходу солнца и к заходу.

Самым старшим и почитаемым среди оставшихся был мудрый Малкар, и их поэтому называли балкарцами, а те, кто ушел с Карчой, приняли имя карачаевцев.

Показал Боташ в широкой долине меж крутых гор клочок оголенной земли, траву с которой он сорвал, чтобы мягче было спине умирающего Джантугана.

– Наш Карт Джурт! – вскрикнул Карча и лег грудью на этот клочок, и лежал неподвижно до вечера.

Когда же зажглись звезды, Карча, выпрямив богатырские плечи и широко расставив ноги, гордо стоял на родной земле, и Млечный Путь горел за его плечами, как крылья.

И там, где он стоял, поставили первый дом первого карачаевского аула Карт Джурт – Древняя отчизна.

(М.Х. Батчаев, Е.Л. Стефанеева. «Горы и нарты», Ставрополь, 1978 г.)

**ПРИЛОЖЕНИЕ
С ФОТОГРАФИЯМИ**

К ПРЕДИСЛОВИЮ

*Балля Байкуловна Байкулова.
Село Важное. 1965 г.*

*Поэт, писатель, драматург, автор романа «Четырнадцать лет»
Халимат Байрамукова. 1941 год.*

*Байдымат Гербекова с внучатым племянником Мекером.
Киргизия. 1954 г.*

**К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ
«ТРЕТЬЕ НОЯБРЯ»**

*Скала, с которой сорвалась машина с депортированными
из села Джеганас. 1988 г. (Фото Рамазана Лайпанова).*

*Юсуф Зулкарнаевич Хубиев у дерева над могилой. 1988 г.
(Фото Рамазана Лайтанова).*

*Байдымат Хубиева (мать Владимира) с детьми.
Довоенная фотография.*

Семья Зулкарная Хубиева с писателем Османом Хубиевым (в центре), Владимир – в военной форме. Село Знаменка. 1964 г.

Лейла Джашиева с дочерью Таней и сыном Аскером. 1940–1941 гг.

*Дочь Лейлы Таня Джашеева (Таисия Андреевна Шмойлова) с сыном.
Город Усть-Джегута. 70-е гг.*

КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ
«НАШИ МАТЕРИ»

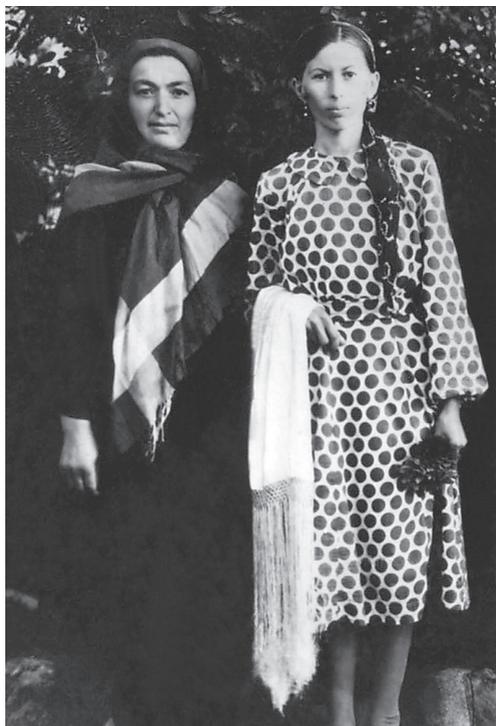
*Совет-Джан Кипкеева (стоит) с родственницей.
Курорт Теберда. Довоенная фотография.*

Анисат Хужева с правнучкой. 80-е гг.

*Лиза Гочияева (сидит) с родственниками.
Село Знаменка. 80-е гг.*

*Супият Эльканова с младшей сестрой.
Село Новый Карачай. Довоенная фотография.*

*Балдан Урусова (во 2-м ряду первая слева)
с учителями Романовской средней школы.*

Балдан Урусова. Город Карачаевск. 1968 г.

*Бабух Дотдуева (первая справа) с подругами.
Курорт Теберда. Довоенная фотография.*

К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ
«БОЛЬ МОЯ – ДЕТИ»

*Куниба Тилмековна Тамбиева (Шидакова) с семьей.
Село Николаевское. 80-е гг.*

К ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ
«СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ»

Эбокгай Джуккаева. Село Новая Теберда. 1960 г.

*Минакай Батчаева (первая справа).
Город Кисловодск. Довоенная фотография.*

К ПЯТОЙ ГЛАВЕ
«О, ВОЙНА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА С НАМИ...»

*Исмаил Батчаев, ветеран войны и труда.
Село Ильичевское. 90-е гг.*

*Шама Канаматова.
Город Карачаевск. Довоенная фотография.*

Караджаи Дадаевич Темрезов. 1916 г.

*Устинья Дмитриевна Евсюкова с дочерью Марьям (сидят).
Во 2-м ряду сын Амин с женой. Краснодар. 70-е гг.*

*Амин Караджашевич и Мариям Караджашевна Темрезовы.
Тбилиси, госпиталь. 1942 г.*

Зоя Абуковна Эриккенова в годы Великой Отечественной войны.

Ветеран войны и труда З.А. Эриккенова. 70-е гг.

Адрахман Темирджанов. 1945 г.

*Сапият Джабаева, будущая супруга Адрахмана Темирджанова.
Село Мерке. 1948 г.*

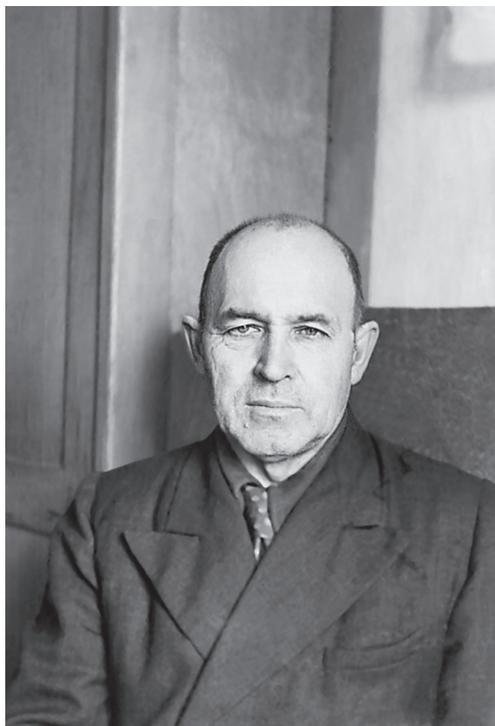
*Магомет Мамроевич Декушев, гвардии полковник.
Село Сарытюз. 1957 г.*

*Славные сыны карачаевского народа.
Слева направо: полковник Магомет Мамроевич Декушев,
Герой Советского Союза гвардии полковник Харун Умарович Богатырев,
генерал-полковник Солтан Кёккезович Магомедов,
Герой России полковник Аскер Мырзакъулович Бадахов.
Аул Сарытюз. 1957 г.*

*Лейла Исмаиловна Аджиева.
Город Микоян-Шахар. 1940 г.*

*Учитель Петр Евгеньевич Агринский.
Город Микоян-Шахар. Март 1955 г.*

К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ
«ДЕНЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ»

*Локман Чотчаев (справа) с братом Хамзатом.
Город Микоян-Шахар. 30-е гг.*

Развалины села Схауат. 1956 г. (Фото Исмаила Алиева).

Сосланбек Абайханов у здания клуба, фундамент которого заложен из надгробных камней. Село Верхняя Теберда. 1988 г.

*Ибрагим и Софья Байрамуковы с родственницей Кларой (слева).
Киргизия. 1944 г.*

*Ибрагим и Софья Байрамуковы с детьми.
Село Новая Джегута. 1958 г.*

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

*Члены первой делегации карачаевцев в Москве.
Стоят (слева направо) – участник ВОВ, дователь М.О. Акбаев,
инструктор ЦК КП Киргизии Р.Т. Алиев. Сидят: юрист, заместитель
директора Фрунзенского пищекомбината Б.А.-Г. Караев; бывший
первый секретарь Карачаевского областного ВКП(б) С.-У.Б. Токаев;
участник ВОВ, служащий А. Эбзеев. Москва. 1956 г.*

*Члены второй делегации карачаевцев в Москве.
Стоят (слева направо) – бывший партизан, офицер Ю.М. Байрамуков;
офицер, участник ВОВ, бывший секретарь Малокарачаевского райкома
ВКП(б) М.И. Джаммаев; колхозник, участник ВОВ И.У. Байрамкулов;
служащий У.Х. Урусов. Сидят: офицер, участник ВОВ Т.Х. Курджиев;
88-летний колхозник И. Дж. Чагаров; Герой Социалистического Труда
Н.Х. Кубанова; инженер-авиаконструктор М.И. Гаджаев.
Москва. 1956 г.*

*На празднике. Перед возвращением. Средняя Азия.
(Фото из партархива).*

*Карачаевская молодежь после встречи с делегированными в Москву
к Н.С. Хрущеву товарищами. Фрунзе. 1956 г. (Из архива А. Семенова).*

Эта деревянная «триумфальная» арка была сооружена для торжественной встречи возвращающихся на родную землю после четырнадцатилетней вынужденной разлуки с ней. 1957 г.

Они организовывали возвращение на родную землю.
Город Карачаевск. 1957 г.

Первые студенты-карачаевцы, сумевшие добиться разрешения на учебу в вузах Киргизии. Стоят (слева направо) – Абукадыр Семенов (физико-математический факультет), Умар Байрамуков и Магомед Хабичев (филологический), Амин Абазалиев (геологический), Ислам Байчоров (филологический). Сидят: Башир Кагиев (сельскохозяйственный), Сагит Байрамкулов и Мурат Джаубаев (медицинский), Хамит Борлаков (сельскохозяйственный). г. Фрунзе. 1952 год.

*Представители возрождающейся творческой интеллигенции:
писатель Осман Хубиев, журналист Идрис Салгагаров,
поэт Халимат Байрамукова, поэт Хамзат Кубанов,
писатель и журналист Сеит Лайпанов.
г. Карачаевск. 1959 г.*

*Поэт, ученый Магомет Хубиев после 14 лет разлуки с родиной.
1957 г. г. Карачаевск.*

*Первые минуты на родине!
(Здесь и далее представлены фотографии
Б. Молоткова. Из архива М. Хубиева).*

*В таких вагонах вернулись бывшие спецпереселенцы на Кавказ.
Весна 1957 г.*

Здравствуй, брат! Встреча через 14 лет.

Радость встречи.

«Играй, гармонь! Рассказывай...»

Первый танец на земле отцов.

Обмен адресами.

Они занимались расселением семей по аулам.

Совещание.

Дети, родившиеся в депортации.

Выгружаются из вагонов.

Той на вновь обретенной родине.

КНИГА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ЧИТАТЬ БЕЗ СЛЕЗ

«Когда сердце горит от печали...» – так назвала Фатима Байрамукова свою книгу, и это название удивительно точно соответствует ее содержанию. В ней представлены воспоминания тех, кто в 40-е–50-е годы испытал судьбу «спецпереселенцев». Собранные вместе, они бьют в душу такой обжигающей болью, что книгу нельзя читать без слез, без волнения.

Сколько пришлось пережить людям, изгнанным в годы сталинско-бериевских репрессий с родной земли! Они до дна испили горькую чашу голода, холода, унижений. Особенно уязвимыми оказались дети и старики. Это были, в основном, родители и дети тех, кто с оружием в руках отстаивал честь и независимость Родины. И ничем, никакими доводами нельзя оправдать жестокость сталинско-бериевских правителей, проявленную по отношению к своим соотечественникам. Невольно вспоминаются слова Евгения Евтушенко:

*...Но потеряли мы в борьбе неравной
Десятки миллионов на войне
И миллионы – на войне с народом...*

Книга убеждает точностью суровых подробностей о переселении. Основное место в ней, как мы уже отмечали выше, занимают воспоминания людей, переживших «спецпереселение». Это не «летучий» репортаж. Все собранное Фатимой Байрамуковой пережито ею, пропущено через ее неравнодушное сердце. Благо-

даря этому огромный материал, представленный в книге, обрел целостность и органичность.

С удивительной теплотой раскрываются перед читателем незаурядные характеры стойких и мужественных людей, которые, по выражению одной из героинь книги, «выдержали то, что не выдержали бы даже горы».

В книге «Когда сердце горит от печали...» часто звучит мысль: «Выжить, выстоять в этом аду помогло карачаевцам их неотъемлемое природное качество – огромное трудолюбие. Ох, эти неутомимые руки женщин-карачаевок! Они брались за любую работу. Шили, вязали, строили, пололи, косили... И не было работы, с которой бы они не справились! И не было расстояния, которое женщины не преодолевали, если нужно было помочь ближнему. Так, Бабух Дотдуева, похоронившая двух своих малолетних детей, девять месяцев разыскивала своего младшего брата Идриса. Супият Эльканова из аула Новый Карачай в течение одного года похоронила в казахстанской земле семерых своих близких родственников и осталась одна с восемью (!) малолетними детьми – своими и детьми сестры, из которых старшему было двенадцать лет. И эта хрупкая молодая женщина не опустила руки. Неутомимая труженица Супият с утра до вечера работала на свекловичных полях, а ночами шила, вязала, готовила, стирала... Собственноручно построила из самана мазанку.

Уроженка аула Къарт Джурт Лиза Гочияева «обрядила» в последний путь и похоронила 12 (!) человек – соседей и просто знакомых. А это было очень нелегко сделать в те голодные годы, когда не хватало сил даже передвигаться. Не случайно Шама Канаматова, по ее собственному признанию, потеряла сознание, когда рыла могилу отцу, и немощные старики еле-еле вытащили ее из ямы.

Букъмин Герюгова – жена фронтовика, погибшего под Сталинградом, в день переселения карачаевцев находилась в ауле Мара, а ее четверо детей в то время были в ауле Каменномост. Они оказались в Киргизии, а мать – в Казахстане. Три месяца Букъмин искала своих детей. Нашла и спасла...

А кого оставит равнодушным судьба жителей аула Джеганас, погибших в день переселения?! Машина, в которой ехали «спецпереселенцы» и охрана, сорвалась со скалы. Из 28 человек, находившихся в ней, в живых остались шесть, в том числе двое малолетних детей: пятилетняя Таня Джашеева и восьмимесячный Дахир Хубиев, которого мать во время падения успела выбросить из машины. Дахир, к счастью, застрял в кустарнике. Его обнаружили лишь на следующий день и сдали в детский дом. Из Черкесского детского дома Володя Кубиев (так его называли) попал в Ленинград. Потом поступил в Суворовское училище. Во время учебы его вместе с другими суворовцами послали на Кубу. После возвращения на родину в Москве состоялось торжественное награждение суворовцев. Среди них был и Володя (Дахир Хубиев). Случилось так, что на церемонии награждения присутствовал генерал Солтан Магомедов, карачаевец по национальности. Он обратил внимание на Володю Кубиева. Подозвал к себе. Разговорились. Генерал не ошибся. Это был его земляк. По совету генерала Владимир поехал в Карачаево-Черкессию и нашел там отца, братьев и сестер. Это было в 1964 году. Но и у этой истории не было счастливого конца. После встречи с родными Дахир Хубиев уехал в Москву и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.

Более удачно сложилась судьба Тани Джашеевой. Она во время переселения осталась жить под родным небом. Ее нашла, удочерила и воспитала добрая русская женщина Феня Шмойлова. Ее уже нет в живых, а Таня выросла, вышла замуж, воспитала сына. Живет она сейчас в городе Усть-Джегута.

До глубины души трогает судьба талантливой Минакай Батчаевой, которая в Средней Азии была посажена в тюрьму за сочинение песен о переселении. Первые строки родились еще в пути, когда эшелон со «спецпереселенцами», в котором она находилась, переезжал по мосту Волгу.

*...Кто сейчас открывает, кто сейчас разоряет
Мой дом, оставленный в Нарсане?*

*Если даже что-то и прощу Сталину,
День, когда мы проезжали Волгу, не прощу...*

Минакай провела в тюрьме три месяца и 18 дней. Объявив голодовку, продолжала ее до тех пор, пока ее не оправдали. Ай да Минакай! Недаром ее так любили в народе!

Трогает и история любви Караджаша Темрезова, участника Первой мировой войны, и Устиньи Евсюковой. Они встретились в 1920 году в Екатеринодаре, в военном госпитале, где Устинья работала поваром. Полюбили друг друга с первого взгляда. Муж ее погиб во время гражданской войны. У нее были две дочери. Женившись на Устинье, Караджаш удочерил их. В 1921 году он привез свою семью в Карачай, в аул Каменномост. За три года Устинья выучила карачаевский язык и усвоила нравы и обычаи карачаевцев. У них родились дети: Амин, Мариям и Борис. Как депортация карачаевского народа отразилась на судьбе этих детей, тоже рассказывается в книге «Когда сердце горит от печали...».

...Устинья Дмитриевна похоронена в Краснодаре. До последних дней своей жизни она не порывала связей с Карачаем...

Народная память сохранила немало воспоминаний о тех, кто сочувствовал горю карачаевцев, протянул им в трудный момент руку помощи, поддержал словом или делом. Благородные и добрые люди встречались и среди тех, кто участвовал в депортации карачаевцев. Так, по воспоминаниям Букмин Герюговой, о которой мы уже упоминали выше, ее четверых детей спас от голода офицер, который переселял их. Офицер (по воспоминаниям детей) спросил: «Где ваши родители?» Старшая из детей, Клара, ответила: «Отец погиб, а мать уехала в аул Мара...». Офицер повернулся к детям спиной и заплакал. Потом сам снял со стены ковер, собрал в него вещи, продукты и, крепко перевязав веревкой, подал старшей Кларе. Ей же отдал опись вещей, которые остались в доме, и, закрыв дверь, ключи...

Добрым словом вспоминаются в книге люди самых разных национальностей. Это русская женщина из Саратова, которая

долгие годы ухаживала за могилой девочки-карачаевки, умершей в поезде и похороненной на саратовском кладбище. Это председатель колхоза Тимофей Федорович Ивашкевич, который не побоялся на одном из многочисленных совещаний вслух сказать о своем добром отношении к исключительно трудолюбивому и талантливому карачаевскому народу. Это учитель из Усть-Джегуты Николай Васильевич Красников, бросивший в лицо работникам из НКВД, переселявшим семью карачаевца Боташева, у которого один сын погиб под Ленинградом, а другой вернулся домой инвалидом: «Разве вы люди?!». Это учитель Дмитрий Иванович Суздальцев, сохранивший на чердаке своего дома книги на карачаевском языке. Это школьница из Карачаевска Аня Лоскутникова, которая, несмотря на все запреты, продолжала переписываться со своей депортированной в Среднюю Азию подругой-карачаевкой. Это преподаватель Микоян-Шахарского педучилища Пётр Иванович Агринский, который пережил насильственное переселение карачаевцев из родных мест как личную трагедию. В письме к своему сыну на фронт он писал: «...Наш сосед – студент-карачаевец – уехал с одним матрацем, без всяких вещей...»

Да разве всех перечислить?! Главное, что в тяжелейших условиях люди не потеряли человеческого облика, чувства сострадания к чужому горю. Особой сердечностью, по воспоминаниям очевидцев, отличились киргизы и казахи, бок о бок с которыми переселенцы прожили все горькие годы. Карачаевцы сохранили в своих душах неподдельную благодарность им.

Книга «Когда сердце горит от печали...» вобрала в себя волнующий и правдивый материал о переселении, а потому она читается от начала до конца с неослабевающим интересом.

Спасибо автору этой книге Фатиме Байрамуковой за боль, за сопереживание, за талант, за память.

Рима Ортабаева,
заведующая карачаевским отделом
Карачаевско-Черкесского института гуманитарных
исследований, академик Международной тюркской академии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие. ВОЗЬМУ ТВОЮ БОЛЬ</i>	5
<i>Глава первая. ТРЕТЬЕ НОЯБРЯ</i>	16
Дерево – памятник над могилой.....	16
«...Кажется, что живу уже 150 лет...».....	20
«Как Дахир Хубиев стал Владимиром Кубиевым?».....	26
«Счастье их совсем забыло...».....	33
<i>Глава вторая. НАШИ МАТЕРИ</i>	41
«Мы были пленниками горя».....	41
«Я была боязливой и не давала повода бить себя».....	48
«Не имела права умирать...».....	52
«Сытно поем, сразу Азия вспомнится...».....	55
«Климат родины не подходит ему».....	59
«В поисках детей я обошла пешком всю Среднюю Азию».....	62
«Ничто не забыто, ничто не прошло...».....	66
«Отец! Мама!.. С солнцем шлю вам привет...».....	73
«На каждом углу нас поджидала смерть...».....	79
<i>Глава третья. БОЛЬ МОЯ – ДЕТИ</i>	82
Воспоминания о детстве.....	82
«Нет, не спрашивай о пережитом...».....	86
«Остывшее тело братика старалась согреть, не понимая, что он умер».....	89
«Когда закончится ссылка?».....	95
Детство с приставкой «спец» (Ф. Магулаева).....	100

<i>Глава четвертая. СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ.....</i>	103
<i>Глава пятая. «О, ВОЙНА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА С НАМИ...»...116</i>	
Боль моя, Карачай (Ю. Логинов).....	116
<i>Нашествие.....</i>	117
<i>Подвиг.....</i>	121
<i>Оговор.....</i>	127
«С гранатами в руках стояли у дверей...».....	130
«В могиле потеряла сознание...».....	137
«За плечами бремя войны, ссылки и тюрьмы...».....	140
«Во мне живут две войны...».....	148
«Герой не бывает без ран».....	158
Из-под венца – в тюрьму.....	171
«Язык сердца – это родной язык».....	192
«На праздничный митинг пришли в черных платках...».....	200
<i>Глава шестая. ДЕНЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.....</i>	209
«Когда пришло время арестовать Локмана...».....	209
Исчезнувшие селения.....	214
Первая карачаевская свадьба.....	240
Когда говорят архивы.....	256
Карча – вождь свободных (М. Батчаев).....	292
<i>Рассказ о земле отцов.....</i>	292
<i>Песня пастуха Таулу.....</i>	296
<i>На земле отцов.....</i>	302
ПРИЛОЖЕНИЕ С ФОТОГРАФИЯМИ.....	304
РИМА ОРТАБАЕВА. Книга, которую нельзя читать без слез...	
.....	353

Фатима Ибрагимовна Байрамукова
«КОГДА СЕРДЦЕ ГОРИТ ОТ ПЕЧАЛИ...»

Ответственный редактор – *С.А. Узянов*

Литературный редактор – *В.Б. Моргачев*

Перевод с карачаевского языка – *А.-А.И. Байрамукова*

На обложке: работа художника *И.Х. Занкишиева* «Мать»

Оформление обложки – *А.В. Кустов*

Дизайн, изготовление оригинал-макета и компьютерная
верстка – *Т.Н. Фирсова*

Корректор – *В.И. Смирнова*

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Объем 22,5 усл. печ. л.

Бумага. Гарнитура Minion Pro. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
